

БСР

Н. И. Филичева

НЕМЕЦКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЯЗЫК

**Библиотека
филолога**

Н. И. Филичева

**НЕМЕЦКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЯЗЫК**

**МОСКВА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА»
1992**

**ББК 81.2 Нем
Ф 53**

*Рекомендовано Государственным комитетом СССР по
народному образованию для использования в учебном
процессе*

Рецензенты: кафедра немецкого языка Калининского государственного университета (зав. кафедрой д-р филол. наук проф. Е.В. Розен);

ведущий научный сотрудник Отдела германистики и кельтологии
Н.Н. Семенюк (Институт языкознания АН СССР)

Филичева Н.И.

Ф 53 **Немецкий литературный язык: Учеб. пособие. – М.:
Вышш. шк., 1992. – 176 с.: ил. – (Б-ка филолога).**

ISBN 5-06-001718-4

В книге впервые в учебных целях обобщены новейшие достижения советских и зарубежных германистов в области изучения истории немецкого литературного языка. Становление и развитие немецкого литературного языка освещается как единый, исторически обусловленный процесс, охарактеризованы периоды его развития.

4602020103(4309000000) – 173
Ф _____ **24 – 91**
001(01) – 92

**ББК 81.2 Нем
4И(Нем)**

Учебное издание

Филичева Нинель Ильинична

Немецкий литературный язык

Редактор *В.М. Завьялова*. Младшие редакторы *Н.А. Казак*, *Л.Г. Яковлева*. Художник *А.В. Алексеев*. Художественный редактор *В.А. Щербаков*. Старший корректор *Г.Н. Середина*. Оператор *И.А. Аландарова*.

ИБ № 8767

Изд. № Н-502. Сдано в набор 09.07.90. Подп. в печать 23.10.91. Формат 60х88/16. Бум. офс. № 2. Гарнитура таймс. Печать офсет. Объем 10,78 усл. печ. л. 11,03 усл. кр.-отт. 11,63 уч.-изд. л. Тираж 5000 экз. Заказ № 341.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Набрано на персональном компьютере в издательстве «Высшая школа».

Отпечатано в Московской типографии № 8 Министерства печати и информации Российской Федерации. 101898, Москва, Хохловский пер., 7.

ISBN 5-06-001718-4

© Н.И. Филичева, 1992

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга задумана как учебное пособие монографического типа, углубляющее и расширяющее сведения по теории и истории немецкого литературного языка, которые студенты-германисты получают в общих курсах «Введение в германскую филологию» и «История немецкого языка». Необходимость написания подобной книги обусловлена тем, что интенсивная разработка в последние годы советскими и зарубежными германистами проблем истории немецкого литературного языка, общей теории литературного языка, коммуникативной диалектологии, социолингвистики вносит ряд существенных уточнений в имеющиеся представления о немецком литературном языке и его истории. Результаты этой разработки положили конец отождествлению литературного языка и национального языка, выдвинули задачу реконструкции языковой ситуации и освещения закономерностей развития немецкого литературного языка в донациональный период, позволили по-новому осмыслить некоторые аспекты процесса формирования немецкого национального литературного языка, раскрыли сложность функциональной системы национального языка в целом, обострили интерес к вопросам варьирования немецкого литературного языка как полинационального, обслуживающего население нескольких немецкоязычных государств.

Новая научная информация, связанная с упомянутой выше проблематикой, не получила еще отражения в имеющихся учебниках и учебных пособиях по истории немецкого языка и введению в германскую филологию. В советской учебной литературе отсутствуют специальные пособия по истории немецкого литературного языка, а в общих учебниках по истории языка соответствующие вопросы нередко освещаются фрагментарно. Таким образом, можно считать вполне назревшей необходимость опубликования учебного пособия по теории и истории немецкого литературного языка, которое бы знакомило с актуальной проблематикой в данной научной области, содержало описание функционально-типологических особенностей немецкого литературного языка и освещало основ-

ные этапы его развития как звенья единого исторически обусловленного процесса.

При подготовке данного пособия автор основывался на собственном опыте чтения в течение ряда последних лет спецкурсов по истории немецкого литературного языка и по проблемам территориального и национального варьирования немецкого языка на филологическом факультете Московского университета, а также использовал данные своих исследований. Автор опирался на трактовку общих вопросов теории и истории литературного языка в советском языкознании (ср. особенно работы М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк, А.И. Домашнева). Привлекались также работы зарубежных лингвистов – И. Шильдта, Г. Шиб, Р. Гроссе, Д. Нериуса, Г. Эгтерса, Шт. Зондереггера, Н.Р. Вольфа, двухтомное издание «История языка» (1984 – 1985 г.г.) под редакцией В. Беша, О. Райхмана, Шт. Зондереггера и др. В пособии объединены описание современного состояния немецкого литературного языка (в соотнесенности с другими формами существования и с учетом особенностей его различных национальных вариантов) и характеристика исторических путей его становления и развития.

Учебное пособие предназначается для студентов-германистов III – IV курсов филологических факультетов университетов и институтов иностранных языков. Оно может быть полезным для аспирантов и преподавателей-германистов, а также для лингвистов других специальностей, интересующихся общими проблемами теории и истории литературных языков.

Автор приносит глубокую благодарность ведущему научному сотруднику Отдела германистики и кельтологии ИЯ АН СССР, доктору филологических наук Н.Н. Семенюк, коллективу кафедры немецкого языка Калининского государственного университета, заведующей кафедрой немецкого языка профессору Е.В. Розен за полезные замечания, способствовавшие улучшению работы.

Автор

*Светлой памяти мамы –
Михайловой Александры Ильиничны
посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

История немецкого литературного языка как теоретическая лингвистическая дисциплина теснейшим образом связана с историей немецкого языка в целом, с общей теорией литературного языка, с теорией вариантности полинациональных литературных языков. Связь эта двусторонняя, поскольку история немецкого литературного языка не только отражает уровень постановки методологических проблем, характерный для названных отраслей лингвистики, но и сама, исследуя закономерности исторической эволюции определенного литературного языка, вносит весомый вклад в их решение.

В последние годы на развитие истории немецкого литературного языка как науки плодотворное влияние оказали и продолжают оказывать интенсивная разработка советскими германистами актуальных вопросов функциональной типологии германских литературных языков и проведение сравнительно-типологических исследований в данной области [37; 35; 38]. Это позволило по-новому подойти к целому ряду теоретических проблем, правильное решение которых имеет важное методологическое значение.

В свете данных функциональной типологии существенному уточнению подверглось центральное теоретическое понятие – «литературный язык», которое в течение длительного времени отождествлялось с понятием «национальный язык». Еще в конце 60-х годов в советской и зарубежной германистике не проводилось четкого разграничения понятий «литературный язык» (Literatursprache) и «национальный язык» (Nationalsprache) и соответствующих явлений. С понятием литературного языка связывалось представление

лишь о литературном языке эпохи становления нации, а последний, в силу этого, отождествлялся с понятием национального языка. Многие немецкие языковеды вообще не выделяют понятие «национальный язык», а для обозначения литературного языка эпохи становления нации пользуются, по большей части, терминами «письменно-литературный язык» (Schriftsprache), «единый язык» (Einheitssprache) и «литературная языковая норма» (Hochsprache, Kultursprache). Результатом разработки советскими и немецкими германистами [37; 35; 38; 1; 122] вопросов функциональной типологии немецкого языка явилось то, что с начала 70-х годов между этими двумя понятиями и обозначаемыми ими явлениями проводится все более четкая демаркационная линия. Различие между ними ярко раскрыто в работе М.М. Гухман «Литературный язык» [11], где дано развернутое историко-материалистическое объяснение соответствующих явлений.

Национальный язык и литературный язык оказываются далеко не тождественными понятиями. Литературный язык является одной из форм существования языка наряду с территориальными диалектами, полудиалектами и разновидностями обиходно-разговорного языка [11, 502]. Он представляет собой историческую категорию и как особая форма существования языка выделяется не только в эпоху становления нации, но и в донациональный период. Однако в эпоху формирования нации литературный язык достигает своего наивысшего развития и полностью реализует те потенции, которые были заложены в нем еще в донациональное время, характеризуясь следующими релевантными чертами: поливалентность, стилевое многообразие, отбор и регламентация языковых средств, наддиалектная специфика [11, 533].

В отличие от литературного языка национальный язык представляет собой не одну из форм существования языка, а определенный исторический этап в развитии всех форм существования языка, связанный с эпохой формирования и становления нации [11, 530]. Охватывая все формы существования языка, национальный язык функционирует как разноаспектная система, обеспечивающая коммуникацию во всех сферах общественной жизни данной нации. Национальный язык характеризуется иерархической структурой: его ядро образует национальный литературный язык, периферию составляют территориальные диалекты, а большая промежуточная зона между ними включает разнообразные наддиалектные формы языка. Функциональная структура национального языка, т.е. вся система форм существования языка и статус литературного языка, меняется в процессе исторического развития.

Иерархически организованные системы разных форм существования языка, меняющиеся одновременно с изменением общественных условий, представлял собой и язык немецкой народности в раннефеодальный период и в период развитого феодализма (См. в особенности [113]).

Соотношение национального и литературного языка – одна из кардинальных проблем общей теории литературного языка, от правильного методологического решения которой зависит решение целого ряда других важных вопросов. Дихотомия «литературный язык» – «национальный язык» сохраняет свою релевантность и при изучении вариантности полинациональных языков, имеющих статус государственного языка одновременно в нескольких странах. Принципиально важно при этом, что варьирование в подобных случаях распространяется не только на литературный язык, но охватывает и национальный язык в целом. Главное (исходное) противопоставление «литературный язык» – «национальный язык» преломляется в условиях использования одного языка несколькими нациями в виде оппозиции «национальный вариант литературного языка» – «национальный вариант языка» [45, 19]. Различия между национальными вариантами одного литературного языка проявляются преимущественно в структурно-нормативном аспекте [42; 68, 25]. Их основу составляют кодифицированные и зафиксированные в официальных справочниках специфические орфографические, произносительные, морфологические, синтаксические, лексико-семантические, словообразовательные, фразеологические и стилистические особенности. Расхождения между национальными вариантами одного и того же языка обнаруживаются главным образом в функционально-типологическом аспекте. Они основываются на различиях в системе форм существования, входящих в национальный язык, в составе и количестве этих форм, в их качественном своеобразии, в отношениях друг с другом, в их социальном статусе и коммуникативных нормах, регламентирующих использование разных форм существования в процессе коммуникации. Дифференциация подобного рода четко прослеживается, в частности, при исследовании закономерностей функционирования немецкого языка в обслуживаемых им государствах. Особенно ярко она выявляется при построении и сопоставлении функциональных парадигм (термин М.М. Гухман, см. [38, 4], см. также [36]) национальных вариантов немецкого языка, т.е. моделей, отражающих иерархическое построение системы форм его существования, его функциональную стратификацию. Сопоставление функциональных парадигм национального языка в разных немецкоязыч-

ных странах свидетельствует о том, что при использовании немецкого языка как средства коммуникации разными нациями он стал национально негомогенным.

Четкое разграничение кардинальных понятий «национальный язык» и «литературный язык» способствует методологически правильному решению вопроса о соотношении национального языка, литературного языка и территориальных диалектов. По этому поводу в советском языкознании представлены две точки зрения, теснейшим образом связанные с трактовкой категорий «национальный язык» и «литературный язык». Часть лингвистов (В.М. Жирмунский, А.В. Десницкая, В.В. Виноградов) придерживается мнения, согласно которому диалекты не входят в национальный язык в качестве его составной части. Другие советские языковеды (Р.И. Аванесов, М.М. Гухман, Ф.П. Филин) включают в систему национального языка наряду с наддиалектными формами также и диалекты. Убедительно доказывая неправомочность исключения диалектов из системы национального языка, Ф.П. Филин отмечает, что сведение русского национального языка только к литературному – применительно к дореволюционному времени в России – означало бы, что «крестьяне, рабочие, значительная часть других социальных слоев населения находились вне нации, а нацией была лишь верхушка общества» [39, 167]. Точно так же неправомочно и исключение немецких территориальных диалектов из системы немецкого национального языка. Вместе с тем вопрос о соотношении литературного языка, территориальных диалектов и других форм существования языка оказывается для немецкого языка гораздо более сложным, чем для русистики. Национальный русский язык образует, как показывает Ф.П. Филин, целостную систему систем, единство которой цементируется наличием структурной близости между отдельными формами существования русского национального языка [39, 165 – 166]. Для немецкого же языка, где существуют большие различия между территориальными диалектами и литературным языком, а также между отдельными диалектами, целесообразно различать два аспекта этой проблемы – структурный и функционально-типологический (подробнее об этом см. в главе I).

Структурный аспект рассмотрения предполагает установление степени структурной близости между литературным языком, с одной стороны, и диалектами и другими формами существования языка – с другой.

По структурным признакам сложная система современного немецкого языка делится на две диасистемы. В одну из них наряду с

немецким литературным языком входит обиходно-разговорный язык (в том числе и территориально окрашенный) как один из вариантов системы литературного языка, тогда как диалекты со своими очень древними и специфическими языковыми системами объединяются в другой, особой диасистеме [76, 406]. Это деление сложной системы современного немецкого языка по структурным признакам на две диасистемы не совпадает полностью с его членением на основании функционально-типологических критериев, в соответствии с которыми три формы существования языка – литературный язык, обиходно-разговорный язык и территориальные диалекты – входят в объединяющую их систему национального языка. Функционируя в рамках единой системы национального языка, разные формы существования языка интенсивно взаимодействуют друг с другом, чему в немалой степени наряду с экстралингвистическими факторами способствует и фактор собственно лингвистический – общность генетической основы.

Большой сложностью отличается процесс становления национального литературного языка в Германии, что нашло свое отражение в многообразии концепций, характеризующих его протекание. В немецкой филологической традиции представлены три основные модели объяснения этого процесса (подробнее см. [56, 1783; 81, 36]). Хронологически самая ранняя из них принадлежала К. Мюлленгофу, который выступил в 1863 г. с теорией непрерывного последовательного развития общенемецкого письменно-литературного языка начиная с древневерхненемецкого периода. В модели К. Мюлленгофа недооценивался полицентрический характер территории распространения немецкого языка, а социально-экономические и политические предпосылки, необходимые для формирования письменно-литературного языка надрегionalной значимости, получали неверную трактовку [81, 37]. К. Бурдах, выдвинувший позднее (1884 г.) другую модель объяснения, отклонил идею непрерывности развития новонемецкого литературного языка из древневерхненемецкого. Рассматривая новонемецкий литературный язык как продукт искусственной письменной унификации, осуществленной вне зависимости от определенной диалектной основы представителями раннего гуманизма, К. Бурдах считал его колыбелью пражский двор и канцелярию Карла IV (1346 – 1378). По мнению К. Бурдаха пражская канцелярия, в деятельности которой ведущую нормализаторскую роль играл канцлер Карла IV – гуманист Й. фон Ноймаркт, подчинила своему влиянию все прочие значительные канцелярии, в том числе и саксонскую княжескую канцелярию, а через посредничество последней также М. Лютера. Не от-

рица того, что в пражской канцелярии Карла IV, действительно, наблюдается значительное выравнивание на уровне письменности (художественная литература, официально-деловая проза), результаты которого в ряде черт обнаруживают тенденцию к сближению с соответствующими явлениями новонемецкого литературного языка, современные исследователи вместе с тем полагают, что К. Бурдах явно переоценил силу языкового влияния данной канцелярии на другие немецкоязычные территории. Относительно «островное» положение пражской канцелярии в чешском языковом окружении, хотя и не исключало полностью ее излучения на другие немецкоязычные регионы, однако не могло быть достаточно сильным и окончательно утасло в период общественных потрясений, связанных с гуситскими войнами. Черты языкового выравнивания, наблюдавшиеся в пражской канцелярии, явились лишь своеобразным «прологом» к унификации письменно-литературного языка, осуществившейся спустя два столетия [56, 1786; 81, 38].

В 1936 г. новая модель объяснения, вызвавшая настоящий переворот в истории немецкого литературного языка и получившая широкое признание в зарубежной и советской германистике, была предложена Т. Фрингсом. Основываясь на данных лингвистической географии и истории Германии, Т. Фрингс искал глубокие исторические корни новонемецкого литературного языка в колонизованных восточносреднемецких областях, где в результате взаимодействия переселенческих говоров на протяжении XI – XIII вв. постепенно сложился смешанный язык (*Durchschnittssprache*), сочетающий в себе признаки разных диалектных ареалов.

Согласно теории, разработанной Т. Фрингсом и представителями созданной им Лейпцигской школы диалектографии, в XIV – XV вв. во взаимодействии с этим смешанным языком преимущественно сельского населения и под сильным южным влиянием в треугольнике Мейссен – Лейпциг – Дрезден развились имеющие более высокий социальный статус устное городское койне и письменный официально-деловой язык, которые получили распространение во всем тюрингенско-верхнесаксонском регионе. Этот восточносреднемецкий вариант письменно-литературного языка составил в дальнейшем ведущий компонент территориальной основы национального литературного языка [72, 97]. Теория Т. Фрингса долгие годы стимулировала разработку проблематики, связанной со становлением немецкого национального литературного языка, и, несмотря на критику ее отдельных положений (см., в частности, [56, 1787ff.; 81, 41ff.]), не утратила в настоящее время своего научного значения.

В последние десятилетия изучение процесса формирования немецкого литературного языка ведется в нескольких новых направлениях, обусловленных развитием лингвистической теории. Односторонняя, несколько суживающая общую перспективу, сконцентрированность научного интереса на восточносредне немецком регионе сменилась вовлечением в исследование многих других (подчас недостаточно изученных) языковых ландшафтов, которые с разной степенью активности принимали участие в общем интеграционном процессе на уровне письменности. Возросло внимание к вопросам литературного и языкового взаимодействия между разными регионами, который стал возможным благодаря распространению книгопечатания и грамотности и явился ступенью, предшествовавшей языковой унификации. Авторы новейших работ, посвященных территориальным и региональным вариантам письменно-литературного языка в XIV – XVI вв., подчеркивают своеобразие систематики языкового развития на уровне письменности, стремятся выявить отношения конкуренции между вариантами, установить нормализационные тенденции и определить закономерности интеграционного процесса.

Важное значение приобрел уже упоминавшийся выше функционально-типологический подход к изучению процесса становления национального литературного языка, при котором на передний план выдвигаются исторические сдвиги в соотношении разных форм существования в функциональной системе немецкого языка в целом и их обусловленность изменениями в коммуникативных отношениях. Исследуются социальный статус литературного языка, диапазон функций, выполняемых им в общественной коммуникации, определяются количество и степень выраженности его релевантных признаков.

Наряду с функционально-типологическим значительное место в новейших исследованиях, посвященных периоду становления национального литературного языка, отводится функционально-стилистическому и социолингвистическому аспектам. В связи с последним существенное методологическое значение приобретает вопрос о социальной природе национального литературного языка. В немецкой отечественной германистике широко бытует мнение, что в его создании участвовали лишь так называемые образованные слои общества. Так, в частности, Г. Эггертс, освещая историческое развитие немецкого литературного языка, трактует последний как средство коммуникации в сфере культуры (Kultursprache). Соответственно он пытается определить для каждого периода духовную элиту (Bildungselite), которая играла ведущую роль в языковых про-

цессах [62, 19]. Если в древневерхненемецкий период создателями немецкого литературного языка были ученые-теологи, то в средневерхненемецкий период, по мнению Г. Эггера, руководящая роль в языковой коммуникации перешла к высшим кругам рыцарства (*der ritterlich-höfische Adel*), а в ранненововерхненемецкий период их сменило «третье» сословие. Нововверхненемецкий язык, стоящий над диалектами и созданный якобы «путем научных умозаключений» (*durch gelehrte Spekulation geschaffen*), Г. Эггер расценивает как продукт языкового творчества мыслителей и поэтов (*die sprachliche Schöpfung von Dichtern und Denkern*) [62, 22]. В этой связи полезно вспомнить бессмертные слова В.Г. Белинского: «Создать язык невозможно, ибо его творит народ; филологи только открывают его законы и приводят их в систему, а писатели только творят на нем сообразно с сими законами» [2, 44].

Для концепции Г. Эггера характерен односторонний подход к литературному языку, при котором принимаются во внимание лишь отдельные признаки данной формы существования языка. Прежде всего, Г. Эггер суживает объем понятия «литературный язык», учитывая исключительно способность последнего служить средством общения в сфере духовной культуры. Однако в действительности диапазон функций литературного языка несравненно более широк, поскольку он представляет собой универсальное средство общения, которое может использоваться в самых разнообразных сферах коммуникации и в создании которого (хотя и не в равной мере) участвуют все члены общества. В силу этого важнейшими свойствами литературного языка эпохи существования нации являются полифункциональность и стилевое многообразие [11, 509 и сл.], что непременно должно учитываться при его характеристике.

Дискуссионна и другая исходная теоретическая посылка, а именно отождествление процесса формирования немецкого национального литературного языка наддиалектного типа в целом и его завершающего этапа – процесса окончательной выработки и кодификации общенемецкой литературной нормы. Благодаря подобному отождествлению рассмотрение развития литературного языка ограничивается теми процессами, в которых действительно участвовали преимущественно представители определенного социального слоя – носителя образования, на основании чего и делается вывод об ограниченности литературного языка по его социальной природе высшими слоями общества. Г. Эггер не учитывает всей сложности процесса становления национального литературного языка в Германии, который, как убедительно доказали Т. Фрингс [69, 31 – 32] и его ученики, отнюдь не являлся лишь продуктом ис-

12

кусственной письменной унификации. Вследствие многовековой территориальной раздробленности в условиях Германии не мог осуществиться непосредственный переход от местных диалектов к наддиалектному литературному языку. Необходимо было посредствующее звено между ними – наддиалектные типы разговорного языка, в которых нередко осуществлялся первичный отбор языковых явлений, закрепляемых в письменности. Поэтому формирование немецкого литературного языка наддиалектного типа (в особенности на начальном этапе этого процесса), как показывает Н.Н. Семенюк [32, 128], протекало, по крайней мере, при участии трех компонентов: 1) диалектных систем; 2) литературно-письменных вариантов языка; 3) промежуточных, нередко посредствующих обиходно-разговорных форм наддиалектного типа. Носителями первого и третьего компонентов – местных диалектов и промежуточных обиходно-разговорных форм наддиалектного типа – являлись широкие народные массы, в связи с чем обнаруживается односторонность концепции Г. Эггера, согласно которой к созданию немецкого национального литературного языка причастны лишь высшие слои общества.

Ряд современных исследований выполнен на материале текстов эпохи Реформации и крестьянской войны в Германии, которые предназначались для широких народных масс или исходили от них. В этих текстах обнаруживается известная близость к устной народной речи (например, народные книги, агитационно-пропагандистская литература, жалобы и требования крестьян, религиозно-дидактическая проза, протоколы допросов, частные письма), поэтому исследователи предпринимают попытки определить долю участия разных социальных слоев и классов в процессе формирования национального литературного языка.

Результаты новейших работ, отраженные в коллективных и индивидуальных публикациях (см., в частности, [12; 13; 113; 111; 112; 118; 121]), раскрывают многосторонность процесса становления немецкого национального литературного языка, его обусловленность, наряду с собственно лингвистическими, целым комплексом экстралингвистических факторов (политических, общественно-экономических, культурных, религиозных) и позволяют глубже осознать и полнее осветить его закономерности.

СОВРЕМЕННЫЙ НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

1.1. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Язык как сложное и многогранное явление доступен для научного наблюдения в разных аспектах и ракурсах. При его исследовании основное внимание может быть сосредоточено на структурных особенностях определенной языковой моносистемы, которая изучается в плане синхронии или диахронии в отвлечении от ее реальной вариативности.

Развитие теории и истории литературных языков, разработка проблем диалектологии, ареальной лингвистики и социолингвистики в последние десятилетия раскрыли многообразие реальной языковой действительности и форм функционирования языка. Научные достижения этих отраслей языкознания способствовали все более глубокому осознанию полисистемного характера любого развитого национального языка, представляющего собой исторически сложившуюся сложную, иерархически организованную макросистему, которая объединяет разные формы его существования.

Функциональная парадигма современного немецкого языка как модель, обобщенно отражающая иерархическое построение системы форм его существования [64, 38 и сл.], его функциональную стратификацию, включает по вертикали четыре основных страта. Ее верхний страт образует немецкий национальный литературный язык, нижний страт составляют территориальные диалекты, а среднюю (промежуточную) зону заполняют наддиалектные типы речи – разновидности обиходно-разговорного языка и полудиалекты. Эта промежуточная зона многослойна и, в свою очередь, иерархически упорядочена. Ее нижний пласт, непосредственно надстраивающийся над диалектами, занимают полудиалекты. В верхнем слое располагаются территориально окрашенные разновидности обиходно-разговорного языка, примыкающие к устной форме литературного языка или общенемецкому обиходно-разговорному

языку литературного типа. Выполняя в процессе коммуникации разные функции, формы существования немецкого языка в его функциональной системе находятся в отношении взаимодополнения. Они могут исследоваться как моносистемы в известной абстрагированности от макросистемы в целом. Однако в полной мере их своеобразие (в особенности в низшем и среднем стратах) выявляется только при диасистемном анализе, основывающемся на установлении корреляций между исследуемыми системами в синхронии или при диасистемно-диахроническом подходе, когда в дополнение к названным корреляциям устанавливается также соотношение с предшествующей исторической ступенью (например, для немецких территориальных диалектов – с системой средневерхненемецкого языка).

В силу того, что современный немецкий язык используется как главное средство общения населением нескольких государств, он носит полинациональный характер и функционирует реально в виде нескольких национальных вариантов [1, 280]. Поэтому структура функциональной системы немецкого языка в основных странах его распространения, состав и характер объединяемых ею форм существования языка, а также социальный статус последних обнаруживают известную дифференциацию, обусловленную спецификой общественного развития в том или ином немецкоязычном государстве, исторически сложившейся в нем конкретной языковой ситуацией. Различия подобного рода четко прослеживаются при сопоставлении индивидуальных функциональных парадигм, моделируемых для каждой из немецкоязычных стран в отдельности.

Так, функциональная парадигма немецкого языка в собственно немецком ареале включает следующие страты: литературный язык наддиалектного типа; разговорный язык, сближающийся с литературной нормой; региональные (территориально окрашенные) обиходно-разговорные языки; многочисленные полудиалекты и территориальные диалекты.

В отличие от рассмотренной функциональной системы, функциональная парадигма немецкого языка в Австрии охватывает такие страты, как литературный язык (в его австрийском национальном варианте), австрийский обиходно-разговорный язык, полудиалекты, территориальные диалекты. Важной дифференциальной чертой функциональной системы австрийского национального варианта немецкого языка является «однослойность» обиходно-разговорного языка по сравнению с горизонтальной (диатонической) и вертикальной «многослойностью» этой формы существования

языка в собственно немецком ареале, а также сравнительное единообразие территориальных диалектов, которые в большей своей части (за исключением алеманских говоров Форарльберга) относятся к баварско-австрийскому наречию.

Наименьшее число стратов представлено в функциональной парадигме немецкого языка в Швейцарии, в которой выделяются две формы его существования: литературный язык (в его особом швейцарском национальном варианте) и территориальные диалекты. Принципиально иной характер носит социальный статус этих форм существования в немецкоязычных кантонах Швейцарии, а также распределение функций между ними. Так, литературный язык используется здесь преимущественно в письменной форме, а местные диалекты, в силу своего единообразия (все они представляют собой поддиалекты единого алеманского наречия), выступают в функции обиходно-разговорного языка, нередко вторгаясь даже и в функциональную сферу литературного языка как средства коммуникации.

Помимо отмеченных различий между коррелирующими формами существования разных функциональных парадигм, наблюдаются качественные структурные расхождения, усугубляющие своеобразие отдельных национальных вариантов немецкого языка.

1.2. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ДИАЛЕКТ

В функциональной макросистеме современного немецкого языка полярно противопоставлены друг другу две формы существования – национальный литературный язык как надтерриториальное и универсальное средство общения и местные диалекты как территориально дифференцированные разновидности языка, служащие средством повседневной коммуникации узкого круга их носителей в определенной местности и ограниченные преимущественно сферой устной народно-разговорной речи. Благодаря подобной противопоставленности самих явлений, соответствующие понятия «литературный язык» и «диалект» находятся в отношении взаимодополнения и могут быть определены не изолированно, а только в соотнесенности друг с другом [48, 24].

Как было отмечено во Введении, при их рассмотрении необходимо различать два аспекта: структурный и функционально-типологический.

Структурный аспект концентрирует внимание на вопросе о степени структурной близости между литературным языком и диалектом.

В понимании лингвистической сущности диалекта в его соотносительности с литературным языком между современными немецкими диалектологами нет полного единства (подробнее см. [90, 4; 43, 7 – 8]).

Наиболее убедительной представляется концепция Я. Хоссенса, рассматривающего диалекты как особую диасистему – множество сходных между собой языковых систем, структурное своеобразие которых осознается в их соотносительности друг с другом, с немецким национальным литературным языком и с общим исходным диахроническим «срезом» (обычно – системой средневерхненемецкого языка) [74, 37].

Структурное сходство, являющееся предпосылкой существования данной диасистемы, основывается на генетическом родстве входящих в нее систем, т.е. на общности их происхождения. Частично это сходство обусловлено позднейшим взаимодействием систем и заимствованием структурных элементов из одной системы в другую. Столь же важны и расхождения между отдельными диалектными системами, поскольку без них существовала бы лишь одна единая система и отсутствовали бы основания для выделения диасистемы.

По признаку наличия структурного сходства и расхождений отношения между системами диалектов немецкого языка в известной мере уподобляются отношениям между системами близкородственных языков, однако с тем принципиальным отличием, что системы близкородственных языков не образуют единой диасистемы. Для разграничения близкородственных языков и диалектов одного языка в языкознании уже сравнительно давно применяется критерий взаимопонимания [34, 452]. Данный критерий основывается на признании того, что если люди понимают друг друга в процессе общения, то, следовательно, они говорят на одном и том же языке и, напротив, если люди не понимают друг друга, то, по-видимому, они говорят на различных языках [45, 13]. При всей убедительности названного критерия, он оказывается недостаточно надежным при определении границ диасистемы, в которую входят диалекты современного немецкого языка. Именно при конфронтации немецкоязычных диалектных ареалов нередко наблюдается парадокс, когда процесс коммуникации внутри одной языковой общности не может осуществиться в силу взаимного непонимания между участниками акта общения. По свидетельству Я. Хоссенса, с подобным парадоксом можно столкнуться, если жители Гольштейнии и Баварии попытались бы вступить в общение, используя при этом местные диалекты [74, 7 – 8].

Вследствие недостаточности критерия взаимопонимания для выделения диасистемы, образуемой диалектами современного немецкого языка, большое значение приобретает экстралингвистический критерий общности по немецкому литературному языку.

В соответствии с данным критерием для отнесения того или иного диалекта к диалектной диасистеме немецкого языка существенно, чтобы на территории его распространения в качестве наддиалектного универсального средства общения использовался немецкий литературный язык. При этом литературный язык должен выступать по отношению к диалекту в виде верхнего страта (ср. у Я. Хоссенса и других зарубежных диалектологов и социолингвистов термин *Überdachung* – буквально «кровля» [74, 42]) иерархически организованной макросистемы немецкого национального языка.

На основе критериев генетического родства и общности по литературному языку, немецкие диалекты вслед за Я. Хоссенсом могут быть определены как «родственные немецкому литературному языку (в плане синхронии: выводимые из современного немецкого языка) диалекты, на которых говорят на территории, где функции надтерриториального универсального средства общения (*Kultursprache*) выполняет немецкий и никакой иной, более близкородственный язык» [74, 49].

Между носителем диалекта, не владеющим немецким литературным языком, и носителем немецкого литературного языка, не знающим диалекта (в отличие от лиц, пытающихся коммуницировать на близкородственных языках), общение в известной мере возможно, хотя, как отмечает У. Аммон [48, 24], оно будет весьма затрудненным и сопряжено с многочисленными недоразумениями. Генетическое родство между литературным языком и диалектами благоприятствует смешению и интерференции, при котором главным центром излучения и притяжения является литературный язык.

Дифференциальные признаки, релевантные для функционально-типологической характеристики каждой формы существования языка (в том числе и диалекта), определяются той позицией, которую она занимает в общей системе форм существования языка, ее отношениями с ней, распределением функций между разными формами существования в процессе коммуникации (о проблемах функциональной типологии форм существования языка см. [37, 5 и сл.; 33, 116 и сл.]).

Литературный язык, обладающий как средство общения оптимальным набором признаков [11, 530 и сл.; 33, 117]), занимает доминирующую

нирующую позицию в системе форм существования современного немецкого языка. Поэтому при выявлении функционально-типологических свойств диалекта, находящегося на периферии системы форм существования языка, литературный язык используется как своеобразный эталон. Важным функционально-типологическим признаком, по которому диалект (как и другие формы существования языка) противопоставлен литературному языку, является территориальная протяженность. Литературный язык носит надтерриториальный характер и не ограничен рамками определенной местности в отличие от диалекта, который представляет собой территориально замкнутую, специфическую для данной местности форму существования языка.

С названным различительным признаком теснейшим образом связан и другой признак, основывающийся на критерии коммуникативного охвата, радиуса взаимопонимания. Литературному языку свойствен неограниченный, оптимальный коммуникативный охват, наибольший радиус взаимопонимания, тогда как диалект характеризуется ограниченным и поэтому минимальным коммуникативным охватом, малым радиусом взаимопонимания [90, 8].

Один из наиболее релевантных функционально-типологических критериев, служащих для разграничения литературного языка и диалекта – диапазон их коммуникативных функций в обществе. Литературный язык выступает как универсальное средство общения с максимальным диапазоном коммуникативных функций. Он используется в письменной и устной формах во всех сферах общения (в средней и высшей школе, науке, искусстве, литературе, государственной и общественной жизни, в быту и др.). В противоположность литературному языку, использование диалекта ограничено семейно-интимной сферой, сферой повседневного бытового общения в коллективах небольших населенных пунктов, реже – сферой общения сельского населения и рабочих некоторых профессий в процессе производственной деятельности, на рабочем месте, в определенной местности. При этом диалект функционирует только в форме устной разговорной речи.

Функциональная поливалентность литературного языка обуславливает его стилевое многообразие, причем, как подчеркивает М.М. Гухман, развитие книжно-письменных стилей характеризует только литературный язык [11, 513 и сл.]. Диалекту в силу ограниченности его коммуникативных функций стилевое многообразие несвойственно, однако и в нем (как и в обиходно-разговорном языке) может наличествовать определенная стилевая дифференциация [106, 2].

В функционально-типологическую характеристику форм существования языка входит и такой социолингвистический признак, как их соотносённость с определёнными социальными слоями общества. Социальная база диалекта, как и социальная база литературного языка, – категории исторические, причем широта первой обратно пропорциональна широте второй [11, 519]. Поэтому вопрос о соотносённости носителей диалекта с определённым социальным слоем требует конкретно-исторического рассмотрения.

Различия в употреблении разных форм существования современного немецкого языка не позволяют установить однозначное (прямолинейное) соответствие между носителями диалекта и тем или иным социальным слоем общества [24, 104 и сл.]. Применительно к языковой ситуации в капиталистических государствах диалектологи обычно отмечают, что диалектами пользуются так называемые «низшие слои» общества – крестьяне, рабочие, ремесленники, мелкие служащие, имеющие низкий уровень образования, тогда как к числу носителей литературного языка относят так называемые «средние и высшие» слои общества – чиновников, предпринимателей, государственных и общественных деятелей, деятелей науки и культуры, отличающихся высоким уровнем образования. На условность и зыбкость этого критерия для немецкоязычных коммуникативных общностей обращает внимание Г. Лёффлер, отмечающий, в частности, что в Швейцарии и Австрии диалект используется представителями средних и высших слоев в качестве средства общения, предпочитаемого также и в сфере общественной жизни [90, 6]. Я. Хоссенс, касаясь социальной стратификации языкового употребления, ограничивается общим выводом, что процент лиц, пользующихся в повседневном общении (*im Alltagsgespräch*) литературным языком, более значителен в высших слоях общества, и напротив, в низших слоях общества в этой же сфере более высок процент носителей диалекта [74, 9]. Он отмечает также, что внутри того или иного социального слоя прослеживается дифференциация в использовании разных форм диалекта и литературного языка в зависимости от возрастной группы населения. Так, в обширных нижненемецких регионах значительная часть поколения в возрасте свыше 50 лет в повседневном общении пользуется диалектом, тогда как молодые люди в гораздо более широком масштабе используют в качестве повседневного обиходно-разговорного языка верхненемецкий.

Проблему соотношения социальных слоев с формами существования языка нельзя упрощать (подробнее см. [43, 50 и сл.]). Хотя среди носителей диалекта большинство пока составляют сельские

жители, отсутствуют основания для отождествления крестьян и носителей диалекта [24, 112]. В крупных городах в связи с интенсивными процессами индустриализации и постоянным большим притоком населения из разных регионов рабочие уже сравнительно давно отказались от местных диалектов, предпочитая пользоваться соответствующим городским обиходно-разговорным языком [115, 175]. Наряду с обиходно-разговорным языком, в городах иногда используется еще и диалект, однако по большей части в определенных социальных группах или в среде рабочих некоторых специфических профессий. Так, например, в Магдебурге диалектом во время работы пользуются рыбаки и речники [115, 176].

Важной функционально-типологической чертой литературного языка, отмеченной впервые советскими лингвистами [10, 252 и сл.], является то, что его специфика связана с «обработанностью», т.е. с определенным отбором и регламентацией языковых средств. Существенный признак литературного языка заключается в наличии кодифицированной системы норм с ограниченным и регламентированным диапазоном варьирования [76, 403]. Территориальным диалектам сознательная «обработанность», регламентация и кодификация не свойственны. По признаку сознательной обработанности и кодификации литературный язык противопоставлен не только диалекту, но и разновидностям обиходно-разговорных форм существования языка (городским и областным койне, разным типам интердиалектов), которые отличаются от него как необработанная и регионально ограниченная форма языка [11, 526].

Для разграничения литературного языка и диалекта иногда привлекается и критерий хронологической последовательности их появления и развития [90, 6 – 7]. В этом плане территориальные диалекты немецкого языка представляют собой хронологически более раннюю форму существования языка. Литературный немецкий язык складывается в конечном итоге в результате смешения особенностей хронологически предшествовавших ему местных диалектов и выдвижения на смешанной диалектной основе единой наддиалектной языковой нормы.

По рассмотренным дифференциальным признакам литературному языку принадлежит в функциональной системе форм существования немецкого языка доминирующая – сильная – позиция, тогда как диалект занимает в ней в целом слабую позицию [31, 69]. Однако при определении статуса последнего в данной системе следует принимать во внимание и известные различия, обусловленные тем, что немецкий язык как средство общения используется населением нескольких государств и выступает соответственно в

нескольких национальных вариантах. Так, в частности, социальный статус диалекта в немецкоязычной части Швейцарии резко отличается от его положения в других странах распространения немецкого языка [15, 29 – 30; 28, 36 и сл.]. Распространенные в швейцарском регионе диалекты представляют собой поддиалекты однородного алеманского диалекта. Благодаря относительной общности своей структуры этот последний выполняет функцию обиходно-разговорного языка (так называемый *Schwyzertütsch*) и используется всеми немецкоязычными швейцарцами без каких-либо социальных или возрастных ограничений. Владение швейцарским диалектом является обязательным требованием к гражданам немецкоязычных кантонов. Так, в частности, лица, добивающиеся получения прав гражданства в Цюрихе, согласно местному законодательству, должны владеть литературным языком хотя бы в такой степени, чтобы понимать его, но при этом «говорить в достаточной мере на одном из швейцарско-немецких диалектов» [108, 93]. Сопоставляя статус диалекта в Швейцарии и ФРГ, В. Шенкер отмечает, что, если в последней диалект может стать препятствием в социальном продвижении, то в Швейцарии, напротив, незнание диалекта может привести к социальным затруднениям [108, 98]. Сфера употребления диалекта в процессе общественной коммуникации в Швейцарии не ограничивается рамками повседневно-бытового общения. Ему принадлежит определенная роль и как средству публичной речи: наряду с литературным языком он используется в кантональных советах, различных союзах, клубах, низших судебных инстанциях, нередко и в церковной проповеди. Частично он применяется также в средствах массовой информации – печати, радио, телевидении. В Швейцарии весьма популярна художественная литература на диалектах.

1.3. ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК И ПОЛУДИАЛЕКТ

В системе форм существования немецкого языка между двумя полюсами – диалектом и литературным языком – находятся промежуточные наддиалектные образования – разновидности обиходно-разговорного языка. Как показали новейшие исследования, эти образования сочетают в себе противоречивые черты [26, 79]. С одной стороны, они отличаются от диалекта охватом более широкой территории и даже известной надтерриториальностью, а также большим диапазоном коммуникативных функций. Их наддиалектный и интердиалектный характер проявляется в стирании и нивелировании наиболее заметных диалектных признаков. С другой сто-

роны, для промежуточных образований характерна необработанность, значительная вариативность, отсутствие регламентации и кодификации, свойственных литературному языку, а по признаку территориальной дифференциации они обнаруживают черты, сближающие их с диалектами. По своей лингвистической сущности промежуточные наддиалектные формы отличаются от диалекта. Если диалект выступает по отношению к литературному языку как особая языковая система, находящаяся типологически в близком генетическом родстве с языковой системой литературного языка, то территориально окрашенные разновидности обиходно-разговорного языка и полудиалекты, генетически сложившиеся в результате взаимодействия литературного языка и диалектов, следует рассматривать, скорее, как варианты языковой системы, отраженной в литературном языке.

В настоящее время обиходно-разговорный язык (во всех своих разновидностях) имеет статус языковой системы, а отнюдь не является спонтанным речевым «сплавом» литературного языка и диалекта, рождающимся в процессе применения первого носителем второго. Прежде всего он характеризуется надтерриториальностью, поскольку, возникнув в одном регионе, он может быть заимствован и распространиться в другом (ср., например, употребление обиходно-разговорного языка верхненемецкого типа в нижненемецком диалектном ареале). Все типы обиходно-разговорного языка – от сближающегося с диалектом до обиходно-разговорного языка литературного типа – усваиваются как система с соблюдением соответствующих фонетических, грамматических и семантических норм и используются в процессе коммуникации лицами, не владеющими диалектом и не говорящими на нем (Nichtmundartsprecher) [115, 171].

В ряде случаев очевидно, что говорящий, пользуясь обиходно-разговорным языком, вовсе не стремится приблизиться к литературному языку или разговорному языку литературного типа, поскольку эти формы существования языка представляются ему не соответствующими коммуникативной ситуации, т.е. слишком «искусственными» (gekünstelt). Как показали наблюдения над употреблением берлинского варианта обиходно-разговорного языка, проведенные Г. Шёнфельдом, подобная мотивация часто характерна для молодежи в возрасте от 16 до 20 лет [115, 171].

Таким образом, по своей структурной организации обиходно-разговорный язык входит в общую диасистему с литературным языком как один из вариантов системы этого последнего, как его подсистема (Subsystem).

Диалектологические исследования последних лет позволили выявить своеобразие обиходно-разговорного языка в собственно немецком ареале, которое заключается в его значительной вариативности. Эта вариативность обнаруживается, прежде всего, диатонически – как сосуществование в горизонтальной плоскости целого ряда пластов разной региональной или территориальной окрашенности. В настоящее время выделены восемь региональных вариантов немецкого обиходно-разговорного языка: 1) берлинский (berlinisch); 2) северонемецкий (norddeutsch); 3) верхнесаксонско-тюрингенский (obersächsisch-thüringisch); 4) вюртембергский (württembergisch); 5) баденский (badisch); 6) баварско-швабский (bairisch-schwäbisch); 7) пфальцский (pfälzisch); 8) гессенский (hessisch) [99, 328 и сл.; 106, 3 – 4]. Каждый из них представлен формой, сближающейся с литературным языком и формой, приближающейся к диалекту [106, 3 – 4].

Кроме того, каждая территориально окрашенная разновидность обиходно-разговорного языка оказывается расслоенной и в вертикальном разрезе, что отражает разные ступени сближения литературного языка и диалекта. Исторически сложившиеся отношения между тем или иным диалектным ландшафтом, литературным и обиходно-разговорными языками в разных регионах неодинаковы, в силу чего процесс вытеснения диалектов на различных территориях распространения языка протекает по-разному. В частности, исследования, проведенные на нижненемецкой языковой территории, позволили разграничить пять четко осознаваемых языковых слоев, продемонстрировав особенности каждого из них на текстовом материале: 1) литературный язык (Literatursprache); 2) обиходно-разговорный язык, сближающийся с литературным (literatursprachennahe Umgangssprache); 3) обиходно-разговорный язык, сближающийся с диалектом (mundartnahe Umgangssprache); 4) нижненемецкий диалект, находящийся под сильным влиянием обиходно-разговорного языка (stärker umgangssprachlich beeinflusste niederdeutsche Mundart); 5) нижненемецкий диалект (niederdeutsche Mundart) [115, 170]. При этом в районе Альтмарк было установлено, что обе формы обиходно-разговорного языка, подобно литературному языку и диалекту, имеют характер системы как по структурным особенностям, так и по функциям.

В свете новейших работ по немецкой диалектологии, вскрывших вертикальную многослойность промежуточной сферы между диалектом и литературным языком и иерархию отдельных слоев или стратов, в советской германистике подвергается уточнению и понятие полудиалекта, предложенное в свое время В.М. Жирмун-

ским [18, 547 и сл.]. Согласно определению С.А. Миронова, полудialeкт представляет собой «возникшую на базе диалекта нивелированную, чаще (по происхождению) городскую или же узкорегиональную разговорную наддиалектную форму языка, занимающую в иерархии всех промежуточных форм первую, низшую ступень (или нулевой слой) как в ареальном, так и в социально-функциональном отношении» [26, 83]. Отражая низшую ступень сближения диалекта с литературным языком, в синхронном аспекте полудialeкты могут быть городскими, региональными и узкорегиональными [26, 84].

В языковом плане полудialeкты отличаются от собственно диалектов устранением примарных (или первичных, т.е. наиболее резких и характерных) признаков, свойственных только диалекту и сохранению секундарных (или вторичных, т.е. наименее резких и специфических) признаков, присущих как диалекту, так и полудialeкту [18, 547; 26, 83]. Отсутствие примарных признаков служит надежным критерием для установления нижней внутриязыковой границы полудialeкта, которая совпадает с верхней границей собственно диалекта [26, 86]. Например, на основании данного критерия речь служащего из Швабии – господина Больца в приводимом ниже фрагменте его непринужденного разговора с женой за завтраком, который зафиксирован У. Аммоном [48, 2], может быть определена как полудialeктная:

Er: Heit kom e a bisle schbäder.

Sie: Worom?

Er: Wega dem Englender, i han drs doch scho gsagt, mid dem muas e no äsa. Gib mer doch den buder! – Dange.

Sie: Ja solle negs me richda?

Er: Noe, mir hen scho, i äs scho, i han dann scho gässa.

В ней устранены наиболее специфические примарные признаки швабского диалекта. Так, по свидетельству У. Аммона [48, 3], начало второй реплики г-на Больца на собственно диалекте звучало бы следующим образом: Wega deam Englender, i hao drs doch schao gsaed (выделено У. Аммоном – Н.Ф.). В диалектном варианте представлены, в частности, такие примарные признаки швабского, как отпадение конечного -п с назализацией и последующей дифтонгизацией долгого гласного, например: hao < свн. hân; schao < свн. schön(е), наличие стяженной формы причастия gsaed „gesagt“, которые в полудialeктной речи отсутствуют. В отрицании пое „nein“ специфический швабский дифтонг оэ в страте полудialeкта заменен переходным ое. Не представлены примарные признаки

швабского диалекта и в речи жены г-на Больца. Так, слово „mehr“ имеет в одной из ее реплик огласовку me (Ja solle negs me richda?), сближающуюся с литературным языком, тогда как для швабского диалекта характерна огласовка мае со специфическим дифтонгом, который возник на базе долгого гласного среднего уровня ē.

Вместе с тем в речи обоих участников беседы сохраняется ряд секундарных признаков разных языковых уровней: слабые глухие согласные (schbäder „später“, richda „richten“), старые дифтонги (muas „muß“), делабиализация (heit „heute“), характерные формы личных местоимений первого лица в единственном и множественном числе (i „ich“, mir „wir“), отнесение лексемы buder „Butter“ к мужскому роду, употребление наречия a bisle „ein bißchen“ и др.

Сложнее определить верхнюю границу полудиалекта, отделяющую его от территориально окрашенных разновидностей обиходно-разговорного языка, которые в иерархии форм существования современного немецкого языка занимают положение между диалектом и разговорной разновидностью литературного языка. Ценный критерий для разграничения названных форм существования предлагает С.А. Миронов [26, 87 и сл.], который, уточняя положение В.М. Жирмунского о примарных и секундарных диалектных признаках, выделяет «секундарные признаки первой степени» и «секундарные признаки второй степени». Первые являются более характерными, но менее устойчивыми, в силу чего, сохраняясь в полудиалекте, они стираются и утрачиваются в обиходно-разговорном языке. В отличие от них вторые сохраняются как в обиходно-разговорном языке, так и в полудиалекте. Это различие четко прослеживается, в частности, при сопоставлении особенностей рассмотренной выше полудиалектной речи г-на Больца с особенностями обиходно-разговорного языка швабской окраски, которым он пользуется на службе в беседе с коллегой по работе (также в записи У. Аммона; [48, 2]), ср.:

Er: Gudn Morgen.

Kollege: Morgen Herr Bolz.

Er: Heute sollte man nichds arbeiden, nicht?

Kollege: Na ja, die fünf Tage schaff ich s noch.

Er: Haben Sie einglich Hodel oder Zelt?

Kollege: Hotel, wir haben ...

Er: Daß ichs nicht vergaß, der Auftrag vom Mahle, isch der schon erledigt?

В речи г-на Больца на обиходно-разговорном языке элиминированы некоторые секундарные признаки первой степени: устранена делабиализация дифтонгов (ср. heute „heute“ – полудиал. heit),

заменен монофтонгом старый дифтонг *uə* (ср. *gūd* „gut“ – полудиал. *guəd*), восстановлен конечный носовой (ср. *schon* – полудиал. *scho* „schon“). Другие секундарные признаки швабского оказываются более стойкими и сохраняются в обиходно-разговорном языке как секундарные признаки второй степени. К их числу относятся слабые глухие согласные (например: *arbeiten* „arbeiten“, *Hodel* „Hotel“, *sollde* „sollte“), специфическая форма настоящего времени от глагола *sein* – *isch* „ist“, сильная редукция наречия „*eigentlich*“ – *einglich*.

Помимо рассмотренного качественного (структурного) критерия (наличие/отсутствие примарных и определенных секундарных признаков) при разграничении диалекта, полудиалекта и территориально окрашенных разновидностей обиходно-разговорного языка могут быть привлечены количественные критерии. Например, Я. Хоссенс предлагает для отграничения диалекта от разновидностей обиходно-разговорного языка в чисто структурном плане учитывать число правил, необходимых для преодоления различий между литературным языком и диалектом. Он отмечает, в частности, что для преобразования высказываний на диалекте в соответствующие предложения литературного языка (в отличие от высказываний на обиходно-разговорном языке той же местности) требуется максимальное число правил [74, 21]. Тем самым подчеркивается большая структурная отдаленность диалекта от литературного языка по сравнению с использующимися в том же регионе пластами обиходно-разговорного языка (включая полудиалекты) и, соответственно, большая близость этих последних к литературному языку.

Специальная методика исчисления степени территориальной окрашенности – «уровня диалектности» (*Dialektniveau*) при помощи особой шкалы разработана У. Аммоном (подробнее см. [48, 39 и сл.]).

Специфика наддиалектных форм языка в собственно немецком ареале заключается не столько в их прагматической обусловленности как средства устного повседневного, преимущественно бытового, общения, сколько в исторически и общественно детерминированном наличии у них ареальных характеристик, варьирующих как по горизонтали – от региона к региону, так и по вертикали – в пределах одной и той же местности.

В отличие от собственно немецкого ареала обиходно-разговорный язык в Австрии сравнительно единообразен по своей территориальной окрашенности, о чем свидетельствуют, в частности, наблюдения над языком пьес современных австрийских писателей и

немецких драматургов. Речь персонажей австрийских драматургов, отражающая специфику обиходно-разговорного языка (например, в драме В. Бауэра «Волшебный день» [139]), отличается рядом специфических произносительных, морфологических, синтаксических, словообразовательных и лексических особенностей, большая часть которых в генетическом плане может быть объяснена влиянием местных баварско-австрийских (точнее: среднеавстрийских) диалектов. Из числа наиболее характерных фонетических особенностей, отличающих речь действующих лиц драмы от литературной нормы, следует отметить монофтонгизацию *ei* в *a* (*waß* „weiß“), сохранение старых дифтонгов *ia* и *ua* (*fliag* „fliege“, *muaf* „muß“), расширение *ä*, полученного по умлауту, в *a* (*Kas* „Käse“), делабиализацию *ö*, *ü* и лабиализацию *e*, *i* перед *l* (*schenner* „schöner“, *vül* „viel“, *Wölt* „Welt“), отпадение конечных *-n* и *-ch* (*scho* „schon“, *i* „ich“, *glei* „gleich“), вокализацию *r* (*ana* „einer“, *heast* „hörst“, *mia* „wir“, *vua* „vor“, *vastehst* „verstehst“), отпадение конечного редуцированного гласного и выпадение его в безударных префиксах (*Scher* „Schere“, *müd* „müde“, *gwußt* „gewußt“, *Gschicht* „Geschichte“). Нередко в потоке речи безударные слова сливаются с предшествующими компонентами высказывания, причем наблюдается усечение их материального состава и, при благоприятных условиях, ассимиляция (*bistn* „bist denn“, *kammas* „kann man es“).

К числу важнейших грамматических особенностей речи персонажей в драме В. Бауэра относятся: своеобразие формообразования существительных женского рода, в частности, наличие у них окончания *-(e)n* в единственном числе (*die Blusn* „die Bluse“); отсутствие морфонологических чередований по умлауту в формах II и III лица единственного числа настоящего времени у сильных глаголов (*haltst* „hältst“, *fangt an* „fängt an“); употребление во II лице множественного числа настоящего времени глагольных форм с расширенным личным окончанием *-ts/-ds* (*wollts* „/ihr/wollt“ *seids* „seid“); отсутствие у причастия II глаголов, корень которых начинается взрывным согласным, префикса *ge-* (*brochn* „gebrochen“, *kocht* „gekocht“); употребление в сочетании с предлогами формы общего падежа существительных (*ana von die hundert Ärzte* „einer von den hundert Ärzten“); согласование союзов с финитной формой глагола – своеобразное «спряжение» союзов (*wennst willst* „wenn du willst“, *solangst noch warm bist* „solange du noch warm bist“) (подробнее о соответствующих особенностях баварско-австрийских диалектов см. [18]).

Наиболее примечательной словообразовательной (и, вместе с тем, лексической) особенностью речи персонажей пьесы В. Бауэра

28

является довольно частотное употребление типично австрийских диминутивов с суффиксами -li, -erl, а также ласкательных образований на -li, например: *Pflegerl* (от *Pfleger*), *Postkastl* (от *Postkasten*), *Platterl* (от *Platte*), *Stierli* (от *Stier*), *Joeli* (от имени собств. Joe), ср. также *a bisserl* „ein bißchen“.

Лексическое своеобразие речи действующих лиц драмы проявляется в употреблении слов и выражений, маркированных принадлежностью к австрийскому обиходно-разговорному языку, регионально-маркированных южнонемецких лексем и оборотов, а также собственно диалектизмов, например: *Tschickerl n* (диминутив от основы *Tschick m* австр. «окурок сигареты», «сигарета»); *Haberer m* австр. «другок», «любовник»; *es zahlt sich nicht aus* австр. «не стоит (не имеет смысла / делать что-либо/)», ср. нем. *es lohnt sich nicht*; *Marille f* австр., бав. «абрикос»; *Zwetschge f* ю.нем., швейц. «слива»; *Servus!* австр., бав. «Привет!»; «Пока!» (формула дружеского приветствия); *es hat ю.нем. «имеется»*, ср. нем. *es gibt*; *schlach a* диал. (бав.-австр.) «безобразный»; «свирепый», «злой»; *Schmeh (Schmäh) m* диал. (ю.нем.) «ложь» [136; 130].

Показательна большая частотность употребления некоторых разговорных австрицизмов, например: *eh* «все равно, и без того» (*CHARLY: Nimm a Pille. BIRGIT: Ich hab heut eh schon zwei genommen*); *teppat* «глупый», «тупоумный», «тупой»; «слабоумный», «придурковатый»; «неуклюжий», «неловкий» (*Bist teppat? «Ты что, одурел(а)?», «Ты что, обалдел(а)?»*).

Частотно также представленное и в общенемецком обиходно-разговорном языке (см. [138]) употребление формы повелительного наклонения от глагола *gehen* – *geh* как выражения (в зависимости от более широкого контекста): 1. удивления – «Да что ты?», «Неужели?», «В самом деле?» (*BIRGIT: ...I bin dir ja auch egal. CHARLY: Eben nicht, das ist ja das, was mich wundert. BIRGIT: Geh. CHARLY: Ja, wirklich.*); 2. нетерпения – «Оставь меня в покое!», «Отстань!» (*BIRGIT: Laß mich! (Nimmt Joes Autoschlüssel) I fahr jetzt. CHARLY: Wohin? BIRGIT: Aber geh...*); 3. настоятельной просьбы – «Пожалуйста», «Прошу тебя» (*CHARLY (laut): Sag ihm, er soll dich glei abholen! BIRGIT: Geh sei still! (ins Telefon) Na, net du!*).

Весьма характерны для речи представителей той возрастной группы, к которой принадлежат персонажи драмы «Волшебный день» (от 22 до 30 лет), модные оценочные прилагательные – австрицизмы *klass* «великолепный», «замечательный»; «отличный», «превосходный»; «первоклассный»; *gigantisch* «необыкновенный», «изумительный»; «бесподобный»; *irrsinnig* «великолепный», «превосходный»; «чудесный»; «необыкновенный», «бесподобный», на-

пример: a Daniel Düsentrieb is auch a klassa drinnen; des is heit klass!; Di find i irrsinnig klass ...

В отличие от австрийской драматургии в пьесах немецких писателей представлены типы устной речи, различающиеся по характеру своей региональной маркированности. Так, например, если в пьесе Ф.К. Крёца «Верхняя Австрия» [143] для речевого портрета персонажей характерна сильная степень региональной южнонемецкой (баварско-швабской) маркированности, то в пьесе В. Дайкеля «Оставить по-старому» [140] отражен обиходно-разговорный язык западносредненемецкой окрашенности.

Хотя Ф.К. Крёц, давая авторские указания актерам – исполнителям ролей, пишет о диалекте, используемая им в пьесе «Верхняя Австрия» речь ее действующих лиц не может быть названа диалектной в собственно научном смысле этого термина. Персонажи драмы говорят на южнонемецкой разновидности обиходно-разговорного языка, специфическая территориальная окрашенность которой (поскольку действие пьесы разворачивается в Баварии) обусловлена наличием ряда вторичных признаков местных баварских диалектов. Значительная часть особенностей, отличающих речь действующих лиц драмы от устной формы немецкого литературного языка, благодаря частичной общности диалектной основы совпадает с фонетическими, морфологическими и синтаксическими особенностями австрийского обиходно-разговорного языка, которые были названы выше при рассмотрении пьесы В. Бауэра «Волшебный день». Вместе с тем, в грамматике четко прослеживается и чисто баварская «самобытность» речи героев Ф.К. Крёца. Весьма специфической морфологической особенностью, восходящей к северо-баварским говорам (см. [18, 473]), является в пьесе форма оптатива II (которой в литературном языке соответствуют претеритальные формы конъюнктива) с расширенным за счет вставного г дентальным суффиксом -ert(e), например: ich möchert „ich möchte“, man müßert „man müßte“, fahrerten mir „führen wir“. При этом сильные глаголы могут одновременно характеризоваться и дентальным суффиксом, и аблаутом, ср.: gingert ich „ginge ich“.

Обращает на себя внимание частотное употребление союза wo в качестве недифференцированного (как и в диалекте) показателя нескольких подчинительных отношений, которые в литературном языке передаются разными союзами с причинным, уступительным, условным и другими значениями, например: 1. ANNI: Ein schwimming-pool is kein Traum, wo (wo = лит. weil, da) es so viele gibt, die ein habn; 2. HEINZ: Hast lang nimmer gestrickt, wost (в тексте «спря-

гаемая» форма союза; wo = лит. obwohl) mir eine Jackn versprochen hast.

Wo выступает также как средство выражения относительного подчинения, которому в литературном языке соответствуют разные формы относительного местоимения der, die, das, например: HEINZ: ... aber ein Kind is ein Faktor, wo (wo = лит. den) kein Mensch überschaut.

Типично для речи персонажей Ф.К. Крёца специфически южнонемецкое употребление отрицательного наречия nimmer в значении «больше не, дольше не» (= лит. nicht mehr, nicht wieder, nicht länger), например: ANNI: Wenn ich es nimmer erwarten kann.

Южнонемецкую окрашенность придают речи в драме регионально маркированные лексемы и фразеологизмы, а также лексические диалектизмы, например: gell ю.нем. не так ли?, не правда ли?; heuer ю.нем. в этом году; sich sitzen ю.нем. «садиться» (ср. лит. sich setzen), derwartn диал. (ю.нем.) «ожидать», «ждать».

Большинство персонажей В. Дайкселя говорит на городском полудиалекте Дармштадта – западносредненемецкой разновидности обиходно-разговорного языка, специфическая территориальная окрашенность которой обусловлена тем, что она унаследовала многие вторичные признаки местных гессенских диалектов. Особенно ярко отражено в речи персонажей В. Дайкселя фонетическое своеобразие используемой им разновидности обиходно-разговорного языка. В сфере ударного вокализма в речи действующих лиц его коротких драматических сценок под названием «Оставить по-старому» по сравнению с устной формой немецкого литературного языка могут быть отмечены прежде всего следующие особенности: сужение и лабиализация а (jo „ja“, host „hast“, Korl „Karl“); делабиализация ö, ü (kenne „können“, schee „schön“, Brieche „Brühe“, dinn „dünn“); монофтонгизация ei, au в aa (klaa „klein“, glaab „glaube“); расширение узких гласных верхнего подъема (werd, wer „wird“, dorch, dorsch „durch“); употребление недифтонгизированной формы предлога, соответствующего лит. „auf“, а также недифтонгизированных форм наречия и глагольного модификатора с той же основой (uff „auf“, Uffgabe „Aufgabe“, uffreche „aufregen“); отдельные случаи умлаута а под влиянием sch (gewesche „gewaschen“).

В сфере безударного вокализма, как и в диалекте, широко представлены различные виды синкопы, апокопы, ассимиляции и эллипсиса (Wie gehtsem dann? „Wie geht es ihm denn?“; Losses gut sei, Frau Kreß „Lassen Sie es gut sein, Frau Kreß“).

Среди особенностей консонантизма наиболее характерны: центральнонемецкое ослабление согласных (Babba „Papa“, Guden Dach

„Guten Tag“); наличие непередвинутого *pp* как общий признак средненемецкого диалектного субареала (Kopp „Kopf“, kloppt „klopft“); спирантизация интервокальных *b* и *g* (bleiwe „bleiben“, saache, sache „sagen“); палатализация глухого среднеязычного спиранта *ch* (isch „ich“, rischtisch „richtig“, Heftsche „Heftchen“); ассимиляция *nd* (sinn „sind“, Wunner „Wunder“).

В числе важнейших грамматических особенностей обращают на себя внимание широкое использование суффикса *-er* при образовании форм множественного числа от диминутивов (Schundheftcher „Schundheftchen“, Plätzcher „Plätzchen“); гиперкорректные формы местоименных наречий (dodemit „damit“, dodefier „dafür“); выражение поссесивных отношений личного характера при помощи конструкций с «дательным притяжательным» лица – *possessiver Dativ* (Ihne Ihr Vadder „Ihr Vater“); тавтологическое оформление конструкций с «этическим дательным» (SCHUHMANN: Isch fahr der Ihnen viereinhalb Stunde mit der Bahn „Ich fahre Ihnen viereinhalb Stunden mit der Bahn“, букв. „Ich fahre dir Ihnen ...“).

Специфической средненемецкой словообразовательной особенностью в тексте пьесы является уменьшительно-ласкательный суффикс *-je*, например: Büchsje „Büchsen“, ср. также bißje „ein bißchen“.

Лексическое своеобразие речи персонажей В. Дайкселя находит свое выражение в употреблении регионально маркированных слов и собственно диалектизмов, например: gelle ср.нем. «не так ли?», «не правда ли?»; Dutt *m* диал. «кулек», «пакет»; verhachen диал. «поколотить», «избить»; Ängstschisser *m* диал. «боязливый человек», «трус».

Частотно в пьесе употребление формы повелительного наклонения глагола *kommen* – *komm* в характерной для общенемецкого обиходно-разговорного языка функции призыва вести себя пристойно, разумно, например: Komm sei still «Прошу тебя, успокойся»; «Успокойся, пожалуйста»; «Пожалуйста, помолчи»; Komm lassen Günter «Пожалуйста, оставь его в покое, Гюнтер».

Таким образом, при анализе типов регионально дифференцированной устной речи в драмах немецких авторов вскрывается разветвленная многопластовость обиходно-разговорного языка, которая обусловлена многообразием диалектов и диалектных различий на территории данной страны, охватывающих все диалектные ареалы от верхненемецкого (с южнонемецким и средненемецким субареалами) до нижненемецкого. Наличие целого ряда регионально дифференцированных разновидностей обиходно-разговорного языка составляет весьма релевантную особенность системы форм

существования немецкого языка в собственно немецком ареале по сравнению с Австрией.

1.4. КОММУНИКАТИВНЫЕ НОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАЗНЫХ ФОРМ СУЩЕСТВОВАНИЯ

В процессе исторического развития немецкого языка складываются не только языковые нормы, отражающие структурные особенности разных форм его существования, но и коммуникативные нормы, регламентирующие функции и употребление каждой из форм существования языка, закрепляющие их за определенными сферами общения [115, 163; 125, 36 и сл.].

Носители современного немецкого языка, по большей части, пользуются не какой-либо одной формой существования языка, а двумя, говорящие на диалекте – и тремя, но делают они это в соответствии с определенными правилами их применения, сложившимися исторически в данной коммуникативной общности. Нередко языковое поведение в этом плане сравнивается с поведением человека в обществе. Подобно тому, как, отправляясь на работу или в официальное учреждение, человек надевает более строгий костюм, а придя домой, сменяет его на удобную домашнюю одежду и обувь, он в официальной обстановке придерживается кодифицированных норм литературного языка, а дома в кругу семьи переходит на обиходно-разговорный язык или, реже, диалект [50, 2].

В последние годы при описании коммуникативных норм использования форм существования немецкого языка и языковой ситуации в немецкоязычных странах используется понятие диглоссии, введенное Ч. Фергюсоном [55, 1399; 29, 16]. Под диглоссией понимается функциональная дистрибуция форм существования, из которых одна занимает верхний, а другая нижший страт в коммуникативной системе определенной языковой общности [67, 325 – 340]. Отношение диглоссии может сложиться между разными языками (диглоссия с билингвизмом), как, в частности, между латынью и местными народными диалектами в средневековой Европе или внутри одного языка (диглоссия без билингвизма), когда, например, литературный язык и диалект по своим функциям четко противопоставлены друг другу. Поскольку в функциональной парадигме бывают представлены три или более форм существования, наряду с термином диглоссия используются также термины триглоссия [120, 1882] и полиглоссия [126, 1940]. Явление внутриязыковой диглоссии или, соответственно, полиглоссии применительно к разным немецкоязычным странам всегда должно рас-

смагиваться и оцениваться в конкретном историческом контексте с учетом сложившихся форм существования, их действительности в определенную эпоху [55, 1399], а также с учетом общественно-экономических условий их использования. При становлении коммуникативных норм и изменениях в данной сфере важная роль принадлежит их престижности – той социальной оценке, которую получает соответствующая форма существования языка со стороны его носителей.

Функциональная дистрибуция форм существования в странах немецкого языка обнаруживает различия, проявляющиеся в разной профилированности и в разной степени стабильности [55, 1399].

Для языковой ситуации в собственно немецком ареале характерно поступательное расширение социальной базы литературного языка. Вместе с тем выявляется коммуникативная несостоятельность местных диалектов, их недостаточность при решении крупных производственных и общественных задач, что приводит к сокращению их употребления. Под влиянием глубоких сдвигов в общественных отношениях изменилось отношение говорящих к диалекту и к другим формам существования языка, окрепло осознание того, что диалект не в состоянии удовлетворить важных требований общественной практики [24, 113].

Благодаря своей ограниченной коммуникативной роли диалект приобретает как средство коммуникации интимный, личный и семейный характер. Это, по мнению Р. Герман-Винтер, придает ему новую функцию в языковой коммуникации. На всех более высоких уровнях устной речи, где диалект в наше время уже не употребляется в качестве единственного коммуникативного средства и его одного уже недостаточно, он имеет особую функциональную нагрузку. Последняя особенно ярко проявляется в прагматической вариантности речи (термин Р. Герман-Винтер, [7, 159]), которая заключается в намеренном придании речи на обиходно-разговорном языке большей непринужденности при помощи вставок, состоящих из диалектных слов, частей предложения и целых предложений. Посредством подобной смены языковых средств говорящий хочет воздействовать на получателя сообщения, привлечь внимание собеседника, заинтересовать его, он апеллирует к его чувствам, чтобы добиться положительного отношения к своему сообщению. Например, только что сказанное на верхненемецком обиходно-разговорном языке коммуникатор подтверждает и подчеркивает добавлением на родном для себя и его слушателей нижненемецком диалекте: *dat will ik Sei seggen (das will ich Ihnen sagen); dat könn Sei mi*

glöben (das können Sie mir glauben). Он прерывает свою речь вопросами-обращениями к слушателям, типа: mein' ji nich uk? (meinen Sie nicht auch?); wat seggen ji dortau? (was sagen Sie dazu?). Говорящий придает речи более свободный характер посредством шутливых замечаний: so ser uns Mudder uck all (so sagt uns Mutter auch allen) [7, 159]. Подобные нижненемецкие вставки усиливают прагматический компонент высказываний на верхненемецком обиходно-разговорном языке.

Другой важной особенностью языковой ситуации в собственно немецком ареале наряду с интенсивным оттеснением на задний план или полным вытеснением диалекта, является значительное расширение употребления обиходно-разговорного языка во всех его разновидностях, от сближающихся с диалектом до приближающихся к литературному языку. Особенно сильное влияние на прилегающие сельские области оказывают крупные промышленные центры – Берлин, Лейпциг, Галле, Росток [106, 4]. Так как в общественной коммуникации в целом значительно возрос удельный вес литературного и обиходно-разговорного языка, это не могло не сказаться на характере повседневного общения. Все большее количество людей использует в качестве средства повседневного общения разновидности обиходно-разговорного языка, сближающиеся с литературной нормой [106, 5].

Региональный вариант обиходно-разговорного языка в процессе коммуникации часто приобретает особую функциональную нагрузку. Так, Г. Шёнфельд, исследовавший сферы применения берлинского варианта обиходно-разговорного языка на промышленных предприятиях Берлина, показал, что берлинский полудиалект нередко используется в контактоустанавливающей и эмоциональной функциях. Например, представители руководства предприятия, которые в деловой обстановке говорят на литературном языке, в индивидуальных беседах с рабочими в целях создания непринужденной товарищеской атмосферы сознательно применяют берлинский полудиалект [115, 204 – 205].

В. Беш отмечает, что на протяжении 200 лет примерно с 1800 г. наблюдается медленное расширение валентности литературного языка (у В. Беша – Standardsprache) [55, 1404]. Рассматривая вопрос о распределении сфер влияния литературного языка и диалекта в ФРГ, он приводит данные Института демоскопии в Алленсбахе. Этим институтом 7 – 20 ноября 1980 г. был проведен опрос около 2000 лиц в возрасте от 16 лет, проживающих на территории ФРГ и Западного Берлина, о владении диалектом и об употреблении диалекта. Результаты данного опроса были опубликованы в 1981 г. в

Алленсбахе. На вопрос «Умеете ли Вы говорить на диалекте своей местности?» 53% опрошенных дали ответ «Да», 47% – «Нет». Согласно данным опроса умеющие говорить на диалекте пользуются им в кругу семьи, друзей, реже – на рабочем месте [55, 1405]. Число лиц, владеющих диалектом в этом ареале, уменьшается в направлении с юга на север. Особенно интенсивно отступают под влиянием литературного языка нижненемецкие диалекты. Предположительно их вытеснение обусловлено тем, что в структурном отношении они особенно сильно отличаются от литературного языка, а это затрудняет коммуникацию их носителей с другими представителями языковой общности. Кроме того, постепенный переход с рядом промежуточных ступеней, как, например, от средненемецких и южнонемецких диалектов к литературному языку здесь почти полностью исключается. Возможно лишь полное переключение с диалекта на общенемецкий язык или наоборот [48, 30].

Прогнозируя дальнейшую судьбу немецких диалектов, В. Беш ставит вопрос следующим образом: является ли современная ситуация диглоссии промежуточным этапом на делящемся столетии пути от первичной моноглоссии (диалект) через диглоссию (диалект + языковой стандарт) к новой моноглоссии (языковой стандарт)? Отвечая на этот вопрос, В. Беш констатирует изменения, которые принесли с собой в ФРГ 70-е годы. Именно в это время стали говорить о возрождении диалекта (*Dialekt-Renaissance*). Расценивая подобные высказывания как известное преувеличение, он вместе с тем отмечает, что скорее негативная до этого оценка диалекта явно меняется теперь в положительную сторону. Ведь каждый говорящий на диалекте знает также и языковой стандарт, т.е. может в зависимости от ситуации сменить средство общения, благодаря чему, как правило, ликвидируется социальная маркированность при помощи языка, в данном случае, диалекта. Диалект находится теперь в свободном распоряжении говорящего, рядом с языковым стандартом он представляет собой второй языковой инструмент, пригодный для новых функций. В отличие от обязательности для всех литературного языка, диалект может служить целям индивидуализации говорящего, выделяя его как принадлежащего к определенному региону или группе. В этой функции он и употребляется все чаще в настоящее время [55, 1409].

Итак, сфера применения обиходно-разговорного языка расширяется, причем мотивы его использования разнообразны. Носители диалекта нередко прибегают к обиходно-разговорному языку, когда они покидают сферу интимного общения и намерены подчеркнуть более формальный или официальный характер ситуа-

ции. Носители литературного языка пользуются разновидностями обиходно-разговорного языка, чтобы придать общению более интимный, неофициальный характер [58, 113; 15, 31 и сл.].

Характеризуя языковую ситуацию в Австрии, П. Визингер отмечает ее сходство с языковой ситуацией в южнонемецком субареале, поскольку и здесь наблюдается расслоение устной речи в зависимости от социальных и ситуативных факторов, выделение в ней нескольких пластов, имеющих разное коммуникативное назначение и разную степень престижности [127, 1939 и сл.]. Ситуация полигlossии в Австрии не является статической, поскольку наблюдается постоянное переплетение разных языковых форм на отдельных уровнях. Вместе с тем, сложившиеся здесь коммуникативные нормы регулируют допустимость или недопустимость конкретных языковых форм в определенных социальных кругах или ситуациях. Маркированные, примарные, и немаркированные, секундарные, признаки позволяют отграничить внутри языкового целого друг от друга отдельные пласты языка и описать их. Исходя из четырехступенчатой модели устной речи в Австрии, П. Визингер выделяет четыре пласта, располагая их по принципу возрастающей социолингвистической значимости: базовый местный диалект (*Basisdialekt*), интердиалект (*Verkehrsdialekt*), обиходно-разговорный язык (*Umgangssprache*) и языковой стандарт (*Standardsprache*). Кроме того, он предлагает учитывать профессиональные языки и языки отдельных социальных групп, которые в каждом конкретном случае могут быть соотнесены с тем или иным из названных выше пластов, а применительно к фонетическому уровню – язык для чтения (*die Lesesprache*), как характеризующуюся частичными отклонениями от языкового стандарта устную реализацию письменных текстов, и образцовую орфоэпическую норму (*Hochsprache, Hochlautung*) лиц, имеющих специальную риторическую подготовку (дикторов радио и телевидения, актеров и т.п.). Ниже в общих чертах приводится намечаемая П. Визингером картина распределения функций между разными языковыми пластами (т.е. формами существования) языка в Австрии. Базовый местный диалект в сельской местности используется прежде всего крестьянами и ремесленниками старшего поколения в повседневном общении друг с другом и с младшими членами семьи. В городах ему соответствует городской диалект, используемый главным образом низшими и средними социальными слоями рабочих, служащих, лиц, занимающихся мелким промыслом, не только в повседневном общении, но также и на рабочем месте среди равных себе по социальному положению. В аналогичных ситуациях этой формой речи пользуются

те лица более высокого социального положения, которые, хотя и сменили благодаря общественному выдвиганию свое окружение, но не смогли соответственным образом повысить свою языковую культуру. Базовый местный диалект образует основу всего языкового расслоения, поскольку здесь заложены сохраняющие устойчивость во всех пластах устного языка артикуляционные и интонационные навыки, т.е. так называемые конституирующие языковые факторы. Над городским диалектом надстраивается более поздний пласт сельского диалекта – интердиалект (*Verkehrsdialekt*), на котором сегодня говорят мобильные среднее и молодое поколения сельского населения, независимо от того, идет ли речь о крестьянах или о лицах, занятых в мелких местных предприятиях, либо о рабочих и служащих, связанных челночными поездками с городами или другими населенными пунктами. Представители более высоких социальных кругов в сельской местности – коммерсанты, лица, занятые в промыслах, служащие административных учреждений, почты, банков или отдельные лица, занимающие престижные посты – врач, учитель, священник, благодаря полученному ими образованию отличаются не только широким диапазоном общественных контактов и мобильностью, но и значительной языковой гибкостью, поскольку, используя в ряде ситуаций местное наречие, они владеют еще и интердиалектом, а кроме того, обиходно-разговорным языком. Этот последний используется в сельской местности коммерсантами, лицами, занятыми промыслами, при общении со своими клиентами, в бюро обслуживания туристов при общении с гостями, служащими административных учреждений, почты и сберегательных касс во время работы, учителем в личных беседах с учениками и их родителями, священником при общении со всеми жителями данной местности. Обиходно-разговорный язык в силу того, что он утратил примарные диалектные особенности, имеет здесь полуофициальный характер, создавая определенную дистанцию между коммуникантами. Характеризуя функции обиходно-разговорного языка в Австрии, Мария Горнунг и Ф. Ройтингер отмечают следующее: «Обиходно-разговорный язык встречается, прежде всего, в областях с интенсивным сообщением и в промышленных центрах. Помимо этого, им часто пользуются лица, занимающие социально более высокое положение и обычно употребляющие литературный язык при общении с «низшими» слоями населения, от которых они ожидают употребления диалекта, а эти последние, наоборот, стремятся приспособиться к «высшим» слоям: и те, и другие находят друг друга в обиходно-разговорном языке» [82, 8]. В городах обиходно-разговорный язык упот-

ребляется не только в подобных «полуофициальных» ситуациях, но часто является уже средством повседневного общения средних и высших социальных слоев – большого количества продавцов, лиц, занятых промыслами, коммерсантов, конторских и банковских служащих, должностных лиц, учителей, врачей, адвокатов и т.п. Пласт устной речи наивысшего ранга составляет языковой стандарт в качестве региональной реализации литературного языка (Schriftsprache). Языковой стандарт является языком публичных выступлений и используется учителем в процессе преподавания, священником во время чтения проповеди, верующими при чтении молитв и исполнении церковных песнопений, различными лицами при произнесении публичных речей, дикторами радио и телевидения при проведении свободно программируемых передач.

От языкового стандарта как естественной формы устной речи, сохраняющей региональные артикуляционные и интонационные особенности, на фонетическом уровне отличаются язык для чтения (хотя целый ряд имевшихся здесь особенностей полностью отмирает) и образцовая орфоэпическая норма, ориентированная на правила Т. Зибса.

Как показало исследование Г.Е. Малыгиной, посвященное языку современной австрийской драмы, характерная для Австрии ситуация полигlossии находит свое отражение в речи персонажей [25, 8 – 9]. Многие персонажи драм владеют разными формами существования родного языка и употребляют их в зависимости от коммуникативной ситуации. Например, в неофициальной обстановке, в беседе с сыном фрау Ангер – один из персонажей драмы Г. Коррера и В. Пеллерта «Иисус из Оттакринга» – пользуется венским полудиалектом:

FRANZI (*kommt aus dem Zimmer*): I waß net, wos du suachst.

FRAU ANGER: Bua, frog net so vü! Meine Güte, ollas muaß ma si söba mochn.

(H. Korherr, W. Pellert. Jesus von Ottakring, S.35.)

Примечание: i „ich“, waß „weiß“, net „nicht“, wos „was“, suachst „suchst“, Bua „Bub“, frog „frag“, vü „viel“, ollas „alles“, muaß „muß“, ma „man“, si „sich“, söba „selber“, mochn „machen“.

В официальной обстановке, при разговоре с депутатом в помещении районного представительства фрау Ангер стремится перейти на австрийский обиходно-разговорный язык, хотя и здесь ее речь сохраняет характерную венскую окраску.

FRAU ANGER: Also, – bitte, ich hatte als erstes eine Beschwerde einzubringen, das was den Lärm im Haus betrifft. Es ist mit den Tschuschen nicht auszuhalten. Mir alteingesessenen Hausbewohner trauen uns nimma aufn Gang aufs Häu, – pardon auf das Clo, und da Hausherr, der Herr Direktor Leprecht setzt uns an Kameltreiber nach dem anderen eine, wäu, wissen Sie, der macht ja a guates Gschäft damit...

(H. Korherr, W. Pellert. Jesus von Ottakring, S.38.)

Примечание: Tschusch, *m* (австр. разг.) «иностранный рабочий», nimma „nimmer“, aufn Gang aufs Häu „auf den Gang auf das Häuschen“, wäu „weil“, da „der“, a guates Gschäft „ein gutes Geschäft“.

В одной из сцен драмы «Иисус из Оттакринга» Г. Коррера и В. Пеллерта изображается конфликт между директором Лепрехтом, его секретаршей и подростками. Первую фразу директор произносит на более привычном для него литературном языке, а затем, чтобы добиться контакта с подростками и повлиять на них, переходит на венский полудиялект, на котором те говорят.

DIREKTOR: Was fällt Ihnen ein, meine Herrn. Nebenan ist frei! Oder sehn Sie schlecht. (*Die drei Burschen rücken näher. Der eine betastet die Sekretärin*).

DIREKTOR (*drohend*): Was wollts? Lausbuama?!

ERSTER: Von dir, Oida, wolln ma net so vü, oba dei Katz woin ma als a Ganza.

DIREKTOR: Putzts euch, oda i moch eich Fiaß!

ZWEITER (*stülpt dem Direktor einen Papiersack über den Kopf*): Sichst, so fangt ma de dicken Leit...

(H. Korherr, W. Pellert. Jesus von Ottakring, S.16.)

Примечание: Katz, *f* (австр. разг.) «хорошенькая девушка», wollts „wollt ihr“, Lausbuama „Lausbuben“, Oida „Alter“, ma „wir“, net „nicht“, vü „viel“, oba „aber“, dei „dein“, woin „wollen“, a „ein“, i moch „ich mache“, eich „euch“, Fiaß „Füße“, Leit „Leute“, sicht „siehst“, ma „man“, sich putzen (австр. разг.) «исчезать, скрыться, удаляться, уходить».

Персонажи, коммуницирующие на разных формах существования немецкого языка в Австрии, могут хорошо понимать друг друга. Например, в диалоге между интендантом Штёгерсбахом и актером Гарри первый пользуется устной формой литературного языка, а второй говорит на австрийском обиходно-разговорном языке, близком к венскому полудиялекту («Новогодний вечер» В. Бауэра).

HARRY: Stimmung! Hob i Ihnen gfalln, Herr Intendant?

STÖGERSBACH: Ja, ich bin sehr interessiert... Wir sollten uns einmal unterhalten... wirklich...

HARRY: Natirlich, nur Hauptruin... was anders kummt net in Froge...

(W. Bauer. Silvester, S.95.)

Примечание: hob i „habe ich“, gfalln „gefallen“, natirlich „natürlich“, Hauptruin „Hauptrollen“, was „was“, kummt net in Froge „kommt nicht in Frage“.

Функциональную дистрибуцию форм существования языка в немецкоязычных кантонах Швейцарии Шт. Зондерэггер характеризует как всеобщую диглоссию (totale Diglossie), сильно ориентированную на диалект [120, 1882 – 1883]. Компонентами языковой ситуации, закрепленными за разными сферами функционирования, здесь являются германо-швейцарские (алеманские) диалекты (Schweizerdeutsch) и общенемецкий литературный язык (Schriftdeutsch).

Касаясь вопроса о распределении функций между названными формами существования немецкого языка в Швейцарии, А. Лёчер отмечает, что в сфере письменности примерно на 99% используется языковой стандарт (т.е. литературный язык) [91, 123]. Нельзя, однако, утверждать, что устная речь на 99% представлена швейцарско-немецкими диалектами. На диалекте германо-швейцарцы говорят при повседневном бытовом общении, в кругу семьи, на улице, в магазинах, на рабочем месте. В высших сферах коммуникации (общественно-политическая жизнь, религия, народное образование, наука, культура, радио, телевидение) доминирует устная форма литературного языка (в его швейцарском варианте), частично разделяя свои функции с диалектом в рамках исторически сложившихся коммуникативных норм и традиций. Употребление литературного языка или диалекта обусловлено в названных сферах не столько социальными факторами, сколько характером ситуации общения и его стилем. Существенными при этом являются следующие параметры: строго официальный (формальный, торжественный) характер общения – менее официальный, более интимный, дружеский характер общения, подчеркивание «национального компонента» в коммуникации; общешвейцарский (надрегиональный) диапазон коммуникации – узколокальный, местный диапазон коммуникации; заранее подготовленное (в письменном виде) выступление – неподготовленная, спонтанная речь; гуманитарный характер образования – естественно-научный характер образования; необходимость быстрой словесной реакции на происходящее, требующая от говорящего владения стандартизированной

терминологией – спокойное, неторопливое повествование; нейтральный, сдержанный стиль общения – непринужденное, эмоционально-окрашенное общение, экспрессивность сообщения. Первый в каждой из приведенных пар параметров предопределяет выбор в качестве средства коммуникации литературного языка, второй – употребление диалекта. На литературном языке, например, читается проповедь во время торжественного праздничного богослужения, тогда как скромная служба в более узком кругу членов религиозной общины отправляется на диалекте. Примечательно, что во время богослужения на диалекте канонические тексты молитв читаются на литературном языке во избежание искажений. Литературный язык используется в кантональных парламентах как средство официально-делового общения, а обсуждение вопросов в парламентских комиссиях ведется на диалекте. Швейцарско-немецкими наречиями во время публичных выступлений пользуются те, кто хочет подчеркнуть свою тесную связь с народом, с родиной. В употреблении диалекта ярко ощущается «национальный компонент», о чем свидетельствует, в частности, использование его при проведении политических предвыборных кампаний и выборов. В кантонах, особенно свято чтящих исторические национальные традиции, диалект звучит и в кантональных парламентах. Прием университетских экзаменов производится на литературном языке, однако менее формальные зачеты и собеседования проходят на диалекте. Чем более общешвейцарский или надрегиональный характер носит то или иное мероприятие, тем более вероятно использование при его проведении литературного языка. Чем более узким, локальным оно является, тем более вероятна возможность применения диалекта. Заранее подготовленные доклады читаются на языковом стандарте, но выступающие в прениях прибегают к диалекту. Это объясняется тем, что швейцарско-немецкие диалекты представляют собой чисто устную форму речи и на них практически не пишут. Поэтому письменная подготовка доклада в принципе может быть осуществлена только на литературном языке. Лица с высшим образованием, в особенности представители гуманитарных наук, оперирующих большим количеством отвлеченных терминов, в официальных ситуациях в процессе преподавания (на учительских и научных конференциях и т.п.) более склонны к употреблению устной формы литературного языка, который дает больше возможностей развернуть научную дискуссию. Представители естественных наук в соответствующих ситуациях в меньшей степени склонны к использованию литературного языка. На радио и телевидении серьезные политико-информационные пере-

дачи ведутся на литературном языке, а в развлекательных программах широко используется диалект. Обычные спортивные передачи (за исключением обзорно-итоговых) по радио идут на диалекте, по телевидению – на литературном языке. Прямые спортивные репортажи (например, о футбольных матчах) даются на языковом стандарте, располагающем инвентарем соответствующих терминов и клишированных выражений, что позволяет комментатору в быстрых и четких формулировках отразить происходящее на спортивной арене или футбольном поле (о распределении функций между литературным языком и швейцарско-немецкими диалектами см. также выше, глава II, 2.1.). Для языковой действительности в Швейцарии характерно своеобразное сосуществование и переплетение друг с другом литературного языка и диалекта в функциональном плане, что, однако, не приводит к их структурному смешению, подобному тому, которое в собственно немецком ареале обусловило возникновение территориально окрашенных обиходно-разговорных языков [91, 133 – 134].

ГЛАВА II

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

2.1. ЯЗЫКОВАЯ ОБЩНОСТЬ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Структура функциональной макросистемы современного немецкого языка благодаря его полинациональному характеру отличается значительной сложностью. Выступая в качестве средства коммуникации в нескольких немецкоязычных государствах, немецкий язык реально функционирует в виде коррелирующих друг с другом национальных вариантов макросистемы в целом. Кроме того, отношениями национального варьирования связаны между собой и разновидности той формы существования, которая образует верхний ярус функциональной макросистемы, – немецкого литературного языка в преобладающем большинстве пользующихся им стран (подробнее см. [16]).

Несмотря на интенсивную разработку теории вариантности полинациональных языков, в последние годы ее научный аппарат

нельзя рассматривать как полностью сложившийся и не требующий никаких уточнений. При изучении причин дивергентности языкового развития важное значение имеет вопрос о реальных типах объединений носителей языка и их соотносительности друг с другом в условиях определенной исторически сложившейся языковой ситуации.

Как правило, большинство исследователей различают два вида группировок носителей языка: коммуникативную общность и языковую общность (см., в частности, [128, 9; 4, 7 и сл.]). Анализируя понятия «языковая общность» (*Sprachgemeinschaft*) – «коммуникативная общность» (*Kommunikationsgemeinschaft*), Ю. Шарнгорст вносит заслуживающие внимания уточнения в распространенную трактовку первого из них [97, 655 и сл.]. Типом конкретной исторической общности, соотносительной с понятием языковой ситуации, он считает коммуникативную общность, определяя ее как объединение людей, связанных друг с другом совместной деятельностью, которое рассматривается в аспекте их коммуникации (ср. также [121, 518]). Особое значение придается обществу с государственной организацией как социальной единице, которая «выступает в качестве носителя в высшей степени сложных, прочных и длительных коммуникативных отношений, как коммуникативная общность» [121, 519]. Весьма существенно в соотносительности с языковой ситуацией и понятие «языковой общности». В обычном широко распространенном понимании языковая общность нередко трактуется как «группа людей, которые сами себя считают носителями одного и того же языка» [79, 140]. Таким образом, содержание, вкладываемое в это понятие, в значительной мере основывается на языковом самосознании.

Языковая общность может совпадать с коммуникативной общностью в рамках одного государства. Языковая общность может также вместе с одной или несколькими другими языковыми общностями входить в одну коммуникативную общность в составе определенного государства, а внутри этой государственно оформленной коммуникативной общности составить территориально или социально ограниченную коммуникативную общность. Наконец, языковая общность может выходить за границы коммуникативной общности в пределах одного государства и соотноситься с несколькими коммуникативными общностями в разных государствах. Поскольку в исторически тождественном «самостоятельном» языке в случае употребления его в разных государствах закономерно развиваются более или менее сильные различия (ср., например, английский язык в Великобритании и США, немецкий язык в соб-

ственно немецком ареале, в Австрии и Швейцарии), то вопрос о том, имеет ли исследователь-лингвист в подобных случаях дело с одной языковой общностью, как подчеркивает Ю. Шарнгорст, в высшей степени осложняется [107, 656]. Если принять приведенное выше широко распространенное понимание языковой общности, то решение данного вопроса будет зависеть, прежде всего, от таких социально-психологических, т.е. субъективных факторов, как, например, чувство принадлежности к определенному коллективу („Zusammengehörigkeitsgefühl“). Лингвистика не располагает научным термином, который позволял бы адекватно охватить коллектив носителей определенного языка. Чтобы восполнить этот терминологический пробел, Ю. Шарнгорст предлагает передать содержание соответствующего понятия термином „Kodegemeinschaft“ – «системная общность». «Системная общность» в понимании Ю. Шарнгорста представляет собой группу людей, пользующихся в основном одной и той же языковой системой (включая ее национальные, функциональные, социальные и др. варианты) [107, 656]. Это лингвистическое понятие, не имея таких психологических и эмоциональных коннотаций, как понятие «языковая общность», дополняет понятие «коммуникативная общность».

Данное терминологическое уточнение влечет за собой и другое. В общезыковом употреблении слово „Sprachgemeinschaft“ может сохранить свое значение, в котором доминирует субъективный момент. Применяя названное обозначение в качестве лингвистического термина, под языковой общностью, согласно предложению Ю. Шарнгорста, следует понимать только группу людей, которая, используя в основном одну и ту же языковую систему, образует одновременно коммуникативную общность. Таким образом, с разными коммуникативными общностями соотносится только системная общность, тогда как языковая общность объединяет лишь членов одной определенной коммуникативной общности. Уточнения, предлагаемые Ю. Шарнгорстом, отвечают деятельностной концепции языка и несомненно имеют существенное значение для теории вариантности полинациональных языков.

В развитие идеи Ю. Шарнгорста в настоящей работе при выделении языковой общности (в строго лингвистическом понимании этого термина) предлагается учитывать дополнительно два важных обстоятельства. Прежде всего, поскольку языковая система бывает представлена несколькими формами существования, следует принимать во внимание, все ли и если нет, то какие формы существования и в каких стратах функциональной парадигмы соотносятся с определенной коммуникативной общностью и используются

ею. Кроме того, необходимо установить, выступает ли языковая система, используемая в сфере литературного языка, по отношению к другим формам существования в качестве всеобъемлющей языковой системы более высокого ранга, своего рода «кровли» (*Überdachung*) [74, 42] или нет.

Релевантность этих дополнительных моментов при изучении варьирования полинациональных языков будет раскрыта в данной части книги на материале сопоставления функционирования немецкого языка в немецкоязычных кантонах Швейцарии и в Люксембурге.

На первый взгляд может показаться, что языковая ситуация в названных странах обнаруживает много общего. И в той, и в другой стране в рамках государственно оформленной коммуникативной общности используются несколько языковых систем, что позволяет охарактеризовать сложившуюся здесь языковую ситуацию как мультилингвальную в отличие от унилингвальной ситуации других немецкоязычных стран, в частности Австрии. Однако при более детальном рассмотрении выявляются значительные различия между названными странами.

В Швейцарии в рамках государственно оформленной коммуникативной общности максимальные общественные функции на паритетных началах разделяют (каждый в своих кантонах) три языка, официально признанных государственными – немецкий, французский, итальянский. (Подробнее о языковой ситуации и особенностях функционирования немецкого языка в Швейцарии см. [16, 134 и сл.]). Языковые зоны Швейцарии, как показывает А.И. Домашнев, не представляют собой неподвижных и в языковом отношении гомогенных единиц. В местах схождения языковых границ имеются зоны двуязычия, в силу чего все языки Швейцарии непрерывно и на всех уровнях влияют друг на друга, обнаруживая черты определенной конвергенции в своем развитии. Однако в основных областях своего распространения языки, как и этнические традиции и культура, живут достаточно самостоятельной, автономной жизнью. Внутри государственно оформленной общешвейцарской коммуникативной общности в немецкоязычных кантонах выделяется территориально ограниченная коммуникативная общность германо-швейцарцев, образующих одновременно и языковую общность, поскольку они используют единую языковую систему – немецкий язык. Системная общность соответствует здесь коммуникативной общности. Используемая на данной территории языковая система – немецкий язык – представлена двумя основными формами существования – национальным литературным

языком наддиалектного типа и швейцарско-немецкими (алеманскими) диалектами. Она во всех страхах функциональной парадигмы соотносится с германо-швейцарской коммуникативной общностью. Между названными формами существования немецкого языка в Швейцарии имеется живая непосредственная связь, которая проявляется в двух аспектах. Во-первых, алеманские диалекты Швейцарии осознаются как генетически родственные немецкому литературному языку и в плане синхронии выводимые из него, что составляет одно из необходимых условий отнесения их к немецким диалектам [74, 49]. Во-вторых, немецкий литературный язык выступает в Швейцарии по отношению к местным диалектам как всеобъемлющая языковая система более высокого ранга («кровля»). В этом плане представляется правомерным протест швейцарского лингвиста Х. Руппа против распространенного в Швейцарии мнения, что устная форма немецкого литературного языка (у Х. Руппа – Standarddeutsch, Standard) является для германо-швейцарца первым иностранным языком. Отмечая, что швейцарско-немецкие диалекты так же принадлежат к диалектам немецкого языка, как швабские, баварские, гессенские, саксонские, нижненемецкие, Х. Рупп подчеркивает лингвистическую несостоятельность приведенного выше мнения. Швейцария в этом отношении не представляет собой некоего особого случая, поскольку проблемы переключения с диалекта на литературный язык у германо-швейцарца не более и не менее значительны, чем у жителя Верхней Баварии, в небольшой горной деревушке, где еще говорят на диалекте [105, 222].

В сфере максимальных общественных коммуникативных функций германо-швейцарцы используют немецкий литературный язык в особом национальном варианте и преимущественно его письменную форму. Примечательно, что, если условия общения не требуют от германо-швейцарцев выбора между принятыми в стране языками, они всегда обращаются к немецкому. Устное общение в принципе осуществляется на местных диалектах. Последние, несмотря на определенную региональную дифференцированность (деление на поддиалекты), характеризуются высокой степенью гомогенности [16, 136 и сл.], благодаря которой взаимопонимание между носителями различных швейцарских поддиалектов осуществляется беспрепятственно. По свидетельству Х. Руппа, жители Берна, Цюриха и Базеля в устной беседе будут говорить соответственно на бернском, цюрихском и базельском немецком; ни один из них не пойдет другому навстречу, пытаясь использовать некую несуществующую наддиалектную форму «швейцарско-не-

мецкого». «Каждый германо-швейцарец, – заключает Х. Рупп, – говорит обычно на своем диалекте, и для него само собой разумеется, что другой его понимает» [105, 216]. В силу такого своеобразия устной коммуникации в Швейцарии первоначально не было сильных стимулов к развитию промежуточной между литературным языком и диалектами формы существования – обиходно-разговорного языка (*Umgangssprache*), что столь характерно для собственно немецкого ареала. Представляя собой довольно однородное лингвистическое образование, швейцарско-немецкие диалекты в пределах германо-швейцарской языковой общности выполняют функции обиходно-разговорного языка. Кроме того, они вторгаются и в область общественных функций немецкого литературного языка, частично (в регламентированных местной традицией диалогических ситуациях и в подобающих типах текстов) используются в официально-деловом общении как средство публичной речи, в сфере научной речи, в художественной литературе, в театре, кино, телевидении, в функции средства обучения в школах, гимназиях, университетах, при богослужении. Так, например, в университетах лекции читаются и семинарские занятия ведутся, как правило, на немецком литературном языке, практические же занятия по естественнонаучным и техническим дисциплинам проходят на диалекте. В свои приемные часы профессора говорят на диалекте, диалектом они пользуются в беседах с коллегами и студентами. На телевидении передачи, посвященные новостям дня, политический комментарий, спортивные репортажи ведутся на немецком литературном языке, а спортивная передача типа «Спорт за неделю» – на диалекте. Дикторский текст к передачам, посвященным классической музыке, дается на литературном языке, тогда как пояснения к концертам эстрадной музыки идут на диалекте [105, 217]. Таким образом, диалект отличается в данном ареале повышенной социально-функциональной значимостью [16, 139], что позволяет некоторым исследователям характеризовать его как «культивируемый диалект» (*Ausbaudialekt*) [85, 59]. Повышенная социально-функциональная значимость диалекта делает понятным наблюдающееся в Швейцарии в последние годы характерное явление, которое Х. Рупп называет новой диалектной волной. Действие данной диалектной волны сказывается, в частности, в том, что учащаются случаи использования диалекта в учебном процессе в школах и университетах. Отдельные профессора читают лекции и принимают экзамены, пользуясь диалектом. Можно услышать даже научные доклады на диалекте. Аналогичная ситуация наблюдается на радио и телевидении: диалект используется здесь без учета типа текста и

характера аудитории, причем тексты, подготовленные на литературном языке, в процессе чтения транспонируются в диалектное звучание [105, 222]. Отмечая, что проявления новой диалектной волны вызывают обоснованную тревогу в педагогических и политических кругах, Х. Рупп прогнозирует на ближайшие годы ее спад [105, 224 – 225]. Он подчеркивает также, что развитие на базе местных алеманских диалектов особого швейцарского литературного языка не имеет никаких шансов [105, 224]. Хотя в целом диалектная речь в немецкоязычных кантонах Швейцарии не отличается такой яркой социальной маркированностью, как в других немецкоязычных странах, в настоящее время прослеживаются определенные различия в оценке социальной престижности городских и сельских реализаций диалектов [16, 143]. Как убедительно показывает А.И. Домашнев, основываясь на материалах новейших исследований в данной области, в наши дни намечается тенденция к становлению стандартного (образцового) типа обиходно-разговорного языка (Normalschweizerdeutsch) на базе престижного «сглаженного» городского полудиалекта одного из крупнейших центров Швейцарии – Цюриха, так называемый цюрихско-немецкий [16, 148].

Немецкий литературный язык в Швейцарии как высший страт функциональной парадигмы обладает дифференциальными (швейцарскими) чертами, которые выявляются на всех системных уровнях и имеют характер кодифицированной (эксплицитной) нормы, что позволяет выделить особый швейцарский вариант немецкого литературного языка. Степень расхождения данного варианта немецкого литературного языка с собственно немецким вариантом литературного языка значительно выше, чем, например, австрийского. Объясняется это тем, что в Швейцарии длительное время отсутствовало посредствующее звено, через которое обычно осуществляется взаимодействие диалектов и литературного языка, т.е. особый обиходно-разговорный язык. Поэтому взаимодействие диалектов с литературным языком протекало непосредственно, путем прямых контактов, что благоприятствовало переинтеграции диалектных (алеманских) форм. Алеманский диалектный материал, освоенный литературным языком в Швейцарии, лежит в основе большинства собственно гельвецизмов, т.е. языковых явлений, несвойственных немецкому литературному языку за пределами данной страны. Наличие подобных явлений составляет наиболее существенную отличительную черту швейцарского варианта литературного языка. Гельвецизмы, генетически восходящие к диалектным особенностям, наиболее полно представлены в лексико-семантической системе, словообразовании и фразеологии, ср., напри-

мер, швейц. Fürsprech, *m* – собств.нем. Rechtsanwalt, Anwalt, *m* «адвокат, защитник»; швейц. Rock, *m* «женское платье» – собств. нем. Rock, *m* «юбка»; швейц. Znüni, *m*, *n* – собств.нем. das zweite Frühstück, Zwischenmahlzeit, *f* «второй завтрак»; швейц. in die Hosen steigen «приготовиться к борьбе» – собств.нем. sich zum Kampf bereit machen; швейц. Bauersame, *f* – собств.нем. Bauernschaft, *f* «крестьянство, крестьяне, крестьянское население».

От охарактеризованной выше языковой ситуации в Швейцарии коренным образом отличается уникальная языковая ситуация в Люксембурге, где на сплошной территории страны в рамках этнически однородного и немногочисленного коллектива используются одновременно три языковых системы, три языка – французский, немецкий и люксембургский [16, 182 и сл.]. Родным языком населения данной страны является люксембургский или летцебургский язык (Lëtzebuergesch), генетически восходящий к диалекту мозельско-франкской группы западносредненемецкого ареала. Люксембуржцы пользуются им, прежде всего, как средством повседневного устного языкового общения без каких-либо социальных, возрастных и других ограничений. Со времени после окончания второй мировой войны наметилась тенденция к использованию люксембургского также как средства коммуникации, обладающего характеристиками письменного языка. В феврале 1984 г. специальным законом люксембургский был провозглашен национальным языком страны. Этим же законом официальными «рабочими» языками (Arbeitssprachen) были признаны французский, немецкий и люксембургский. Функция языка законодательства по-прежнему сохранена за французским. Описывая языковую ситуацию в Люксембурге, Ф.Гоффманн характеризует французский как доминантный официальный язык, немецкий – как субдоминантный с широкой употребительностью. Люксембургский язык в сфере письменности является недоминантным официальным языком. В устном общении он как официальный «рабочий» язык кодоминантен французскому и немецкому [81a, S.122].

Как было показано ранее, в Швейцарии немецкий язык соотносится с германо-швейцарской коммуникативной общностью во всех формах существования, представленных в данном регионе, а немецкий литературный язык выступает там по отношению к другим формам существования в качестве верхнего страта функциональной парадигмы. Поэтому германо-швейцарская коммуникативная общность является одновременно немецкоязычной языковой общностью.

В Люксембурге во всех формах существования и на всех стратах функциональной парадигмы с люксембургской коммуникативной общностью как языковая система соотносится только люксембургский. Таким образом, применительно к данной стране можно говорить только о люксембургской языковой общности. Графически охарактеризованные различия между германо-швейцарской и люксембургской коммуникативными общностями могут быть представлены в виде схем № 1 и № 2:

Схема № 1

Немецкий язык в Швейцарии

Коммуникативная общность	Форма существования языка	Реальные функциональные соответствия каждой формы существования	Соотнесенность коммуникативной общности с языковой системой немецкого языка по стратам
Германо-швейцарская общность	Литературный язык	Швейцарский вариант немецкого литературного языка Швейцарско-немецкие диалекты	Во всех стратах
	Обиходно-разговорный язык	Швейцарско-немецкие диалекты	

По признаку использования той же языковой системы люксембургская коммуникативная общность оказывается связанной с франкоязычной и немецкоязычной системными общностями. Французский язык, не представляющий собой близкородственной люксембургскому языковой системы, находит применение только в высшем страте функциональной парадигмы и функционирует в люксембургской коммуникативной общности как иностранный язык. Сложнее определить соотношение люксембургского с близкородственным немецким языком. В настоящее время люксембургский, несмотря на свою генетическую близость к немецкому языку, не может рассматриваться как одна из форм существования немецкого языка в Люксембурге, поскольку немецкий литературный язык не выступает по отношению к люксембургскому в качестве языковой системы более высокого ранга. Люксембургский яв-

Немецкий язык в Люксембурге

Коммуникативная общность	Форма существования языка	Реальные функциональные соответствия каждой формы существования	Соотнесенность коммуникативной общности с языковой системой немецкого языка по стратам
Люксембургская общность	Литературный язык	Французский язык	В страте литературного языка
		Немецкий язык	В страте литературного языка
		Люксембургский	Во всех стратах
	Обиходно-разговорный язык	Общелюксембургское койне	

ляется, скорее, системой, близкородственной немецкому языку, «самостоятельным», новым германским языком, высшая форма существования которого – литературный язык – находится еще в стадии становления. Х. Клосс характеризует люксембургский как «культивируемый (сознательно развиваемый)» язык (*Ausbausprache*) [85, 106], понимая под «сознательным развитием» (*Ausbau*) эволюцию в двух взаимосвязанных направлениях (измерениях): появление новых стилистических средств, их дифференциация и модернизация; расширение сфер применения, распространение их на художественную литературу, деловую прозу, тексты мировоззренческого характера, тексты-обращения к слушателям (религиозная проповедь), тексты средств массовой коммуникации – радио и телевидения [85, 38 – 39]. Немецкий язык в Люксембурге, по существу, расценивается как иностранный. Согласно меткому замечанию А.И. Домашнева, независимо от степени владения французским или немецким языком «люксембуржцы ни в одном из них не чувствуют себя как дома» [16, 188]. О «чужом» характере немецкого языка для люксембуржцев свидетельствует, прежде всего, отсутствие стремления и воли к выработке особой люксембургской нормы немецкого литературного языка. Люксембуржцы просто пользуются чужим языковым стандартом, принятым в собственно немец-

ком ареале. Функционирование языка здесь как бы отделяется от представления о его развитии, в связи с чем многие исследователи отмечают статичность немецкого языка в Люксембурге. Люксембуржцы не ощущают живой связи между своим родным языком и немецким литературным языком. Они не воспринимают свой родной язык как одну из форм существования (например, диалект) немецкого языка. Как отмечает Я. Хоссенс, жители Люксембурга не склонны характеризовать свою речь как «немецкую»; они охотнее называют ее просто «диалектом», не соотнося последний ни с каким «языком» [74, 41].

В силу рассмотренных обстоятельств в Люксембурге не сложился особый вариант немецкого литературного языка. Однако в употреблении немецкого литературного языка имеются отдельные дифференцирующие черты, которые используются устойчиво и принадлежат к сфере коллективного узуса, поскольку они выступают с авторитетом местной нормы, носящей имплицитный характер. К числу таких черт относится, в частности, культивирование местных особенностей речи, восходящих к диалектным элементам (ср., например, употребление лексем *Bongert* «плодовый сад, огород» вместо *Baumgarten, Obstgarten*; *Schmiere* «хлеб с маслом» вместо *Butterbrot*; *schaffen* нейтр. «работать», *Schaffshose* «рабочие брюки» вместо *Arbeitshose*), непоследовательное смысловое различение отдельных лексических единиц (ср., например, употребление лексемы *der Unglückliche* в несвойственном ей в немецком литературном языке значении «потерпевший (от несчастного случая), пострадавший» вместо лит. *der Verunglückte*), наличие слов-гибридов, состоящих частично из французских языковых элементов (например, *Kinder-Charette* «детская коляска» < франц. *charette d'enfant* (лит. *Kinderwagen*), устойчивость некоторых архаичных грамматических особенностей (например, сохранение окончания -с в дат. падеже единственного числа – *mit dem Volke, in seinem Heime, im besten Zustande*). Наряду с этим люксембуржцы иногда «пишут плохо», не могут интуитивно следовать норме, неуверенно используют средства языка, допускают ошибки, ср., например, отклонения от литературной нормы в употреблении предлогов, нередко объясняющиеся интерференцией французского языка: *am Bahnhof ankommen* «прибыть на вокзал» вместо *auf dem Bahnhof (im Bahnhof) ankommen* (по аналогии с французским *arriver à*).

Наличие живой связи между литературным языком и другими формами существования является необходимой предпосылкой для их взаимодействия друг с другом. Это взаимодействие, в свою очередь, способствует накоплению в литературном языке специфи-

ческих для соответствующей коммуникативной общности структурных особенностей. Получая общественное признание, последние кодифицируются и приобретают характер эксплицитной нормы, определяющей своеобразие каждого данного национального варианта немецкого литературного языка. Именно структурно-нормативная дивергентность составляет релевантный признак национальных вариантов одного литературного языка. Если между близкородственными языковыми системами и немецким литературным языком, используемыми одной коммуникативной общностью, нет непосредственной живой связи, если немецкий литературный язык не выполняет здесь роли «кровли», т.е. не выступает как единственная языковая система более высокого ранга, такие близкородственные языковые системы не могут рассматриваться как формы существования немецкого языка. Поэтому взаимодействие между ними и немецким литературным языком носит менее интенсивный характер, чем в первом случае. Местные особенности употребления немецкого литературного языка не получают кодификации, а отсутствие признака структурно-нормативной дивергентности не позволяет выделить особый люксембургский национальный вариант немецкого литературного языка.

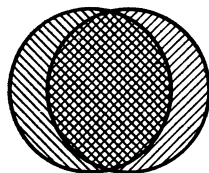
Рассмотренный материал свидетельствует о важности учета при выделении национальных вариантов литературного языка таких объективных моментов, как разграничение системной и языковой общности, соотносительность языковой общности с разными стратами функциональной парадигмы, положение в этой парадигме литературного языка.

2.2. ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНО-НОРМАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВСТРИЙСКОГО ВАРИАНТА НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Австрийцы пользуются той же языковой системой, что и немцы. Следовательно, и те, и другие принадлежат к одной системной общности. Однако австрийцы используют эту языковую систему в специфических для Австрии общественных, экономических и политических условиях и выступают по сравнению с немцами как особая государственно оформленная коммуникативная общность. Использование полинациональной языковой системы в пределах одной государственно оформленной коммуникативной общности создает определенную языковую общность, в рассматриваемом случае – австрийскую немецкоязычную общность. Языковая ситуация в Австрии является унилингвальной, поскольку в качестве го-

сударственного используется один язык – немецкий. Коммуникативная общность соотносится с языковой общностью во всех сферах функционирования немецкого языка в данной стране, причем вершину языковой парадигмы образует немецкий литературный язык, выступающий здесь в австрийском варианте, для которого характерен целый ряд специфических структурно-нормативных особенностей на всех языковых уровнях. Упомянутые особенности – так называемые австрицизмы – ярче всего выявляются при сопоставлении немецкого литературного языка в Австрии с собственно немецким вариантом немецкого литературного языка. Это обстоятельство не должно, однако, служить основанием для вывода о том, что собственно немецкий вариант занимает ведущую позицию в общей макросистеме единого немецкого литературного языка. Привлечение при сопоставлении в качестве своеобразного эталона собственно немецкого варианта литературного языка обусловлено исторически тем, что в процессе становления новонемецкого литературного языка наддиалектного типа на восточносредне-немецкой основе (подробнее см. ниже, гл. IV) этот язык утвердился первоначально на территории Германии. Лишь позднее он был принят в Австрии и Швейцарии, где с течением времени на него наслаиваются местные особенности, кодифицируемые в качестве национальной нормы. В общей макросистеме немецкого литературного языка все его национальные варианты находятся в отношениях коррелирования друг с другом как равноправные национальные стандарты данного языка [16, 14]. Национальные формы речи характеризуются автономией, которая осознается и поддерживается их носителями. Этим, как подчеркивает А.И. Домашнев, «определяются суверенность особенностей и норм национальных вариантов и закономерность развития национальной культуры речи» [16, 14]. В связи со сказанным представляется неправомерным рассмотрение национальных вариантов немецкого литературного языка как географических (региональных) вариантов языкового стандарта, среди которых главенствующая роль отводится собственно немецкому варианту в западных землях ФРГ [94, 1680, 1684].

Соотношение австрийского и собственно немецкого вариантов литературного языка наглядно было представлено А.И. Домашневым в виде двух кругов, накладывающихся друг на друга таким образом, что основная часть площади каждого образует зону идентич-

ности – общее структурное ядро, тогда как периферийные участки составляют зоны расхождений, неидентичности языка [14, 11]:

Весьма существенно, что языковые единицы, располагающиеся в зонах неидентичности, характеризуются национальной маркированностью, поскольку они включены в литературную норму соответствующего варианта немецкого языка. Поэтому, отмечая, в частности, в лексике немецкого языка в Австрии наличие слов, представленных в баварском или южнонемецком ареалах, не следует забывать, что в названных ареалах эти лексемы не входят в нейтральную норму собственно немецкого варианта литературного языка и нередко функционируют как диалектизмы, регионализмы или архаизмы, располагающиеся на ином стилевом уровне. Так, лексема *Schwamm, m* «гриб», являющаяся для австрийского варианта литературного языка нейтральным, общеупотребительным словом, в собственно немецком ареале функционирует как баварский диалектизм, а нейтральной литературной нормой в данном ареале признана лексема *Pilz, m*. Ср. также: *Kasten, m* – австр., швейц. (нейтральная литературная норма), ю.нем. (регионализм) «шкаф» и собств. нем. *Schrank, m* «шкаф» (литературная нейтральная норма); *Maut, f* австр. (нейтральная литературная норма), ю.нем. (регионализм), бав. (диалектизм), собств.нем. (архаизм) «таможенная пошлина» и собств.нем. *Zoll, m* «таможенная пошлина» (нейтральная литературная норма) и др.

Источники образования зон неидентичности, составляющих специфику австрийского национального варианта немецкого литературного языка, весьма многообразны и могут быть разделены по отношению к языковой системе на внутренние и внешние. Первые, внутренние, обусловлены спецификой функционально-типологической системы немецкого языка в Австрии в разные периоды исторического развития, которая зависит от количества и характера форм существования немецкого языка, их социального статуса, их престижности и соотносённости друг с другом. Особое значение имеет при этом степень проницаемости литературного языка для влияния на него других форм существования, в частности, диалекта, полудиалекта и обиходно-разговорного языка. Весьма важную роль играло наличие в Австрии собственной многовековой письменно-литературной традиции на базе южнонемецкого варианта письменно-литературного языка (*das Gemeine Deutsch*), который лишь в XVIII в. уступил свои позиции новонемецкому литературному языку восточносреднемецкого типа (подробнее см. [16, 56 и сл.]). Поэтому австрийский вариант литературного языка сохранил

целый ряд прежних особенностей, свойственных письменно-литературному языку южнонемецкого типа.

Вторым, внешним, источником образования зоны неидентичности было взаимодействие немецкого языка в Австрии с другими языками. Состав их количественно и качественно отличался от состава тех языков, с которыми взаимодействовал немецкий язык в других странах своего применения, что в значительной мере обуславливало своеобразие лексических особенностей заимствованной лексики в австрийском варианте немецкого литературного языка. Кроме того, ряд так называемых «культурных заимствований» из французского, итальянского и английского языков, которые в Германии подверглись «онемечиванию» благодаря усилиям реакционных немецких пуристов XIX в., в Австрии сохранились [101, 22], что также способствовало определенным расхождениям в указанной сфере, ср., например: *Coupe, n* (< франц. *coupé*) – австр. «купе» и *Abteil, n* – собств.нем. «купе»; *Perron, m* (< франц. *perron*) – австр., швейц. «перрон» и *Bahnsteig, m* – собств.нем. «перрон»; *Goal, n* (< англ. *goal*) – австр., швейц. «гол» и *Tor, n* – собств.нем. «гол»; *Spagat, m* (< итал. *spaghetto*) – австр. «шпагат, бечевка» – собств.нем. *Schnurf, Bindfaden, m* и др.

Национально маркированные структурно-нормативные особенности австрийского варианта немецкого литературного языка отмечаются на всех языковых уровнях, хотя богаче всего они представлены в словарном составе (подробнее об особенностях немецкого языка в Австрии см. [104; 14; 16, 56 и сл.]).

На фонетическом уровне довольно значительно число фонематических и акцентных вариантов слов (о типах вариантов слов в современном немецком языке см. [20, 16 и сл.]), характеризующихся австрийской маркированностью. Возникновение фонематических вариантов слов обусловлено, в основном, такими специфическими австрийскими особенностями, как:

- оглушение слабых согласных [b], [d], [g], [z] в начальной и интервокальной позициях, ср.: *so* – австр. [so:], собств. нем. [zo:];
- реализация начального *ch* перед *e, i* в некоторых словах иноязычного происхождения как взрывного [k], ср.: *Chemie, China* – австр. [ke'mi:], [ki'na], собств.нем. [ʃe'mi:], [ʃi'na];
- произношение конечного *g* в суффиксе *-ig* как слабого взрывного [g], ср.: *wenig* – собств. нем. [ve:nɪç], австр. [ve:nɪg];
- различия в долготе и краткости гласных в словах с тождественным выражением и лексическим значением, ср.: *Städte, Geburt* – австр. с кратким корневым гласным, собств. нем. – с долгим

корневым гласным; Rebhuhn, Walfisch – австр. с долгим корневым гласным в первом компоненте, собств. нем. – с кратким гласным в первом компоненте;

– расхождения в произношении ряда заимствованных слов, например: Garage (< франц.); Chance (< франц.); Abonnement (< франц.); genial (< лат.); Cocktail (< англ.); Junta (< исп.).

Наличие акцентных вариантов слов, общее число которых в макросистеме немецкого литературного языка по данным Г.Г. Ивлевой насчитывает несколько сотен [20, 20 и сл.], особенно характерно для заимствованной лексики, где их появление связано со своеобразием адаптации иноязычных заимствований в австрийской немецкоязычной общности, ср.: Kaffee (< франц.) – собств. нем. [ˈka:fə, также ka'fe:], австр. только [ka'fe:]; Tabak (< исп.) – собств.нем. [ta:bak, также ta'ba:k], австр. только [ta'bak]; Anis (< лат.) собств.нем. [ˈa:nis, также a'nis], австр. только [a'nis]; Mathematik (< греко-лат.) – собств.нем. [matema'tik], австр. [mate'ma:tik]. Кроме того, акцентное варьирование наблюдается и у ряда исконно немецких производных и сложных слов, причем, как отмечает П. Визингер [127, 1942], для Австрии действенной оказывается тенденция к сохранению ударения на начальном компоненте (или слог), например: 'ausführlich, 'ursprünglich, 'unsterblich, 'unmöglich, 'Durcheinander. В собственно немецком ареале возможны варианты с иным ударением, например: aus'führlich, Durchein'ander, un'möglich и т.п.

На морфологическом уровне своеобразие немецкого литературного языка в Австрии проявляется в большом количестве морфологических и фоморфологических вариантов, отражающих расхождения в грамматическом роде, в суффиксах и способах выражения множественного числа существительных, в формообразовании, ср.: собств.нем. das Gehalt – австр. der Gehalt «оклад; жалование; заработная плата (служащих)»; собств.нем. der (разг. die) Joghurt – австр. das (венск. также die) Joghurt; собств.нем. die Brezel – австр. das/die Brezel; собств.нем. die Scherbe – австр. der Scherben; собств.нем. die Ecke – австр. das Eck; собств.нем. der Wagen/мн.ч. die Wagen – австр. der Wagen/мн.ч. die Wägen; собств.нем. das Polster/мн.ч. die Polster – австр. der/das Polster/мн.ч. die Pölster; собств.нем. das Scheit/мн.ч. die Scheite – австр. das Scheit/мн.ч. die Scheiter; собств.нем. das Billard/мн.ч. die Billarde – австр. das Billard/мн.ч. die Billards; собств.нем. der Granat/под.п. des Granat(e)s/мн.ч. die Granate – австр. der Granat/под.п. des Granaten/мн.ч. die Granaten; собств. нем. stehen/форма перфекта hat gestanden – австр. stehen/форма перфекта ist gestanden; собств.нем. gesund/степени сравнения gesun-

der, пеже gesunder, am gesündesten, пеже gesundesten – австр. gesund/ степени сравнения gesünder, am gesündesten. В ряде случаев, как явствует из приведенных примеров, варьирование носит комплексный характер, поскольку различия в грамматическом роде оказываются сопряженными с расхождениями при склонении и образовании множественного числа, ср.: собств.нем. die Scherbe/под.п. der Scherbe/мн.ч. die Scherben – австр. der Scherben/под.п. des Scherbens/мн.ч. die Scherben.

Кроме того, разные морфологические или фономорфологические варианты могут сочетаться с семантической дифференциацией, способствуя разграничению таких лексических единиц, которые в рамках общей макросистемы немецкого языка поддаются интерпретации как омонимы. Так, собств.нем. Abwasch, *m*, -(e)s характеризуется двумя лексико-семантическими вариантами: 1. „das Abwaschen“: du machst bitte den Abwasch, ja?; 2. „zu spülendes Geschirr“: wir lassen den Abwasch im Becken stehen. Австр. Abwasch, *f*, -, мн.ч. -en имеет один лексико-семантический вариант – „Einrichtung zum Geschirrabwaschen, Abwaschbecken, Spüle, Spülbecken“. Я. Эбнер подкрепляет даваемую им словарную дефиницию названной лексемы [133] следующим примером из современной австрийской художественной литературы: Nasti nahm den Filter von der Kanne und stellte ihn in die Abwasch (C. Nöstlinger, Rosa Riedl 92). Он указывает также, что собств.нем. der Abwasch „das abzuwaschende Geschirr“ в Австрии неизвестно.

П. Визингер отмечает [127, 1942], что при образовании форм множественного числа в австрийском варианте литературного языка предпочтение отдается формам с умлаутом корневого гласного (если последний способен к его проведению), например: Krägen (собств.нем. Kragen), Bögen (собств.нем. Bogen). Это явление, как и более широкое распространение, чем в собственно немецком варианте литературного языка, форм с суффиксом -er типа Scheit – Scheiter, Roß (австр. „Pferd“) – Rösser, имеет свои корни в местных баварско-австрийских диалектах и территориально дифференцированных разновидностях обиходно-разговорного языка.

Согласно наблюдениям П. Визингера, в настоящее время в Австрии прослеживается тенденция к включению в литературную норму в качестве допустимого варианта диалектных по происхождению форм множественного числа на -n от широко употребительных в обиходно-разговорном языке существительных мужского и среднего родов с суффиксом -el, например: das Mädal – мн.ч. die Mädal, die Mädaln; das Brösel – мн.ч. die Brösel, die Bröseln; das Knödel – мн.ч. die Knödel, die Knödeln; das Würstel – мн.ч. die Würstel, die Wür-

steln. У ряда лексических австрицизмов, источником которых были диалект и обиходно-разговорный язык, форма множественного числа с суффиксом -n вообще является единственно возможной, например: Brettl, Brettel *n*, -s, -n „Ski“; Backhendl *n*, -s, -n „Backhuhn, Backhähnchen“ (лексема Backhendl известна и в других странах немецкого языка как обозначение цыпленка, поджаренного по особому кулинарному рецепту – «цыпленок по-австрийски»).

Специфической грамматической особенностью австрийского варианта немецкого литературного языка является то, что перфект выступает в нем в связном непринужденном повествовании о событиях, предшествовавших моменту речи, тогда как в собственно немецком варианте в аналогичной функции используется претерит [102, 14; 16, 112].

На синтаксическом уровне расхождения весьма незначительны. Они выражаются в структурном варьировании некоторых широко употребительных предложных сочетаний, где предлогу *auf* собственно немецкого варианта в австрийском варианте соответствует предлог *an*, ср.: собств.нем. *auf dem Land (leben)* – австр. *an Land (leben)*; собств.нем. *auf dem Boden* – австр. *an Boden*; собств.нем. *auf dem Markt* – австр. *an Markt*. Представлены национально маркированные варианты глагольного управления, генетически частично восходящие к региональным южонемецким чертам, например: собств.нем. *vergessen + Akk.* (нейтр.), *vergessen + Gen.* (арх., высок.) – австр. (и ю.нем.) *vergessen + auf + Akk.* (нейтр.); собств.нем. *du erbarmst mich* – австр. *du erbarmst mir*. П. Визингер [127, 1942] приводит примеры варьирования порядка слов в сочетаниях с наречиями, которые австрийцы склонны принять в качестве литературной нормы, например: *in längstens zwei Wochen* (вместо *längstens in zwei Wochen*); *in beinahe jedem Geschäft* (вместо *beinahe in jedem Geschäft*). Из обиходно-разговорного языка проникает в литературный язык в Австрии употребление союза *bis* как функционального синонима союзов *sobald*, *wenn*, например: *ich werde dich sofort benachrichtigen, bis ich etwas erfahren habe* (J. Ebner); *gleich bis er aufgewacht ist, werde ich es ihm sagen* (Deutsches Universalwörterbuch); *du darfst erst spielen, bis du die Aufgabe gemacht hast* (P. Wiesinger).

В словарном составе немецкого литературного языка в Австрии явления дивергентности наиболее ярки и значительны. Они представлены в зоне неидентичности, прежде всего, большим количеством австрийски маркированных гетеронимов (подробнее о понятии гетеронима см. [73, 86 – 87]) – специфических для данной страны наименований, которые по своей материальной оболочке

отличаются от обозначений того же денотата в собственно немецком варианте литературного языка, ср.: австр. *Marille, f* (< итал.) – собств.нем. *Aprikose, f* (< нидерл.); австр. *Obers, n* – собств.нем. *Sahne, f*; австр. *Karfiol, m* (< итал.) – собств.нем. *Blumenkohl, m*; австр. *Paradeiser, m* – собств.нем. *Tomate, f*; австр. *Matura, f* – собств.нем. *Abitur, n*; австр. *Erlagschein, m* – собств.нем. *Zahlkarte* („Formblatt für Einzahlungen auf Postämtern“); австр. *Topfen, m* – собств.нем. *Quark, m*. Как видно из приведенных примеров, австрийски маркированные гетеронимы охватывают разные тематические группы лексики, хотя наиболее многочисленны они в группах, связанных с бытом, с кулинарией, названиями продуктов питания, блюд, сельскохозяйственных культур. Поскольку австрийски маркированным гетеронимам в других национальных вариантах немецкого языка соответствует эквивалентная по содержанию лексема, обозначающая тот же денотат, они могут быть охарактеризованы как лексико-семантические аналоги последних (о понятии лексико-семантического аналога см. [45, 111 и сл.]). В рамках общей макросистемы немецкого литературного языка (охватывающей в идеале все его варианты) лексические австрицизмы выступают по отношению к эквивалентным им словам в других немецкоязычных странах, как национально маркированные синонимы, облеченные определенной стилистической функцией (см. [103, 72 ff.]). Будучи употребленными австрийскими писателями в художественных произведениях, действие которых разворачивается в Австрии, они являются отражением конкретной языковой действительности в данной стране. Вместе с тем, они могут быть сознательно использованы писателями других немецкоязычных стран как стилистическое средство создания локального, национального, социального и временного колорита.

Наряду с гетеронимами, словарный состав австрийского варианта литературного языка характеризуется наличием значительного числа лексико-семантических дивергентов – слов, которые совпадают в плане выражения (по своей материальной оболочке) с соответствующими лексемами собственно немецкого варианта, но отличаются от последних в плане содержания (по своей семантике) либо полностью, либо благодаря наличию особых национально маркированных лексико-семантических вариантов. Так, семантическая структура лексемы *Kasten, m* включает австрийски маркированный лексико-семантический вариант «шкаф», который не представлен в собственно немецком варианте литературного языка, где для обозначения того же денотата служит слово *Schrank, m*. Лексема *Bäckerei, f* в Австрии имеет национально маркированный лексико-

семантический вариант «печенье» („süßes Kleingebäck“), например: ...und auch bei den hausgemachten Bäckereien können Sie der Magenverstimmung und der Gewichtszunahme steuern (Die Presse 7./8. 12.1968, зitiert nach J. Ebner). Слово Tasse, *f* не только характеризуется наличием австрийски маркированного лексико-семантического варианта «поднос» („Tablett“, ср.: das Geschirr mit einer Tasse wegtragen), но и мало употребительно в лексико-семантическом варианте «чашка». Для обозначения названного предмета в Австрии используется преимущественно лексема Schale, *f* (например: eine Schale Kaffee), которая в свою очередь является лексико-семантическим дивергентом по отношению к собств.нем. Schale, *f*, в семантической структуре которого охарактеризованный лексико-семантический вариант отсутствует. В семантической структуре лексемы Sack, *m* выделяют австрийски маркированные лексико-семантические варианты: 1. «карман» („Tasche“ – Hosensack, Mantelsack, Sacktuch); 2. «пакет» („Beutel, Tüte“ – Papiersack, Plastiksack). Глагол richten употребителен в Австрии в национально маркированном лексико-семантическом варианте „reparieren“ например: die Uhr richten lassen. Глагол schwemmen имеет в Австрии лексико-семантический вариант «полоскать (белье)» – „(Wäsche) spülen“, ср.: in der modernen Waschmaschine wird die Wäsche automatisch geschwemmt.

Довольно обширный пласт в словарном составе австрийского варианта литературного языка образует так называемая безэквивалентная лексика, обозначающая явления и понятия, относящиеся к специфическим реалиям данной страны. Она отражает особенности политического устройства Австрии, традиционную специфику австрийской жизни и быта, нравов и обычаев. В отличие от австрийски маркированных гетеронимов и лексико-семантических дивергентов, безэквивалентная лексика, как правило, не имеет в других национальных вариантах немецкого литературного языка эквивалентов в виде соответствующих слов и нуждается в развернутых словарных дефинициях. Так, лексема Nationalrat, *m* 1. «Национальный совет (законодательная палата парламента в Австрии)»; 2. «национальный советник (депутат законодательной палаты парламента в Австрии)» в одноязычных толковых словарях немецкого языка поясняется следующим образом: 1. die aus Wahlen hervorgegangene Volksvertretung in Österreich; 2. Mitglied des Nationalrats (1).

Общественно-политический институт аналогичного характера в ФРГ обозначается лексемой Bundestag, *m* „die aus Wahlen hervorgegangene Volksvertretung, das Parlament der Bundesrepublik Deutschland“, которая принадлежит к безэквивалентной лексике собственно немецкого варианта литературного языка в ФРГ. Лексема Lan-

deshauptmann, *m* в Австрии является наименованием главы правительства одной из земель (Regierungschef, Vorsitzender einer Landesregierung eines Bundeslandes) и при освещении политической жизни в Австрии не может быть просто заменена словом Ministerpräsident, *m* „Leiter einer Bundesregierung in der Bundesrepublik Deutschland“, отражающим общественно-политическое устройство в ФРГ. В деловой речи представлен австрицизм Nationale, *n* 1. «анкетные данные» („Personalangaben, Personenbeschreibung“); 2. «личное дело, анкета» („Formular, Fragebogen, in den die Personalangaben eingetragen werden“). Наиболее многочисленны в пласте безэквивалентной лексики обозначения, связанные с традиционным укладом жизни австрийцев, спецификой быта, «венской кухней», особенно славящейся сладкими мучными блюдами, виноградным вином, видами приготовления кофе [6, 299], например: Jause, *f* (< словенск.) 1. „Zwischenmahlzeit, Vesper, Nachmittagskaffee“; 2. „Frühstücks-, Vesperbrot“; jausnen, jausen 1. „eine Zwischenmahlzeit, einen Imbiß einnehmen; Kaffee trinken“; 2. „etw. zur Jause essen, trinken“; Jausenstation, *f* „Gaststätte, in der man einen Imbiß einnehmen kann“; Mehlspeise, *f* 1. „Süßspeise (auch wenn sie ohne Mehl zubereitet wird, z.B. Germknödel, Topfenpalatschinken)“; 2. „Kuchen“; Heurige, *m* 1. „junger Wein im ersten Jahr, Wein der letzten Lese“; 2. „Lokal, in dem neuer Wein aus den eigenen Weinbergen ausgeschenkt wird (besonders in der Umgebung Wiens)“ 3. Pl. „die ersten Frühkartoffeln (während es noch solche von der letzten Ernte gibt)“; Braune, *m* – „Mokka mit Sahne oder Milch“ (например: einen kleinen Braunen im Kaffeehaus trinken).

На фразеологическом уровне своеобразие австрийского варианта литературного языка создается наличием национально маркированных вариантов фразеологических единиц и безэквивалентных фразеологизмов, имеющих глубоко национальную специфику, которая определяется условиями жизни австрийского народа, географической средой, флорой и фауной, историей, общественным устройством, культурой, обычаями [16, 87 и сл.]. Национально маркированные варианты фразеологических единиц возникают, как правило, за счет включения в них в качестве опорного компонента лексических австрицизмов, ср.: австр. das ist mir Powidl – собств.нем. das ist mir Wurst (Powidl, *n* < чешск. – австр. „Pflaumenmus“); австр. zu etw. seinen Kren geben – собств.нем. (überall) seinen Senf dazugeben müssen „(ungefragt zu allem) seine Meinung sagen, seinen Kommentar geben“ (Kren, *m* < слав. – австр. „Meerrettich“). Безэквивалентные фразеологизмы в целом представляют собой глубоко национальное явление и нередко включают имена собственные (ставшие по существу нарицательными), обозначения местных реалий,

отражают народный юмор, ср.: Das ist doch Radetzky! – «Это всякий знает! Это прописная истина!» („Das ist doch eine Binsenwahrheit!“; Radetzky – широко известный в австрийской истории полководец периода наполеоновских войн); das (sein) Auslangen finden (haben) – «обходиться чем-либо, сводить концы с концами» („den Lebensunterhalt bestreiten können; auskommen“); aus dem Jahre Schnee – перен. «допотопный» („uralt“ – ein Auto aus dem Jahre Schnee); im Jahre Schnee/anno Schnee – «давным-давно» („vor langer Zeit“ – ich kann mich nicht mehr erinnern, das war ja schon im Jahre Schnee); von anno Schnee – «устаревший» („veraltet“ – ein Eigentumsbegriff von Anno Schnee); in Verwendung stehen – „in Gebrauch sein“; auf Lepschi gehen (Lepschi < чешск.) – «болтаться без дела, веселиться, развлекаться» („sich herumtreiben, Vergnügungen nachgehen“).

На словообразовательном уровне можно обнаружить существенные различия между собственно немецким и австрийским вариантами немецкого литературного языка. Как показало исследование Т.В. Юдиной, посвященное особенностям словообразования немецкого литературного языка в Австрии [47], различия выявляются, с одной стороны, в составе словообразовательных формантов, а с другой – в наличии дифференциации в сфере словообразовательного значения одной и той же модели в ее конкретной реализации. Кроме того, близкие по своим функциям словообразовательные модели неодинаковым образом распределяются между отдельными национальными вариантами литературного языка. Подобные различия ярко прослеживаются в средствах выражения категории диминутивности.

Анализ инвентарного состава словообразовательных формантов с диминутивным значением показывает, что в собственно немецком варианте на уровне литературного языка в качестве продуктивных частотных словообразовательных элементов в этой функции употребляются суффиксы -chen и -lein (Brüderchen, Liedchen, Büchlein), причем большей частотностью характеризуется суффикс -chen.

В австрийском варианте состав частотных продуктивных суффиксов со значением диминутивности более широк и включает также суффикс -l со структурными вариантами -el, -erl. Словообразовательные модели «субстантивная основа + chen» (BS + chen) и «субстантивная основа + lein (BS + lein) составляют общее для собственно немецкого и австрийского вариантов ядро в сфере выражения диминутивности. В зоне неидентичности находятся характерные для австрийского варианта словообразовательные модели «суб-

стантивная основа + /e/l» (BS + /e/l) и «субстантивная основа + erl» (BS + erl).

Наблюдаются расхождения в функционировании одного и того же суффикса в разных национальных вариантах литературного языка. Анализ производных, образованных по модели BS + chen, свидетельствует о том, что в системе функционально-семантических вариантов суффикса -chen как в собственно немецком, так и в австрийском варианте доминирующим является ФСВ со значением уменьшительности (подробнее о понятии функционально-семантического варианта (ФСВ) см. [44, 82]). При этом в собственно немецком варианте в сфере выражения диминутивности модель BS + chen характеризуется более высокой степенью продуктивности, частотности, активности по сравнению с моделью BS + lein. В семантической структуре суффикса -lein в собственно немецком варианте доминанту образуют ФСВ со значением ласкательности и пейоративности. Сопоставление по функционально-семантическим вариантам свидетельствует о том, что суффикс -lein характеризуется в австрийском варианте немецкого языка большей полифункциональностью по сравнению с суффиксом -chen и представлен приблизительно в равном соотношении функционально-семантическими вариантами со значением уменьшительности, ласкательности и пейоративности.

Повышенная частотность употребления в австрийском варианте производных с диминутивными суффиксами, прежде всего с австрийски маркированными суффиксами -/e/l, -erl (типа Bankel/Bankl, Bärtl, Kammerl) нередко сопровождается нейтрализацией их словообразовательной семантики, что особенно характерно для разговорной речи, например: *Setz'dich auf das Bankl vor der Ubikation, dem Wohngebäude, heißt das.* (H. Doderer. *Die Dämonen*. S.579) Производные с австрийски маркированными суффиксами -/e/l, -erl обнаруживают более сильную тенденцию к лексикализации, чем производные с -chen и -lein, ср. характерные для австрийского варианта лексикализовавшиеся единицы: Zuckerl („Bonbon“), Stamperl („Schnapsgläschen“), Stöckel („Nebengebäude, besonders von Schlössern oder Bauernhäusern“).

Существенным различительным моментом в сфере выражения диминутивности является то, что словообразовательные элементы, распространенные в собственно немецком варианте, представлены и в австрийском узусе, тогда как австрийски маркированные суффиксы -/e/l, -erl в собственно немецком ареале на уровне литературного языка отсутствуют. Благодаря этому австрийский вариант в отличие от собственно немецкого располагает количествен-

но бóльшим набором словообразовательных средств, служащих для выражения категории диминутивности.

Словообразовательная микросистема австрийского варианта наряду с теми дифференциальными чертами, которые присутствуют в диминутивных моделях, отличается также структурными и семантическими особенностями, наблюдаемыми в других моделях словопроизводства и словосложения. В группе *nomina agentis* в немецком языке как макросистеме наблюдается структурное варьирование, которое затрагивает формантную часть производных слов при сохранении общей мотивирующей основы, ср.: Bettler/Bettelmann, Pergamenter/Pergamentmacher, Missionar/Missionär, Kommissar/Kommissär. Одним из путей дифференциации структурных словообразовательных вариантов слов, относящихся к *nomina agentis*, может быть их национальная маркированность. Анализ функционирования производных Kommissar/Kommissär, в которых представлены два варианта генетически единого суффикса иноязычного происхождения -ar/-är, свидетельствует о соотносительности их употребления с определенным ареалом распространения. В собственно немецком ареале в литературном языке представлен практически исключительно вариант Kommissar, а Kommissär употребляется крайне редко. В австрийском ареале в качестве кодифицированной нормы принято Kommissär. Будучи соотносительными с определенным национальным вариантом литературного языка, словообразовательные варианты типа Kommissar/Kommissär представляют собой национально маркированные деривационные вариации. Под национально маркированными деривационными вариациями вслед за В.С. Васькуниным [5, 107 и сл.] понимаются производные, характеризующиеся общностью мотивирующей основы и различиями в формантной части, обусловленными использованием модификаций одного и того же аффикса, употребление которых соотносится с конкретным национальным вариантом немецкого языка.

Формальное варьирование, хотя и несколько иного характера, наблюдается также в парах Kassierer – австр. Kassier; Tapezier, Tapezierer (ю.нем.) – австр. Tapezierer; Posamentier, Posamentierer (реже – Posamenten) – австр. Posamentierer. Различия, наблюдаемые в вариантах Kassier и Kassierer, оказываются основанными на противопоставлении производного слова в одном варианте (Kassierer) непроизводному в другом (Kassier). Собственно немецкий вариант Kassierer по способу образования является отлагольным наименованием действующего лица. В качестве мотивирующего слова выступает глагол kassieren (kassieren – Kassierer). Австрийский вариант

Kassier является прямым заимствованием, восходящим к итальянскому Cassiere, и оказывается по своему происхождению производным.

Другой тип формального варьирования структуры производных слов, наблюдаемый при сопоставлении словообразовательных микросистем в австрийском и собственно немецком вариантах, представляет собой использование в каждом из них моделей, сближающихся по своему словообразовательному значению, но различающихся в формантной части, например: Taschenmacher – австр. Taschner. В данном случае каждым из рассматриваемых национальных вариантов используются синонимичные словообразовательные форманты: суффикс одушевленных существительных мужского рода -per и компонент -macher, рассматриваемый рядом специалистов в области немецкого словообразования как сложный суффикс существительных мужского рода (см., в частности, [129]). Различие между производными Taschenmacher и Taschner заключается также в том, что в одном случае словообразовательный аффикс присоединяется к основе множественного числа существительного: Taschen-, а в другом случае – к основе единственного числа: Tasch-. Подобные структуры предлагается обозначить как национально маркированные деривационные варианты (термин В.С. Васьунина). От национально маркированных деривационных вариаций последние отличаются тем, что различия в них основаны на использовании синонимичных формантов, а не модификаций одного и того же форманта.

Сопоставление производных, относящихся к разряду *nomina agentis*, с их аналогами в собственно немецком варианте свидетельствует о различиях в самом принципе номинации, ср.: собств.нем. Fleischer – австр. Fleischhauer, собств.нем. Gemüsehändler – австр. Kräutler. При сравнении производных единиц, которые в австрийском и собственно немецком вариантах характеризуются номинационной вариативностью, выявляются различия в их словообразовательном значении при тождестве лексического значения. Так, например, сопоставляя производные австр. Fleischhauer и собств.нем. Fleischer, можно выявить различия в механизме номинации. В производном Fleischer, мотивированном основой Fleisch-, на первый план выступает предметный признак („einer, der mit Fleisch zu tun hat“), в то время как в производном Fleischhauer, мотивированном словосочетанием Fleisch hauen, существенную роль играет процессуальный признак („einer, der Fleisch haut“). Особенность лексемы Fleischhauer по сравнению с его лексико-семантическим аналогом

Fleischer заключается в том, что она представляет собой сложнопроизводное слово, образованное от словосочетания.

Отличительные признаки словообразовательной микросистемы в австрийском варианте представлены также в сфере словосложения. Они включают особенности как формального характера, так и мотивационные и номинационные. Чисто структурные расхождения, наблюдаемые между австрийским и собственно немецким вариантами, в оформлении сложных слов предполагают прежде всего оппозицию наличие/отсутствие соединительного элемента, а также альтернативность в выборе этого соединительного элемента, ср.: *собств.нем. Visit-en-karte* – *австр. Visit-karte*, *собств.нем. Fabrik-viertel* – *австр. Fabrik-s-viertel*, *собств.нем. Ausnahm-e-zustand* – *австр. Ausnahm-s-zustand*. Как известно, соединительный элемент давно утратил в немецком языке свою генетическую соотнесенность с показателем падежной флексии. В его употреблении трудно установить четкую закономерность, а при оформлении сложных слов в значительной мере сказывается исторически сложившаяся традиция, а также региональные особенности. Анализируя случаи формального варьирования в сфере немецкого словосложения, В.С. Вашунин обозначает подобное явление как «композиционные вариации» и относит к ним «композиционные пары с полностью совпадающим компонентным составом, но разным типом стыков между компонентами» [5, 111]. Употребление соединительных элементов в сложных словах представляет собой такой участок словообразовательной системы немецкого литературного языка, на котором австрийский и собственно немецкий варианты характеризуются определенными расхождениями. Сложные слова, внутрискруктурная вариативность которых дополнительно связана с определенной национальной дистрибуцией, типа *собств.нем. Fabrikmädchen* – *австр. Fabrik-s-mädchen*, с точки зрения представленных в них дифференциальных признаков могут быть определены как национально маркированные композиционные вариации.

Важное место при сопоставлении словообразовательных микросистем австрийского и собственно немецкого вариантов литературного языка занимает мотивационная вариативность. Данный тип вариативности наблюдается в сложных словах, характеризующихся тождественной семантикой и частично вариативной мотивированностью основ [5, 107]. При этом один из компонентов сравниваемых сложных слов совпадает, а между несовпадающими устанавливаются отношения национальной синонимии, ср.: *собств.нем. Kleiderschrank* – *австр. Kleiderkasten*, *собств.нем. Kartoffelsalat* – *австр. Erdäpfelsalat*. Существительное *Kasten*, *m* представляет собой

австрийский лексико-семантический аналог функционирующему в собственно немецком ареале существительному *Schrank, m*. Лексический австрицизм *Erdapfel, m* соответствует употребляемой в собственно немецком варианте лексеме *Kartoffel, f*. Подобные пары сложных слов, характеризующиеся ареальной соотнесенностью, являются национально маркированными мотивационными вариантами. Наряду с мотивационной вариативностью сложных слов в сопоставляемых вариантах литературного языка наблюдается также номинационная вариативность. Номинационная вариативность отличается от мотивационной тем, что у первой основу расхождений составляют, как правило, австрийские лексические особенности, в то время как номинационная вариативность базируется на разных ассоциативных признаках, обуславливающих называние денотатов. Сопоставление сложных слов австр. *Eiskasten, m* и собств.нем. *Kühlschrank, m* свидетельствует о том, что между ними существуют различия как в характере мотивации, так и в характере номинации. Существительные *Schrank* и *Kasten* представляют собой национальные синонимы, каждый из которых соотносится с определенным национальным вариантом языка. Исходя из характера номинации, в сложном слове *Kühlschrank*, которое поддается преобразованию в синтаксическую структуру „*ein Schrank, wo man Lebensmittel (ab)kühlt*“, в качестве определяющего признака можно выделить процессуальность. В сложном слове *Eiskasten* на первый план, с точки зрения номинации, выступает не процесс охлаждения, а средство, с помощью которого достигается охлаждение (*Eis*). В целом, применительно к словообразовательному уровню Т.В. Юдина делает вывод о большей степени вариантности, присущей австрийскому варианту по сравнению с собственно немецким. В австрийском ареале наряду с характерными австрийскими словообразовательными вариантами параллельно достаточно широко могут употребляться и собственно немецкие, в то время как в собственно немецком ареале аналогичный процесс не наблюдается. Употребление австрицизмов в последнем всегда стилистически маркировано и характерно для таких ситуаций, когда существенно передать или воссоздать австрийский колорит.

Анализ характера расхождений между словообразовательными микросистемами австрийского и собственно немецкого вариантов литературного языка свидетельствует о том, что главные различия наблюдаются на периферийных участках названных микросистем при сохранении единства общего ядра. Появление дополнительных австрийских словообразовательных вариантов обнаруживается, как правило, в тех сферах, которые характеризуются в собствен-

но немецком варианте и в макросистеме немецкого языка в целом определенной вариативностью, например, средства выражения диминутивности, способы образования *nomina agentis*, употребление соединительных элементов в сложных словах, альтернативные возможности мотивации и номинации производных и сложных слов. Словообразовательные австрицизмы могут быть рассмотрены как частные реализации общих языковых потенций.

На орфографическом уровне австрийский вариант литературного языка обнаруживает наименьшие расхождения с собственно немецким [16, 129 и сл.]. Они проявляются, прежде всего, как варьирование в написании заимствованных слов, отражающее разную степень их орфографической ассимиляции в отдельных национальных вариантах литературного языка, ср.: австр. *transchieren* – собств.нем. *tranchieren* (< франц.); австр. *Compagnon/Kompagnon* – собств.нем. *Kompagnon* (< франц.); австр. *Мосса* – собств.нем. *Mokka*; австр. *Pralinee, Praliné* – собств.нем. *Praline* (< франц.); австр. *Orangutan* – собств.нем. *Orang-Utan* (< малайск.); австр. *Happyend* – собств.нем. *Happy-End* (< англ.). Кроме того, наблюдаются различия в слитном или раздельном написании некоторых исконно немецких сочетаний, а также расхождения в правописании слов с большой или маленькой буквы, например: австр. *umsomehr, umso mehr* – собств.нем. *um so mehr*; австр. *wiesehr* – собств.нем. *wie sehr* („*sosehr*“); австр. *Dank sagen* – собств.нем. *danksagen*; австр. *punkt elf Uhr* – собств.нем. *Punkt elf Uhr*; австр. *Silberne Hochzeit* – собств.нем. *silberne Hochzeit*.

2.3. СПЕЦИФИКА ШВЕЙЦАРСКОГО ВАРИАНТА НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Швейцарский вариант немецкого литературного языка по своим структурно-нормативным особенностям отличается как от собственно немецкого, так и от австрийского вариантов. Выявляемая в нем зона неидентичности частично перекрещивается с зоной неидентичности, характерной для австрийского варианта, что объясняется наличием в Швейцарии вплоть до конца XVIII в. собственной письменной традиции, которая осуществлялась (как и в Австрии) в рамках регионального литературного языка южнонемецкого типа. Поэтому ряд лексических, лексико-семантических и грамматических особенностей швейцарского и австрийского вариантов немецкого языка совпадают. Соответствующие явления известны также носителям языка в качестве южнонемецких регионализмов (находящихся за пределами литературной нормы), например:

Heustadel, *m* – австр., швейц., ю.нем. «сеновал» („Scheune zum Aufbewahren von Heu“); Kasten, *m* – австр., швейц., ю.нем. «шкаф»; liegen, форма перфекта – австр., швейц., ю.нем. ist gelegen (собств.нем. hat gelegen). Однако в отличие от Австрии в Швейцарии многие лексические единицы южнонемецкого происхождения оказались устойчивыми и сохранились до настоящего времени, тогда как в Австрии и южнонемецком ареале они постепенно вышли из активного употребления [16, 149], ср.: Gant, *f* – швейц. «аукцион»; ganten – швейц. «продавать с аукциона»; wäg – швейц. высок. «славный, усердный, работающий» („gut, tüchtig“). Слова подобного рода немцы и австрийцы воспринимают как архаизмы [102, 23].

Архаичная окраска швейцарски маркированной лексики является одной из характерных черт рассматриваемого варианта литературного языка.

Данная черта получила убедительное объяснение в интересном исследовании С.И. Дубинина [17], где проведено сопоставление лексических особенностей национально маркированной нормы современного немецкого литературного языка в Швейцарии, представленных в работе Г. Фенске [66], и региональных отличий лексического узуса письменно-литературного языка XVI века в швейцарском ареале по материалам цюрихского словаря Й. Малера. Материалом для сопоставления послужили лексические гельвецизмы, т.е. швейцарски отмеченные слова немецкого литературного языка, неупотребительные за пределами Швейцарии, основу которых составляет лексика диалектного происхождения, и их соответствия, обнаруженные в немецко-латинском словаре Й. Малера.

В результате анализа около 1200 лексических единиц, отмеченных Г. Фенске как гельвецизмы, С.И. Дубинин установил достаточно сложное соотношение, которое представлено им в виде следующей таблицы:

Общий объем соответствий	Тождественные по значению лексемы и их соотношение			
	Общий объем	Полностью тождественные в плане содержания и выражения	Тождественные по значению, но имеющие структурные особенности	Имеющие расхождения в плане содержания
291 ед.	229 ед.	140 ед.	47 ед.	42 ед.
Итого: 24%	19%	11,2%	4,3%	3,5%

Для первой группы соответствий характерно преобладание безэквивалентной лексики (наименований швейцарских реалий), а также существительных с конкретным (предметным) значением, например, die Krätze «заплетная корзина», der Fladen «пирог», der Ziger «сыр с приправой из трав», das Grüşch «отруби», die Gemeinsame «община», die Zwehle «скатерть, полотенце». Примечательно сохранение названий профессий и имен родства типа: der Metzger «мясник», der Sigrist «пономарь», die Base «тетя», der Götti «опекун». Для глагольной лексики в группе полностью тождественных соответствий типично доминирование обозначений конкретных действий, например, beeren «давить, мять», beisen «топить», stupfen «толкать, подталкивать», strählen «причесываться». Точно определить соотношение регионализмов и слов общелитературного словарного фонда в данной группе затруднительно. Однако наблюдается преобладание лексики диалектного происхождения над гельвецизмами, имеющими лишь национально маркированную семантическую структуру, например, zünden «светить» (общенемецкое значение «зажигать»), или гельвецизмами, при образовании которых использовались элементы литературного языка (die Gemeinsame «община», die Unterweisung «конфирмация», der Fürsprech «адвокат»).

Вторая группа соответствий отличается преобладанием производных существительных с конкретным значением, при этом заметную часть составляют обозначения швейцарских реалий. Их структурные различия выразились в фонематическом или фономорфологическом варьировании, например, -e/-en: Bähre – Baeren «верша, корзинка для ловли рыбы», Benne – Bennen «тачка»; -en/-: Tramen – Tram «стропило, жердь», Gebresten – Gebrest «хроническая болезнь, телесный недуг»; -/-le: Weinbeere – Weinbeerle «изюм», Blatter – Blatterle «гнильный пузырек». В ряде случаев при общности корнеслова соответствие в словаре Й. Малера представлено в виде сложного слова: Grien – Grienstein «гравий», Sarbache – Sarbachbaum «черный тополь, осокорь». Для данной группы также характерно доминирование регионально маркированной лексики.

В третьей группе соответствий, частично тождественных в плане значения, С.И. Дубинин при сопоставлении их семантических структур устанавливает две подгруппы: 1) лексемы, значение которых в списке Г. Фенске уже значения, отмеченного Й. Малером, или тождественно одному из зафиксированных им значений; 2) лексемы, значение которых в списке Г. Фенске шире, причем значение, отмеченное Й. Малером, соответствует одному из значений, выделенных Г. Фенске как швейцарски маркированные.

Для первой подгруппы характерно преобладание существительных с конкретным значением, которое развилось в результате сужения или опредмечивания значения, приводимого Й. Малером, например, Hausmeister «владелец дома» (у Й. Малера – «хозяин, господин, владелец»), Runs «водосток на склоне горы с протекающим по нему ручейком» (у Й. Малера – «течение, русло ручья, потока»), Hurde «пóлки из реек (для хранения овощей)» (у Й. Малера – «плетень, разделительная стена между соседями, стена»). Показательно сокращение среди них доли регионализмов.

Второй, более многочисленной, подгруппе присуще преобладание регионально маркированных единиц – существительных с конкретным значением, например, Senn «управляющий хозяйством пастушеского типа, сыродел» (у Й. Малера – «пастух»), Wuhr «затвор, перемычка, дамба» (у Й. Малера – «плотина»). Впрочем, следует отметить и случаи появления национально маркированного значения в результате расширения значения слов, общепотребительных в литературном языке и зафиксированных Й. Малером: Landschreiber «руководитель канцелярии кантона, округа; нотариус, писарь» (у Й. Малера – «писец»).

Сопоставительный анализ, проведенный С.И. Дубининым, обнаружил взаимосвязь национально маркированной нормы современного немецкого литературного языка в Швейцарии с региональным лексическим узусом XVI века. Наибольшей устойчивостью обладают существительные диалектного происхождения с конкретным значением, значительную часть которых составили наименования национальных реалий.

Конкретно-историческое исследование лексического узуса швейцарской письменности донационального периода позволило выявить постепенный характер накопления в нем регионально маркированных элементов, являющихся важным интеграционным компонентом национально маркированной нормы немецкого литературного языка в современной Швейцарии. Значительную роль в этом процессе играл период XIV – XVI веков, отмеченный обособлением швейцарского локального варианта письменно-литературного языка и его регионального лексического узуса накануне распространения в Швейцарии литературного языка восточносредне-немецкого типа, в результате которого прервалась местная письменная традиция.

Впечатление «архаичности» швейцарского варианта усиливается и благодаря непосредственному взаимодействию немецкого литературного языка в Швейцарии с местными алеманскими диалектами, в результате которого происходит переинтеграция в него ря-

да диалектных элементов, имеющих глубокие исторические корни, например: *Anken, m* (двн. *anko*, свн. *anke*) – «масло» (ср. собств.нем. *Butter, f*); *Stadel, m* (двн. *stadal*, свн. *stadel*) – «сеновал»; *äufnen* (свн. *üfenen* «поднимать, повышать») – «множить, увеличивать, наращивать; расширять; накапливать» („*vermehrten*“; „*Kapital/Geld ansammeln*“: eine Sammlung, ein Kapital äufnen). Важным источником своеобразия немецкого литературного языка в Швейцарии являются заимствования из других языков, в особенности из французского, ср.: швейц. *Konfiserie, f* – собств.нем. *Konditorei*; швейц. *Konfiseur, m* – собств.нем. *Konditor*; швейц. *Camion, m* – собств.нем. *Lastkraftwagen*; швейц. *Camionnage, f* „*Beförderung der Güter von der Bahn ins Haus*“; *Salär, n* «жалованье, заработная плата» – собств.нем. *Gehalt, Lohn*. Поскольку франко-швейцарцы представляют собой наиболее многочисленную группу населения страны после немецкоязычных швейцарцев, постоянные тесные языковые контакты оказали влияние на развитие некоторых исконно немецких слов. Так, у лексемы *Tochter, f* под влиянием семантики французского слова *filles* развился швейцарски маркированный лексико-семантический вариант «девушка; барышня» („*erwachsene, unverheiratete weibliche Person, Mädchen, Fräulein, besonders als Angestellte in einer Gaststätte oder einem privaten Haushalt*“); ср. также: *Ladentochter, f* швейц. «продащица» („*Verkäuferin*“); *Saaltochter, f* швейц. «официантка» („*Kellnerin*“); *Haushalttochter, f* швейц. «прислуга, экономка».

Расхождения с собственно немецким вариантом выявляются на всех уровнях немецкого литературного языка в Швейцарии, хотя они (как и в Австрии) наиболее ярки и многочисленны в словарном составе (см. [83; 16, 151 и сл.; 21, 371 и сл.]).

На фонетическом уровне представлен прежде всего ряд швейцарски маркированных фонематических вариантов, которые основываются на различиях:

- в характере приступа гласных на стыке слогов, ср. слова типа *erinnern, beobachten*, которые в швейцарском варианте произносятся с мягким приступом, а в собственно немецком – с твердым;
- в распределении долгих и кратких гласных, ср.: *Jagd, Städte, Arzt* швейц. – с кратким гласным, собств.нем. – с долгим;
- в закрытом произношении краткого гласного *e* [e];
- в произношении префиксов *in-, vor-*, которые в Швейцарии всегда имеют долгий гласный;
- в произношении удвоенных в написании согласных (*lassen, offen, rennen*), которые в Швейцарии звучат как долгие;

– в произношении начального сочетания *sch* в иноязычных словах типа *Chemie, China, Chirurg*, где в Швейцарии допускаются варианты и с [k], и с [ç], тогда как в Австрии принят только вариант с [k], а в собственно немецком ареале – с [ç];

– в произношении начального *s* и интервокальных *ss, ß*, которые в швейцарском варианте выступают как глухие;

– в произношении суффикса *ig* как *ik*, ср.: *wichtig* – швейц. [wiçtik], собств.нем. [wiçtiç];

– в произношении согласного *v* в словах иноязычного происхождения, ср.: *Advokat* – швейц. [atfo'ka:t], собств.нем. [atvo'ka:t]; *Klavier* – швейц. [kla'fir], собств.нем. [kla'vir];

– в произношении заимствованных слов, обнаруживающих разную степень ассимиляции, ср.: *Asyl* – швейц. [...'zi:l], собств.нем. [...'zy:l]; *Pyramide* – швейц. [pi...], собств.нем. [py...].

Кроме того, на фонетическом уровне наблюдается акцентное варьирование, которое характерно в большей степени для слов иноязычного происхождения, но встречается и в исконно немецкой лексике, обнаруживающей вариативность также в собственно немецком ареале, например: *Aktiva, Aktiven, Plur.* – швейц. [ˈaktiva, ˈaktivən], собств.нем. [ak'tiva, ak'tivən]; *Defilee, n* – швейц. [ˈde:vile], собств.нем. [defi'le:]; *eigentümlich* – швейц. eigen'tümlich, собств.нем. ˈeigentümlich/eigen'tümlich; *Abteilung, f* – швейц. Ab'teilung, собств.нем. с семантической дифференциацией 1. 'Abteilung (наименование процесса по действию 'abteilen); 2. Ab'teilung в опредмеченном значении «отделение, подразделение (воен.)»; «отделение (в больнице)», «отдел (учреждения)», «секция (магазина и т.п.)». Как явствует из приведенных примеров, акцентное варьирование нередко связано с фонематическим, поскольку от ударения зависит характер слога, а, следовательно, также количественные и качественные признаки соответствующих гласных.

Для **морфологического уровня** характерно наличие значительного числа морфологических и фоморфологических вариантов, связанных с расхождениями в грамматическом роде, способах и суффиксах образования форм множественного числа существительных, в формообразовании глагола, например: собств.нем. *das Achtel* – швейц. *der Achtel* (ср. также *der Drittel, der Viertel, der Fünfigstel, der Millionstel* и т.п.); собств.нем. *der/das Liter* – швейц. *der Liter*; собств.нем. *das Foto* – швейц. *das/die Foto* (*die*, по-видимому, по аналогии с полным обозначением *Fotografie*); *Kragen, m* – мн.ч. собств.нем. *Kragen*, швейц. (а также австр. и ю.нем.) мн.ч. *Krägen*; *Crème, f* – мн.ч. собств.нем. *Cremes*, швейц. *Cremen*; *Seminar, n* –

мн.ч. собств.нем. *Seminare*, швейц. (и австр.) также *Seminarien*; *stehen* – форма перфекта собств.нем. *hat gestanden*, швейц. (а также австр. и ю.нем.) *ist gestanden*. В целом ряде случаев варьирование носит комплексный характер, поскольку расхождения в роде могут оказаться сопряженными с фонематическими и акцентными различиями, а также с различиями в формообразовании (типе склонения, суффиксах образования множественного числа) и иногда сопровождаются семантической дифференциацией, например: собств.нем. *das, der Hektar/Hektar*, швейц. *die Hektare* – мн.ч. собств.нем. *Hektare*, при числительных без суффикса мн.ч. (5 *Hektar*), швейц. *die Hektaren*, также при числительных (5 *Hektaren*); *Rest* – мн.ч. *Reste*; в лексико-семантическом варианте торг. «мерный лоскут» („*letztes Stück von einer Meterware*“) – мн.ч. собств.нем. *Reste/Resten*, швейц. *Resten*.

На синтаксическом уровне явления дивергентности сравнительно незначительны. Различия проявляются здесь в сфере глагольного управления, в употреблении предлогов и предложных словосочетаний, в наличии некоторых конструкций, неизвестных в собственно немецком варианте литературного языка, ср.: швейц. (также австр. и ю.нем.) *denken auf (Akk.)* – собств.нем. *denken an (Akk.)*; швейц. *sich erkundigen um (Akk.)* – собств.нем. *sich erkundigen nach (Dat.)/über (Akk.)*; швейц. *ob (Dat.)* (предлог в локальном значении, напр.: *ob dem Podium*) – собств.нем. *über (Dat.)* (предлог *ob* в локальном значении для собственно немецкого варианта является архаизмом); швейц. *zum vorneherein* („*von Anfang an*“) – собств.нем. *von vorn(e)herein*, австр. *im vorn(e)herein*; швейц. *sein Unglück beenden mich „geht mir nahe, stimmt mich traurig“*.

Словарному составу свойственны особенно яркие и многочисленные особенности немецкого литературного языка в Швейцарии. Здесь выделяется прежде всего обширный пласт швейцарски маркированных гетеронимов, являющихся лексико-семантическими аналогами соответствующих слов собственно немецкого варианта литературного языка, ср.: швейц. *Schotte, f* – собств.нем. *Molke, f*; швейц. *Weidling, m* – собств.нем. *Boot, m*; швейц. *Nidel, m* или *f* – собств.нем. *Rahm, m, Sahne, f*; швейц. *Tanse, f* – собств.нем. *Rückentragkorb, m*; швейц. *bodigen* – собств.нем. 1. *bezingen, besiegen* (die *gegnerische Mannschaft bodigen*); 2. *bewältigen* (sein *Arbeitspensum bodigen*); швейц. *urchig* – собств.нем. *urwüchsig, echt*; швейц. *Jupe [jy:p], f/m* (< франц.) – собств.нем. *Damenrock, m*. В некоторых случаях гетеронимия сопровождается синтаксическим варьированием, например: собств.нем. *anrufen (Akk.)* «позвонить (кому-либо по телефону)» – швейц. *anläuten (Dat.)* (dem *Vater anläuten*).

Среди гельвецизмов в лексике большой удельный вес принадлежит лексико-семантическим дивергентам. Так, семантическая структура общенемецкой лексемы *Kleid*, *n* включает швейцарски маркированный лексико-семантический вариант «(мужской) костюм». Слово *Estrich*, *m* наряду с общим для всех разновидностей немецкого литературного языка лексико-семантическим вариантом «каменный пол, настил» („fugenloser Fußboden, Unterboden aus einer erhärteten Masse, insbesondere Zement“) имеет в Швейцарии лексико-семантический вариант «чердак, чердачное помещение». К лексико-семантическим дивергентам, характеризующимся швейцарской маркированностью, относятся также *Schmutz*, *m* «жир, сало» („Fett, Schmalz“, например: die Gans hat viel Schmutz, den Schmutz von der Brühe abschöpfen); *Umschwung*, *m* «участок вокруг дома» („zum Haus gehörendes umgebendes Land“); *Abdankung*, *f* «траурная церемония» („Trauerfeier“); *Quartier*, *n* «жилой квартал» („Viertel“: in einem vornehmen Quartier wohnen); *harzen* «с трудом продвигаться, затыгиваться, заstopориться» („schwer, schleppend vorstatten gehen“: die Verhandlungen harzen; es harzt mit dem Bau der Autobahn); *harzig* «трудный, затянувшийся» („schwierig, langwierig“: harzige Verhandlungen), «замедленный, вялый» („zähflüssig, schleppend“: harziger Rückreiseverkehr); *rüsten* «чистить, перебирать, подвергать предварительной обработке» („putzen, vorbereiten“: Gemüse/Salat/Spinat rüsten); *hausen* «хорошо вести хозяйство; экономить» („gut haushalten; sparen“) и многие другие.

В общей лексической макросистеме немецкого литературного языка лексико-семантические дивергенты могут выступать как омонимы, ср. общенем. *Mahd*, *f* -, -en 1. «косьба» („das Mähen“); 2. «укос», «скошенная трава и т.п.» („das gemähte Gras oder ähnliches“) – швейц. (также австр.) *Mahd*, *n* -(e)s, *Mähder* «альпийский луг» („Bergwiese“).

Богато представлена в швейцарском варианте литературного языка безэквивалентная лексика – гельвецизмы, обозначающие специфические для страны реалии. Слова этого пласта отражают административное устройство Швейцарии, охватывают названия должностей, денежных единиц, характеризуют традиционный уклад жизни, повседневный быт швейцарцев, своеобразие местных продуктов питания, например: *Eidgenosse*, *m* «швейцарец, гражданин Швейцарии»; мн.ч. *die Eidgenossen* «национальная сборная Швейцарии» (б.ч. о футбольной команде); *Landammann*, *m* «глава правительства определенных кантонов в Швейцарии»; *Landschreiber*, *m* «заведующий окружной канцелярией»; *Rappen*, *m* «раппен, швейцарский сантим» (мелкая денежная единица); *Juchart*, *Juchar-*

te, *f* «иох, югер» (старинная мера площади, еще принятая в Швейцарии и Австрии – от 0,30 до 0,55 га); Znüni, *m, n* «второй завтрак» („Imbiß am Vormittag, zweites Frühstück“); Zvieri *m, n* «полдник» („Nachmittagsimbiß“); Rösti, *f* «нарезанный соломкой или натертый на терке и затем обжаренный картофель в мундире»; Schübling, *m* ≡ «охотничья колбаска» („geräuchertes langes Würstchen aus Rindfleisch und Schweinefleisch mit Speckstückchen“); Sbrinz, *m* «твердый швейцарский сыр с мелкими дырочками» (сорт сыра, названный по городу Brienz в кантоне Берн); wimmen «собирать виноград» („Trauben lesen“).

Значительным своеобразием отличается фразеологический фонд немецкого литературного языка в Швейцарии, включающий ряд безэквивалентных устойчивых словесных комплексов, возникновение которых обусловлено материальной, социальной и культурной историей данной страны, народными обычаями и традициями. В частности, фразеологизмы mit jemandem in die Hosen müssen „sich mit jemandem im Kampf messen müssen“ (например: er mußte mit seinem Freund in die Hosen «ему пришлось померяться силами со своим другом»), in die Hosen steigen „sich zum Kampf bereit machen“ («приготовиться к борьбе») своим возникновением обязаны одному из видов традиционной народной борьбы – „Schwingen“, при которой противника схватывают правой рукой за пояс, а левой за закатанную штанину специальных широких штанов и пытаются повалить его на землю. Идиоматическое выражение in die Kränze kommen «увенчаться успехом; получить награду» („erfolgreich sein; ausgezeichnet werden“) имеет в своем составе общенемецкую лексему Kranz в швейцарски маркированном лексико-семантическом варианте («почетный) приз; первое, второе или третье место (на каких-либо соревнованиях)».

Оборот ins Leid laden «пригласить на поминальный обед (на поминки)» („zum Leichenschmaus einladen“) отмечен как гельвецизм благодаря наличию лексико-семантического дивергента Leid, *n* – швейц. «похороны» („Begräbnis“), «траурная одежда, траур» („Trauerkleidung“). Компонент laden в используемом здесь лексико-семантическом варианте характеризуется в общенемецком высокой стилистической окраской.

В швейцарском варианте литературного языка выделяются устойчивые сочетания, опорным компонентом которых являются древние слова, в других вариантах вышедшие из употребления или превратившиеся в архаизмы. Например, фразеологические единицы keinen Wank tun 1. «не шевельнуться, не двинуться с места» („sich nicht rühren“); 2. «не собираться что-либо предпринять», ≡ «не

пошевелить и пальцем» („keine Anstalten machen, etwas zu tun“) и einen Wank tun «предпринять, сделать что-либо» („etwas unternehmen, tun“) включают лексему Wank, *m*, восходящую к двн., свн. wanc „Schwanken, Zweifel“, которая за пределами Швейцарии встречается лишь в архаичном обороте ohne/sonder Wank «без колебаний» („ohne zu schwanken, fest, sicher“).

На словообразовательном уровне в швейцарском варианте литературного языка наблюдаются разнообразные виды варьирования, аналогичные тем, которые были охарактеризованы выше при рассмотрении особенностей национального варианта немецкого литературного языка в Австрии. В сфере словосложения представлены швейцарски маркированные композитные вариации (швейц. Badzimmer – собств.нем. Badezimmer), мотивационные варианты (швейц. Kohlhaupt – собств.нем. Kohlkopf; швейц. Roßhirt – собств.нем. Pferdehirt), номинационные варианты (швейц. Nastuch – собств.нем. Taschentuch; швейц. Bettanzug – собств.нем. Bettwäsche). Сходные типы вариантов выделяются и в словопроизводстве, где имеются деривационные вариации (швейц. Zuzüger – собств.нем. Zuzügler; швейц. Kommanditär – собств.нем. Kommanditist эк. «командитист, ограниченно ответственный вкладчик командитного товарищества»), мотивационные варианты (швейц. verunfallen – собств.нем. verunglücken «пострадать от несчастного случая, попасть в аварию») и номинационные варианты (швейц. юр. verfallen – собств.нем. verurteilen «вынести приговор, присудить кого-либо к чему-либо»).

Словообразовательный материал хорошо показывает, что разновидности полинационального литературного языка по своей лингвистической сущности являются вариантными реализациями общих системных потенций. Кроме того, различия между вариантами немецкого литературного языка в сфере словообразования основываются и на том, что реализация общих системных потенций в них может по-разному регулироваться существующей нормой. Так, представленные в собственно немецком и австрийском вариантах отглагольные имена действия (*nomina actionis*) женского рода на -ung Unterbrechung, Untersuchung в плане реализации общих потенций системы немецкого языка были бы вполне допустимы и в швейцарском варианте, где имеются соответствующие глаголы и словообразовательная модель BV + ung. Однако в последнем они отсутствуют, а вместо них употребляются признанные в Швейцарии нормой безаффиксные образования мужского рода с чередованием по аблауту или без него Unterbruch (от основы глагола unterbrechen), Untersuch (от основы глагола untersuchen). Значительное

количество отглагольных производных подобного рода составляет одну из характерных черт швейцарского варианта немецкого литературного языка, ср.: швейц. *der Beschrieb*, *m* – собств.нем. *Beschreibung*, *f*; швейц. *Vorhalt*, *m* – собств.нем. *Vorhaltung*, *f*; швейц. *Vorkehr*, *f* – собств.нем. *Vorkehrung*, *f*. Безаффиксные образования (с чередованием по аблауту или без него) в швейцарском варианте нередко соответствуют субстантивированному инфинитиву в собственно немецком, например: швейц. *Auslad*, *m* – собств.нем. *Ausladen*, *n*; швейц. *Hinschied*, *m* – собств.нем. *Hinscheiden*, *n* высок. «кончина, смерть, уход из жизни». Швейцарски маркированные словообразовательные аналоги однотипных (в плане структурной модели) производных слов в собственно немецком варианте нередко восходят к одной и той же основе, но по модели, которая для собственно немецкого варианта литературного языка утратила свою продуктивность, например: швейц. *Finstere*, *f* – собств.нем. *Finsternis*, *f*; швейц. *Bauernsame*, *f* – собств.нем. *Bauernschaft*, *f*, швейц. *Tranksame*, *f* – собств.нем. *Getränk*, *n*.

Одну из наиболее ярких специфических для Швейцарии особенностей литературного языка составляет наличие безэквивалентных по своей словообразовательной структуре производных и сложных слов. Среди них в первую очередь выделяется группа существительных мужского и женского рода с суффиксом *-et/-ete*, имеющих глубокие исторические корни в алеманском диалектном ареале, например: *Ausschwinget*, *m* – спорт. «финальная (решающая) схватка в особом швейцарском виде борьбы» (в собственно немецком варианте передается словосочетанием: *Endkampf, Entscheidungskampf im Schwingen*), *Blühet*, *m* – «цветение плодовых деревьев, пора цветения плодовых деревьев» (в собственно немецком варианте передается словосочетанием или сложным словом: *Zeit der Baumblüte, Baumblüte*), *Heuet*, *m, f* – 1. «сенокос, уборка сена»; 2. «собранный урожай сена; скошенное сено, укос» (в собственно немецком варианте передается сложным словом *Heuernte*); *Wimmet*, *m* – «сбор винограда» (собств.нем. *Weinlese*); *Putzete*, *f* – «генеральная уборка» (собств.нем. *Großreinemachen, Hausputz*); *Metzgete*, *f* – 1. «праздник по случаю убоя свиней (в крестьянском доме)»; 2. кул. «свиное ассорти (блюдо со свежей колбасой и свежей вареной свиной)» (собств.нем. 1. *Schlachtfest*; 2. *Schlachtplatte*).

Безэквивалентные производные образуют довольно обширный пласт и в глагольной лексике, например: *scheiten* „Holz spalten“; *tischen* „den Tisch für das Essen vorbereiten, decken“; *förscheln* „vorsichtig forschen; jemanden aushorchen“; *präbeln* „allerlei (erfolglose) Versuche anstellen“; *höfeln* „jemandem schöntun, schmeicheln, den Hof machen“;

80

erdauern „gründlich prüfen“; ersorgen „mit Sorge erwarten“ (jemandes Heimkehr ersorgen); vergaben „schenken, vermachen“.

В ряде случаев в собственно немецком не имеет непосредственного структурного соответствия лишь определенный лексико-семантический вариант производного глагола. В частности, непереходный глагол köcheln в лексико-семантическом варианте «вариться на слабом огне» („von einer Speise – auf schwachem Feuer leicht kochen“, например: die Soße muß zwei Stunden köcheln) является общенемецким. Однако лексико-семантический вариант köcheln шутил. «готовить (пищу)» (например: sonntags köchelt er gern) отличается швейцарской маркированностью. Ср. также: verdanken 1. общенем. «быть обязанным кому-либо чем-либо; быть признательным кому-либо за что-либо» и 2. швейц., австр. «благодарить кого-либо за что-либо» („jemandem für etwas danken“).

Среди прилагательных также представлены образования, которые не имеют непосредственного структурного эквивалента, включающего ту же основу, в собственно немецком ареале, ср.: hablich „wohlhabend“ (ein hablicher Bauer); „stattlich“ (ein hablicher Bau); fehlbar 1. „(einer Übertretung oder ähnliches) schuldig“; 2. „kränklich“; lärmig „laut, lärmend“.

Как это частично явствует из приведенных выше примеров, наблюдаются расхождения в инвентаре словообразовательных аффиксов. В швейцарском варианте литературного языка используются суффиксы существительных -same, -et/-ete, нехарактерные для собственно немецкого и австрийского вариантов. Одним из наиболее ярких, специфических для швейцарского варианта словообразовательных аффиксов является уменьшительно-ласкательный суффикс -li. Функции данного суффикса аналогичны функциям характерных для австрийского ареала диминутивных суффиксов -l/-el/-erl.

В семантической структуре швейцарского суффикса -li можно выделить те же функционально-семантические варианты (ФСВ), что и у австрийского диминутивного суффикса, а именно: 1) ФСВ со значением уменьшительности (Hockerli, *n* – ein kleiner Hocker); 2) ФСВ со значением ласкательности, симпатии, привязанности (Schätzli, *n* – от Schatz, „Geliebte [r], Freund [in]; geliebter Mensch, besonders Kind“); 3) ФСВ со значением пейоративности, пренебрежительности, фамильярности (Döckerli, *n* – ср. русск. «докторишка»); 4) ФСВ со значением положительного эмоционального отношения (Rippli, *n* – «жаркое из свиной грудинки»; Blüslü, *n*; Nachttischli, *n*). Как и соответствующие образования в Австрии, швейцарские диминутивы на -li особенно частотны в устной разговорной речи, откуда

они проникают в литературный язык. Иногда такие производные слова подвергаются лексикализации и утрачивают словообразовательную соотнесенность с производящей основой, ср.: швейц. *Stöckli, n* („das Altenteil“) – «выдел старику [старухе] (отцу, матери)»; *Leckerli, n* – «нарезанная небольшими прямоугольными кусками медовая коврижка». Интересный типично швейцарский неологизм, свидетельствующий о наличии у швейцарского варианта немецкого языка некоторой собственной динамики, приводит П. Кюн [88, 533]: *Tonbändeli – Maschinli, n* „Tonbandgerät“.

В ряде случаев несколько различается удельный вес определенных функционально-семантических вариантов в семантической структуре общенемецкого суффикса. Так, в Швейцарии довольно частотны производные с суффиксом существительных *-erei*, объединяемые общим значением регулярной производственной деятельности, продолжительного занятия чем-либо, причем они не сопровождаются коннотацией неодобрения, осуждения, а носят нейтральный характер, например: *Ausstellerei, f* «выставочное дело»; *Filmerei, f* «кинопроизводство, киносъемки»; *Kocherei, f* «варка [приготовление] пищи»; *Zahlerei, f* «подсчеты, составление счета (официантом в ресторане)»; *Einseiferei, f* «намыливание». Более широк в швейцарском варианте литературного языка круг производных с суффиксом *-schaft*, имеющих собирательное значение, ср.: *Dorfschaft, f* „Dorf, dörfliche Ortschaft“; *die Talschaft 1. „Gesamtheit der Bewohner eines Tales“; 2. reorp. „(in den Alpen und anderen Hochgebirgen) Tal in seiner Gesamtheit (mit seinen Nebentälern)“; Täterschaft, f* „Gesamtheit der an einer Straftat beteiligten Täter“ (наряду с общенемецким лексико-семантическим вариантом „Tätersein“, *n* – «виновность в совершении преступления», «причастность к преступлению»).

На орфографическом уровне число дивергентных явлений сравнительно невелико. Варьирование охватывает здесь преимущественно иноязычные заимствования, причем орфографические варианты отражают разную степень адаптации заимствованных слов в немецкоязычных странах, ср.: общенем. *Scheck* – швейц. также *Check*; собств.нем. *Furage* – швейц. *Fourage*; общенем. *Büfett* – швейц. также *Büffet, Buffet*. Представлены орфографические варианты, основывающиеся на расхождениях в написании слов с большой или маленькой буквы, например: собств.нем. *Punkt elf Uhr* – швейц. *punkt elf Uhr*.

ГЛАВА III

ИСТОКИ И СУДЬБЫ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ДОНАЦИОНАЛЬНУЮ ЭПОХУ

3.1. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Немецкий литературный язык имеет многовековую историю, в которой выделяются отдельные этапы, обусловленные особенностями общественно-экономического и политического развития, культурной и языковой ситуациями, потребностями общения в соответствующий период времени. На каждом из них разными были статус и характер литературного языка, количественный состав присущих ему релевантных признаков и степень их выраженности, соотношение с другими формами существования в функциональной парадигме немецкого языка в целом. Несмотря на имеющиеся между ними существенные различия, все эти этапы связаны между собой отношениями преемственности, поскольку без предшествующей ступени не были бы возможны и последующие.

Начальный этап письменно засвидетельствованной истории немецкого литературного языка (750 – 1050 гг.) соотносится с периодом раннего феодализма в Германии. На протяжении этого периода происходит медленная консолидация группы близкородственных германских племен – франков, алеманов, баваров, лангобардов, тюрингов, а позднее и саксов в немецкую народность (подробнее см. [12, 10 и сл.]). Некоторые исследователи полагают, что в состав немецкой народности частично влились и фризы [113, 55]. Постепенно складывается язык этой формирующейся народности, центральный массив которого составляла совокупность более или менее интенсивно взаимодействующих друг с другом близкородственных территориальных диалектов. Эти диалекты генетически развились на базе более древних племенных диалектов в результате постепенного преобразования последних в рамках определенной феодальной территории за счет накопления в них местных особенностей. Генетическая связь территориальных диалектов с племенными, а также их соотношенность с конкретными феодальными территориями нашли свое отражение в их названиях, ср.: двн. *frenkisc* «франкский» – *Franko* «франк», *ze Frankôn* «во Франконии» (буквально – «у франков»).

Немецкие территориальные диалекты издревле членились на два больших ареала, которые начали складываться уже в допись-

менный период: верхненемецкий (hochdeutsch) и нижненемецкий (niederdeutsch). Критерием их разграничения является степень участия во втором верхненемецком передвижении согласных. К верхненемецкому ареалу, в свою очередь подразделяющемуся на два субареала: южнонемецкий (oberdeutsch) и средненемецкий (mitteldeutsch), принадлежали диалекты, которые (соответственно) полностью или частично провели второе верхненемецкое передвижение согласных. К нижненемецкому ареалу относятся диалекты, не принимавшие участия во втором передвижении согласных, в силу чего передвинутые согласные представлены в нем лишь спорадически. Это ареальное деление сохраняет свою значимость для всех периодов истории немецкого языка, поскольку с течением времени изменялся и расширялся лишь конкретный состав диалектов внутри названных ареалов.

Южнонемецкий субареал включал следующие древненемецкие диалекты: баварский (Аугсбург, Фрайзинг, Вессобрунн, Тегернзе, Бенедиктбойерн, Регенсбург, Пассау, Зальцбург, Мондзэ); алеманский (Страсбург, Мурбах, Райхенау, Сентгаллен), верхнефранкский (oberdeutsches Fränkisch) с двумя разновидностями внутри него – южно(рейнско)франкским (Вайссенбург) и восточнофранкским (Фульда, Вюрцбург, Бамберг, Эберсберг).

Средненемецкий субареал охватывал диалекты: среднефранкский (Кёльн, Эктернах, Трир), внутри которого позднее стали выделять рипуарские и мозельские говоры; рейнскофранкский (Майнц, Франкфурт, Лорш, Вормс, Шпайер); тюрингенский.

Нижненемецкий ареал составляли нижнефранкский и нижнесаксонский диалекты.

Процесс интеграции древненемецких диалектов протекал как взаимодействие и взаимовлияние в первую очередь франкских и верхненемецких наречий [51, 81 и сл.]. Шт. Зондерэггер характеризует франкские диалекты как центр излучения основных инноваций в системе вокализма и как ландшафт, открытый для восприятия идущих с юга инноваций в системе консонантизма [117, 63]. Верхненемецкие диалекты, напротив, являясь центром излучения инноваций в системе консонантизма, были открыты для вокалических изменений, излучаемых франкским наречием.

Активно участвовали в процессе интеграции баварский и, в особенности, франкские диалекты, что в социолингвистическом плане может быть объяснено ведущей политической и культурной ролью франков в рассматриваемый период. Не случайно франкские наречия были, начиная с VIII и IX вв., и центром излучения в распространении правовой лексики. Излучаемые с франкской территории

лексические инновации в указанной сфере, например: *urteil* «суд», *urteilen* «вершить суд, судить», *urteil* «судья» как эквиваленты лат. *iudicium*, *iudicare*, *iudex* постепенно вытесняют более древнее *tuom* «приговор, решение суда», в нем. *suona*, *suana* «суд», *sōneo*, *suanâri* «судья» [117, 255]. Существенное значение имело центральное географическое положение франкских диалектов, представляющих собой связующее звено между всеми немецкими языковыми ландшафтами [51, 83 и сл.]. Алеманский и нижнесаксонский диалекты по большей части оставались пассивными. Языковая консервативность алеманского диалекта являлась, по-видимому, следствием дробного внутреннего членения и политической разобщенности соответствующего региона [51, 84; 72, 64].

Устойчивость нижнесаксонского по отношению к инновациям, идущим с юга (в том числе, и явлениям второго верхненемецкого передвижения согласных), была обусловлена многолетним сопротивлением саксов включению их земель в состав империи Каролингов, стремлением сохранить свою языковую самобытность, благодаря чему нижнесаксонский лишь к концу древнего периода, подвергнувшись франкскому влиянию, вошел в диасистему территориальных диалектов немецкого языка [96, 59].

По мере консолидации немецкой народности, преобразования некогда племенных диалектов в территориальные и их постепенного сращения в новое единство у ее представителей крепнет самосознание своей этнической общности, что объективно находит отражение во все более широком употреблении к концу древнего периода при характеристике языка немецкой народности прилагательного двн. *diutisc* (нвн. *deutsch*). История этого обозначения привлекала внимание многих исследователей (см. [72, 80 и сл.; 12, 12 и сл.]). Этимологически данное наименование восходит к общегерм. **þeudō*, ср. готск. *þiuda*, д.сакс. *thioda*, двн. *deota*, *diot*, д.англ. *ðeod*, д.исл. *þjóð* «народ, племя». От этой основы при помощи суффикса *-isk*, указывавшего на принадлежность к чему-либо, на происхождение, было образовано прилагательное **þeudisk*, **þeodisk* «принадлежащий к (нашему) народу», которое появилось около 700 года или в VIII в. на западной языковой границе [117, 31 и сл.]. Письменно засвидетельствовано данное слово впервые в 786 г. в латинизированной форме *theodiskus* в тексте на среднелатинском языке, где речь шла о том, чтобы решения синода были зачитаны *tam latine quam theodisce* «как на латинском языке, так и на народном» и, таким образом, местное германское наречие противопоставлялось латыни. Употребление латинизированной формы *theodiscus* было особенно характерно для окружения Карла Великого. Устойчивое словосоче-

тание среднелат. *theodisca lingua* (788 г.) в империи Каролингов служило официальным наименованием народного древнефранкского наречия. В письменности на немецком языке оно было длительное время неупотребительным. После выделения Восточно-франкского королевства (843 – 911 гг.), т.е. будущей Германии, новое наименование все более утверждается на территории распространения немецкого языка, причем во второй половине IX в. отмечены контаминированные формы, имеющие верхненемецкую огласовку, но латинское окончание, ср. у Отфрида Вайссенбургского (60-е г. IX в.) *theotisce* «на народном языке». Собственно немецкая форма рассматриваемого прилагательного появилась лишь 200 лет спустя после среднелатинской у Ноткера Немецкого (около 1000 г.), который неоднократно употребляет оборот *in diutiscun* «по-немецки». Примечательно при этом, что Ноткер включает данный оборот в немецкий текст как обозначение некоего языкового единства, противопоставляемого другим языкам – греческому и латинскому [12, 14]. Если Отфрид в прологе к своей «Евангельской гармонии» (60-е г. IX в.) и в заголовке на латинском языке несколько раз повторяет слово *theotisce*, то в немецком тексте самой поэмы это обозначение отсутствует. Противопоставляя свой родной язык латыни, автор использует здесь прилагательное *frenkisk* «франкский» или оборот *in frénkisgon* «по-франкски» (I 1, 125) и словосочетание *in frénkisga zûngûn* «на франкском языке» (I 1, 114), т.е. название наречия того ареала, в котором он жил, а не наименование языка немецкой народности. В отличие от Отфрида, Ноткер, характеризуя язык своих переводов, не называет его алеманским в соответствии с тем ареалом, в котором находилось место его деятельности – Сентгалленский монастырь. В понимании Ноткера *diutisk* – язык одного народа, независимо от того ареала, в котором он функционировал [11, 14]. В последующие десятилетия *diutisk* закрепляется в значении «немецкий», а с началом средненемецкого периода (1050 – 1350 г.г.) становится общеупотребительным при обозначении не только народа, но и страны, а также ее жителей. Впервые подобное употребление слова свн. *diutisch* (< двн. *diutisk*) зафиксировано в поэтическом памятнике исторического содержания «Песнь о епископе Анно» (предположительно около 1080 г. или до 1110 г.): *die dir Diutschin sprechin* (V.316) «те, что говорят по-немецки»; *Diutschiu lant* (V.274) Германия (буквально «Немецкие земли»); *Diutschiu liute* (V.474), *Diutschî man* (V.479) «немцы».

Осознанию языковой общности в немалой степени способствовало и то, что возникает письменность на немецком языке. В этот период благодаря распространению христианства и появлению

письменности наряду с исходной первичной формой существования языка немецкой народности – территориальными диалектами, которые служили средством устного общения как широких масс крестьян, так и феодалов, развивается новая форма существования – литературный язык, наиболее ярко выраженными признаками которого в то время были известная обработанность и элементы сознательного отбора языковых единиц. Носителями этой формы существования были ученые монахи, сведущие в письме и чтении, по большей части представители феодального дворянства [113, 55], причем использовался немецкий литературный язык преимущественно как средство письменной коммуникации. Кроме того, данная форма существования была ареально дифференцирована, функционируя в виде совокупности (диасистемы) коррелирующих друг с другом и взаимодействующих территориальных вариантов письменно-литературного языка. Каждый из этих вариантов возникал на базе соответствующего диалекта, о чем свидетельствует четкая ареальная соотнесенность большинства памятников древневерхненемецкой письменности. Так, «Татиан» и «Виллирам» связаны с восточнофранкским диалектным ареалом, «Песнь о Людвиге» – с рейнскофранкским, «Евангельская гармония» Отфрида – с южнорейнскофранкским, переводы Ноткера Немецкого – с алеманским, «Муспилли» – с баварским и т.п. Благодаря этой своей особенности древненемецкие письменные памятники длительное время рассматривались как памятники на диалектах, о чем свидетельствуют применяемые при их характеристике и при описании древнего периода истории немецкого языка традиционные термины *Schriftdeutsch*, *Schreibdeutsch*, реже *Schreibidom*. В последнее время подобная точка зрения в основном преодолена [12, 46], однако названные термины продолжают бытовать в специальной литературе, хотя они явно неточны и могут способствовать созданию у неискушенного читателя представления о том, что язык письменных памятников был тождествен территориальному диалекту как средству устного общения в соответствующем ареале. Более удачен термин *Schreibsprache*, употребляемый Шт. Зондерэггером. Шт. Зондерэггер трактует древневерхненемецкий как древнейшую письменно засвидетельствованную ступень немецкого языка, которая представлена с VIII в. и примерно до конца XI в. различными письменными языками (*Schreibsprachen*), связанными с определенными монастырями и ареально разграничиваемыми. Они частично смешаны друг с другом, но графематически неоднородны и не обнаруживают единства [117, 267]. Й. Шильдт характеризует рассматриваемую форму существования в древний период развития не-

мецкого языка как литературные языки (*Literatursprachen*) [113, 58]. Важными для первого и для второго терминов является содержащееся в них указание на нетождественность языка древнемецкой письменности территориальным диалектам.

В настоящей работе с целью подчеркнуть ареальную дифференцированность литературного языка в рассматриваемый период и его письменный характер используется термин «территориальный вариант письменно-литературного языка».

Территориальные варианты письменно-литературного языка далеко не были тождественны тем местным диалектам, которые лежали в их основе, характеризуясь известным отрывом от них, определенной надтерриториальностью. Последняя проявлялась; прежде всего, в том, что письменно-литературный язык, возникший на базе определенного территориального диалекта, мог использоваться в центрах письменности (монастырских школах и скрипториях) с совершенно иным диалектным окружением. Так, в частности, один из крупнейших центров письменности – Фульдский монастырь был расположен в области распространения рейнскофранкского диалекта. Однако большая часть созданных здесь текстов написана на восточнофранкском варианте письменно-литературного языка. Эберсбергский монастырь находился в верхнебаварском ареале, однако его настоятель – франк Виллирам (1048 – 1085 гг.) – писал в соответствии со своим происхождением и воспринятой им языковой традицией по-восточнофранкски [117, 54]. На протяжении древнего периода нередки случаи перехода определенного центра письменности от одного территориального варианта письменно-литературного языка к другому, что было обусловлено рядом экстралингвистических факторов: изменениями в личном составе монастырского клира, перемещением писцов из одного скриптория в другой, сменой сложившихся письменных традиций, стремлением следовать письменным традициям и образцу наиболее авторитетных скрипториев и т.п. Особенно многообразна была ситуация в Фульдском монастыре, который, получив в 776 г. разрешение на создание собственного скриптория, следовал в VIII в. сначала древнебаварской письменной традиции, затем с конца VIII в. и, в особенности, в IX в. пользовался восточнофранкским вариантом письменно-литературного языка, а позднее (в соответствии со своим диалектным окружением) – рейнскофранкским. Между территориальными вариантами письменно-литературного языка прослеживается в своих начальных проявлениях тенденция к языковому выравниванию. Особенно заметно языковое влияние, оказываемое монастырями на их филиалы (например, Райхенау и

Мурбах), на своих непосредственных соседей (например, Райхенау и Сентгаллен), в процессе взаимообмена (ср. языковое излучение Фульдского монастыря в IX в.) [117, 54]. Возможно, что рейнско-франкский территориальный вариант письменно-литературного языка пользовался престижностью или рассматривался как образец для подражания, поскольку он был принят при дворе Карла Великого, где были собраны представители феодального дворянства, происходившие из разных германских племен. Эта гипотеза позволяет объяснить языковое влияние франкского на верхненемецкий, в частности, на алеманский [51, 108; 113, 57].

Однако тенденция к языковому выравниванию не была еще достаточно действенной, а ее отдельные проявления были кратковременны [113, 59]. Наличие древневерхненемецких письменных памятников смешанного характера, как правило, не является следствием языкового выравнивания, но зачастую обусловлено процессом изготовления рукописных копий. При переписывании или списывании памятники могли транспонироваться в другой вариант письменно-литературного языка. К началу X в. относится переложение южнорейнскофранкской «Евангельской гармонии» Отфрида (860/870 гг.) на баварский вариант письменно-литературного языка. При этом доминируют языковые признаки баварского ареала со следами южнорейнскофранкских особенностей. Примером равномерного смешения признаков двух ареалов является алеманская копия южнорейнскофранкского оригинала стихотворения «Христос и самаритянка» (X в.). Представлены памятники, обнаруживающие сочетание признаков древневерхненемецких диалектов с германскими языковыми особенностями за пределами названного ареала. Так, «Песнь о Гильдебранде» (810 – 820 гг.) сохранилась в фульдской копии, изготовленной с баварского оригинала, с эпизодическими, частью неправильными или гиперкорректными древнесаксонскими вкраплениями [117, 55]. Письменные традиции, постепенно складывающиеся в монастырских школах и скрипториях, способствовали все большему отдалению письменного языка от устной диалектной речи, живое развитие которой не сдерживалось четкими правилами [84, 110]. О наличии расхождений между письменно-литературным языком с его традициями и устной повседневной речью свидетельствуют некоторые древние разговорники. Яркий материал содержит «Парижский разговорник» X в., который был составлен и записан в старофранцузской орфографии представителем романской народности для своих соотечественников, путешествующих по Германии, например: *Gimer cherize „Gib mir eine Kerze“* (цитировано по Г. Эггерсу: [59, 234]). Форма *gimer*, записан-

ная, очевидно, по слуху, отчетливо отражает характерное для устной речи слияние слабударного или безударного местоимения с предшествующим словом, а также переход *b* в *m* в результате ассимиляции. В письменно-литературных текстах ей противостоит форма *gib mir*.

Особенно важное значение для процесса обособления новой формы существования языка от диалектов имело постепенное накопление в ней структурных особенностей разных уровней, свойственных только литературному языку [12, 46]. Образование наддиалектного пласта структурных инноваций в литературном языке VIII – XI вв. было в значительной мере обусловлено тем, что мощным исходным стимулом к созданию немецкой письменности послужило стремление сделать ее средством распространения христианства среди носителей бесписьменных диалектов, не знавших ни греческого языка, ни латыни [12, 16]. Поэтому большинство древненемецких письменных памятников представляет собой переводы либо обработку латинских оригиналов преимущественно духовного или философско-теологического содержания (подробнее об основных памятниках древнего периода см. [12, 27 и сл.]). Поскольку территориальные диалекты как средство повседневного устного общения не располагали достаточно полным инвентарем языковых средств, необходимых для осуществления подобных переводов, развитие немецкого литературного языка на начальном этапе протекало в условиях постоянного взаимодействия и конфронтации с латынью. Формирование наддиалектного пласта структурных единиц и явлений было результатом трехвекового экспериментирования древненемецких переводчиков с родным языком [117, 35], которое включало попытки приспособить латинский алфавит для передачи на письме звуковых систем разных диалектных ареалов, мобилизовать уже имеющиеся в родном языке лексические и словообразовательные ресурсы с целью по возможности наиболее адекватного перевода латинских текстов, воспользоваться разного рода заимствованиями из латыни.

Наиболее наглядно наличие наддиалектного пласта прослеживается в сфере лексики, где под влиянием латыни в древний период произошли существенные количественные и качественные изменения, способствовавшие обогащению словарного состава немецкого языка. Названный пласт наряду с лексикой, которая была заимствована уже в дописьменный период, включал прямые заимствования из средневековой и церковной латыни, связанные с появлением и развитием письменности. Хотя посредниками в распространении этих заимствований были монастырские скрипто-

рии и школы, они отнюдь не ограничивались собственно церковными словами, но принадлежали к разнообразным тематическим группам, ср.: двн. *abbat, m* «настоятель монастыря» (новонем. *Abt*) < церклат. *abbātem* (винит. от *abbāt*); двн. *tincta, f* «чернила» (новонем. *Tinte*) < среднелат. *tincta (aqua)* «подкрашенная (жидкость)»; двн. *fogāt, m* «управляющий, смотритель», ист. «фогт», «фохт» (новонем. *Vogt*) < среднелат. *(ad) vocātus*; двн. *arzāt* «лекарь», «врач» (новонем. *Arzt*) < позднелат. *archiāter* (последнее в свою очередь было заимствовано из греч. *arch-iātros* «главный лекарь»); двн. *peter-silie, petrasile, f* «петрушка» (новонем. *Petersilie*) < среднелат. *petrosilium*. Тесная связь латинских заимствований VIII – XI вв. с развитием письменности сказывается в том, что наряду с существительными заимствуется ряд прилагательных и глаголов, в то время как заимствования дописменный поры были преимущественно предметными обозначениями (подробнее о заимствованиях дописменной поры см. [51, 52 и сл., 40, 136 и сл.]), например: двн. *sûbar* «чистый» (сначала в переносном, затем в прямом смысле) (новонем. *sauber*) < вульг. лат. *sûber* «умеренный», «благоразумный» (вульг. лат. в свою очередь восходит к лат. *sōbrius*); *kûski* «добродетельный», «благонравный», «воздержанный», «чистый», «целомудренный» < лат. *cōnsciū* (через посредство готск.церк. **kuskeis* – предположительно «приобщенный к христианской вере», «посвященный»); двн. *bredigōn, predigōn* «проповедовать» (новонем. *predigen*) < церклат. *praedicāre (predicāre)*; двн. *spentōn* «делать пожертвование», «раздавать милостыню» (новонем. *spenden*) < среднелат. *spendere* «расходовать», «тратить» (лат. *expendere*); двн. *labōn* «мыть», «купать», «окроплять (водой)»; «освежать», «улаживать» (новонем. *laben*) < лат. *lavāre*.

Развитие письменности и монастырской учености создавало благоприятную почву для возникновения многочисленных калек, основывающихся на использовании средств родного языка, которые приспособлялись к латинским образцам. Число калек в рассматриваемый период было гораздо более значительным, чем число прямых заимствований, что объясняется как характером переводимых текстов, изобиловавших отвлеченной лексикой, так и стремлением переводчиков (которые нередко одновременно были и преподавателями в монастырских школах) способствовать быстрому и полному пониманию латинских подлинников. Согласно подсчетам В. Беца (см. в особенности [57, 120 и сл.]), из 20000 единиц общего словарного состава древневерхненемецкого языка лишь 600 (3%) являются прямыми заимствованиями (*Lehnwörter*). 2000 слов представляют собой новообразования подражательного

характера (*Lehnbildungen*). К ним относятся, прежде всего, кальки, точно копирующие формальную структуру латинского слова (*Lehnübersetzungen, Glied-für-Glied-Übersetzungen*), ср.: двн. *forascauwunga* – лат. *providentia*. Другие кальки более свободно воспроизводят формальную структуру иноязычного образца (*Lehnübertragungen*), например: двн. *forakisēhan* – лат. *providere*. Часть вновь созданных эквивалентов латинских слов не копировала их формальной структуры (*Lehnschöpfungen*), ср.: двн. *findunga* – лат. *experimentum*. 4000 единиц (20%) составляют семантические кальки – уже имевшиеся в немецком языке слова, значение которых подверглось частичному или полному переосмыслению под влиянием латыни, в силу чего они наполнялись новым религиозным содержанием. Так, у двн. *bijht, f* наряду со старым значением «обещание, признание» (*Versprechen, Anerkenntnis*, см. [59, 169 – 170]) под влиянием лат. *confessio* развивается новое – «исповедь» (новонем. *Beichte*). Интересным примером полного переосмысления первоначальной семантики является развитие значения лексемы двн. *sēla, f* «душа» (новонем. *Seele*) [59, 213 и сл.]. Древнее значение этого общегерманского слова (ср. готск. *saiwala*, др.сакс. *sēla*, др.англ. *sāwol*) было связано с языческими представлениями о душе как тени, подобии умершего человека в царстве мертвых – Хель. Живому человеку согласно этим представлениям была присуща жизненная сила, которая обозначалась другим словом – двн., др.сакс. *ferah*, др.англ. *feorh*. Согласно христианским представлениям лат. *anima* обозначало нечто бессмертное, присущее человеку при жизни, но подлинное бытие души начиналось после освобождения от плоти, т.е. после смерти. Сближающим моментом между двн. *sēla* и лат. *anima* было, по-видимому, бытие после смерти. Поэтому в переводах лат. *anima* передавалось нем. *sēla*, что на фоне распространения христианского вероучения способствовало изменению значения названного немецкого слова. Германское *ferah* не могло быть использовано как эквивалент лат. *anima* и, сохранив свое старое значение (хотя и несколько ослабленное), просуществовало в народном языке до XIV в.

Большую роль в создании наддиалектного пласта неологизмов за счет использования внутренних ресурсов языка играло словообразование. Отмечая значительный количественный прирост немецкой лексики к концу древнего периода у Ноткера (около 1000 г., приблизительно 7800 слов) по сравнению с другими памятниками письменности, в частности с переводом трактата Исидора (после 800 г., 788 слов), Шт. Зондерэггер подчеркивает, что он был обусловлен не только разным объемом памятников или переводов, но и постепенным совершенствованием техники перевода, стремлени-

ем дифференцированно передать смысловые нюансы латинского оригинала [117, 261]. Так, лат. *opus* в переводе евангельской гармонии Татиана в 32 случаях передается двн. *werc, n*, у Ноткера же (выборочно) разграничиваются *werh, n*, *scaffunga, f*, *hant-tât, f*, *tûon* (субстантивированный инфинитив), *zeichen, n* [117, 264].

Для этой цели все более широко используются различные словообразовательные средства родного языка, в особенности служащие для образования отглагольных имен действия и существительных с отвлеченным значением. Например, у Отфрида представлены три отглагольных имени действия, включающие основу глагола двн. *slâhan*, – *slag, m* „Schlag“, *slahta, f* „Schlachten, Gemetzel“, *man-slahta, f* „Mord“, тогда как в переводах Ноткера их гораздо больше, ср.: *slag, m* „Schlag, Hieb“; *ana-slag, m* „Landplage (Ägyptens)“; *slâga, f* „Schlag“; *ûf-slagunga, f* „Aufschub der Bestrafung, Drohung“ (лат. *suspensio*); *er-slâgēnī, f* „Vernichtung, Erschlagensein“; *āna-slaht, f* „Sturzregen“; *mâg-slâht, f* „Verwandtenmord“; *mân-slâht, f* „Totschlag“; *slâhta, f* „Tötung, Erschlagen“ [117, 262].

Примечательно, что наддиалектный характер носит не только сама производная лексика, но и используемые при ее создании словообразовательные средства. Особенно ярко выражена наддиалектность новых словообразовательных суффиксов существительных и прилагательных, развившихся из вторых компонентов сложных слов: *-heit*, *-scaf (t)*, *-tuom*, *-bar*, *-sam*, *-lîh*, *-haft*, заимствованного из латыни суффикса действующего лица *-âri*. Слабо проявляется территориальная дифференциация и среди старых суффиксальных моделей. Использование синонимичных словообразовательных моделей, как отмечают М.М. Гухман и Н.Н. Семенюк, лишь в незначительной степени было обусловлено зависимостью от диалектного ареала. В нем отражалось типичное для младописьменного языка отсутствие устойчивости сложившегося узуса [12, 61].

Соотношение наддиалектного и территориально дифференцированного пластов явлений было неодинаковым для разных языковых уровней. Наибольшая степень ареальной дифференцированности характерна для фонетико-орфографических систем территориальных вариантов письменно-литературного языка. В меньшей степени территориальное варьирование отражалось в различии их морфологических систем, хотя и здесь четко прослеживается связь памятника с соответствующим диалектным ареалом. Варьирование в лексических и синтаксических системах письменного языка, как показало исследование М.М. Гухман, было обусловлено главным образом «жанрово-стилистическими особенностями памятника, хотя в исконном лексическом составе, не связанном со

спецификой письменного языка, проявляется и региональная дифференциация» [12, 67].

Уже на начальном этапе развития немецкого литературного языка создание письменности стимулировало выработку определенных функциональных стилей. Территориальные варианты письменно-литературного языка обнаруживают функционально-стилевую дифференциацию в зависимости от сферы своего применения. Исследователи разграничивают, в частности, официальный язык церкви, язык миссионеров и проповедников, язык ученых монахов, язык поэтических памятников и христианской переводной литературы, в том числе и памятников повседневного назначения (*Gebrauchsprosa, Gebrauchsliteratur*) [59, 237 и сл.; 117, 57]. Язык миссионеров и проповедников, по-видимому, был наиболее близок к устной народной речи, т.е. к территориальным диалектам. Специфика языка ученых монахов (*das Gelehrtendeutsch*) заключалась в сильной ориентированности его носителей на латынь не только в сфере лексики, но и в синтаксисе [113, 56]. В языке христианской переводной литературы и поэтических памятников могли комбинироваться элементы письменно-литературного языка и рефлексy устной народной речи.

Страт литературного языка в реконструируемой для периода раннего феодализма функциональной парадигме немецкого языка в качестве основного ядра включал его территориальные варианты, зафиксированные в памятниках христианской письменности. На его периферии находились реликты устных обработанных форм, отраженные в дохристианской поэзии древних германцев, отдельные фрагменты которой (в частности, «Песнь о Гильдебранде») дошли до нас в более поздней письменной фиксации (подробнее см. [12, 19 и сл.]). Тексты, связанные с древней традицией языка высших сфер коммуникации, характеризовались обособленностью, которая проявлялась в непроницаемости их стилистической системы по отношению к инновационным процессам, протекавшим в христианской письменности. Этой застывшей системе старых приемов и моделей противопоставлялась новая стилистическая система, активно развивавшаяся в рамках христианской письменности [12, 67].

Роль всеобъемлющей языковой системы высшего ранга, обладающей оптимальным набором признаков как средство надрегиональной и международной коммуникации, в средневековой Германии выполнял неавтохтонный литературный язык – латынь. Поэтому латынь образует как бы «кровлю» (*Überdachung*) над функциональной парадигмой немецкого языка, что может быть представле-

но в виде следующей схемы, в основу которой положен принцип построения «языковых пирамид» для разных периодов истории немецкого языка у Г. Мозера [93, Karten 8, 9, 10, 11, 12] и Г. Шиб [109, 148 – 149]:

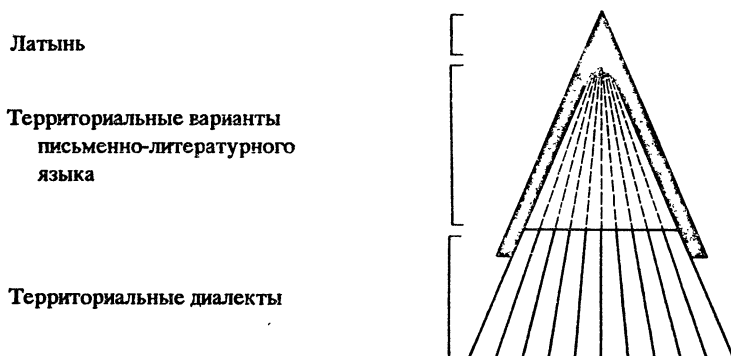

Схема 2. Языковая пирамида немецкого языка в период раннего феодализма (750 – 1050 гг.)

Поскольку одним из компонентов языковой ситуации в средневековой Германии был чужой язык, то для части представителей немецкой народности, а именно для образованного монашества, она была, по-видимому, ситуацией диглоссии с билингвизмом [55, 1399; 119, 1061]; образованные монахи пользовались в сфере повседневного устного общения диалектом, а в сфере своей культовой, педагогической и переводческой деятельности – территориальным вариантом письменно-литературного языка и латынью. Подобная языковая ситуация способствовала значительному количеству заимствований из латыни. Вполне вероятно, что в быту монахи пользовались обиходно-разговорным языком, несколько отличным от их родного диалекта [59, 236], однако памятники письменности содержат недостаточное количество достоверных фактов для его реконструкции.

Связь между основными формами существования немецкого языка в период раннего феодализма была односторонней. Поскольку преобладающее большинство представителей немецкой народности в рассматриваемое время было неграмотным, письменно-литературный язык не оказывал какого-либо заметного влияния на территориальные диалекты. Однако литературный язык возник и развивался в виде территориальных вариантов на диалектной основе, а древненемецкие переводчики щедро черпали из сокровищницы устной народной речи. Это объяснялось их стремлением спо-

собствовать распространению нового вероучения, сделать его понятным и доступным для тех, кто не знал латыни, а отчасти было обусловлено и самим характером переводных или обрабатываемых памятников, например, евангелий или евангельских гармоний, которые содержали много описаний «житейских», бытовых ситуаций.

Устная народная речь несомненно использовалась и в процессе преподавания в монастырских школах для облегчения понимания сложных латинских текстов, о чем свидетельствует, в частности, преподавательская деятельность Ноткера Немецкого в Сентгалленском монастыре. Элементы устной народной речи можно выявить в древне немецкой христианской поэтической литературе, даже у Отфрида, на которого сильное влияние оказала культовая поэзия на латинском языке. Так, Г. Эггерс [59, 235] приводит следующие строки из «Евангельской гармонии» Отфрида:

Lindo, liobo druhtîn mîn	lâz thia kestiga sîn;
gilokô mir thaz mînaz muat,	sô muater kindilîne duat.
Thoh si iz sêro fille,	nist ni si avur wolle
(suntar si imo muntô),	theiz i aman thoh ni wuntô.
Thia hant duat si fure sâr,	ob iaman râmêt es thar.

„Sanfter, lieber Herr, laß ab von der Züchtigung. Behandle mich sanft, wie eine Mutter ihr Kindchen behandelt. Obwohl sie es vielleicht heftig schlägt, will sie doch nicht, daß es jemand anderer verletze, sondern sie schützt es. Sie hält alsbald ihre Hand davor, wenn jemand es schlagen will“ (перевод на новонемецкий литературный язык Г. Эггерса [59, 235]). Г. Эггерс высказывает предположение, что в этом отрывке, с теплым чувством живописуя проявления материнской любви, Отфрид употребляет народные слова. Глаголы *gilockôn/gilokôn* „streicheln, schmeicheln, ergötzen, locken“, *muntôn* „schützen“, *fillen* „die Haut abziehen, schinden, geißeln, schlagen“ (производный от двн. *fel* „Haut“; ср. нвн. *jmdm. das Fell gerben*), *râmên* „nach etwas trachten, streben, zielen“, прилагательные *lind* „lind, mild, angenehm“, *liob* „lieb, geliebt, angenehm“, устойчивое словосочетание *dia hant furi tuon* „die (schützende) Hand vor (etwas) halten“ согласно мнению Г. Эггерса по всей вероятности являются элементами народного языка. Подобные ситуации и примеры у Отфрида встречаются довольно часто. Труды Ноткера при всей своей учености содержат немало «вкраплений» из народной речи, поскольку его пояснения к латинским текстам основываются на включении общепонятных благодаря повседневному употреблению слов и выражений. Источником подобного материала могут послужить и многие другие древневерхне немецкие тексты. Как подчеркивает Шт. Зондерэттер [119, 1066], древневерх-

ненемецкой письменности, полностью оторванной от народной стихии, не существует, или она существует как таковая лишь в отдельных своих фрагментах. Наряду с четко прослеживаемым в переводных текстах латинским влиянием, древненемецкий язык обнаруживает большую степень самобытности, фоном которой является народная речь [119, 1066]. В отличие от филологической традиции в Германии, почти не затрагивавшей вопроса об отражении устной речи в древненемецкой письменности, в трудах современных исследователей все более явственно звучит мысль о том, что рефлексy разговорного языка составляют важный компонент структуры территориальных вариантов письменно-литературного языка в древний период [59, 236; 119, 1067]. Данный компонент настоятельно требует своего изучения.

3.2. «КЛАССИЧЕСКИЙ СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК» КАК ПРОТОТИП НАДРЕГИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

С вступлением Германии в середине XI в. в фазу развитого феодализма в функциональной системе немецкого языка произошли существенные исторические сдвиги, обусловленные соответствующими общественно-экономическими и политическими изменениями, изменениями в культурно-исторической и языковой ситуации, а также в коммуникативных отношениях [12, 68 и сл.; 113, 78]. К этому времени завершается процесс образования немецкой народности, о чем свидетельствует субъективное осознание этнической и языковой общности, которое все явственнее звучит в немецких письменных памятниках, начиная именно с конца XI в. [8, 54 – 55]. В литературе рассматриваемого периода при обозначении представителей немецкой народности, их государства и языка регулярно используется прилагательное *deutsch* (двн. *diutisk*, свн. *diutisch*, *diutsch*, *tiutsch*, *tiusch*; о происхождении данного прилагательного см. 3.1.). Наряду со словосочетаниями *Diutschiu liute*, *Diutschiman*, широко употребляется субстантивированное прилагательное *die diutischen*, *tiutsche* «немцы», ср. у Вальтера фон дер Фогельвейде: *hât iuch der bâbes her gesendet, daz ir in rîchet und uns tiutschen ermet...?* („Hat der Papst euch entsandt, um ihn zu bereichern und uns Deutsche arm zu machen...?“). Родной язык немцев – *diutsche*, *f*, *diutsch*, *tiutsch*, *n* четко противопоставляется языку других народов. Так, автор «Песни об Александре», сообщив читателю, что он почерпнул излагаемый материал из французского источника (*in walhiskē „in welscher Sprache“*), продолжает следующим образом: *Nû sol ich es euh in dû-*

tischen berihten („Nun will ich euch davon in deutscher Sprache erzählen“). Переводчик «Песни о Роланде» отмечает, что он переложил французский оригинал сначала на латинский язык, а затем на немецкий: *in die latîne betwungen, danne in die tûtiske bekêret* („ins Lateinische übertragen und dann ins Deutsche gewendet“) [55, 8]. Отдельные области средневековой Германии – «земли» (*diu lant*) – воспринимаются как части, подчиненные общему целому [8, 55]. Представленные в этих землях территориальные диалекты, которые у автора поэмы «Скаун» Гуго фон Тримберга (конец XIII в.) названы *lantsprachen* «языки земель, областные языки», рассматриваются как разновидности одного языка. При этом осознаются и различия между ними, которые получили яркую, но не поддающуюся четкому во всех своих деталях истолкованию характеристику у Гуго фон Тримберга [51, 121; 19, 58 – 59]:

Swabe ir wörter spaltent
Die Franken ein teil si valtent,
Die Beire si zezerrrent
Die Düringe si ûf sperrent,
Die Sahsen si bezuckent,
Die Rinliute si verdrucknent...

(„Renner“, V. 22265 ff).

Объективным свидетельством завершения формирования немецкой народности является значительное расширение сферы применения собственного (родного) языка. В рассматриваемый средний период исторического развития немецкого языка (1050 – 1350 гг.) она включала не только религиозную и светскую художественную литературу, но и разнообразные исторические хроники, памятники делового, канцелярского характера – грамоты, юридические и торговые документы, а также проповеди, религиозно-дидактические и теолого-философские сочинения ранних мистиков. Проникновение немецкого языка в канцелярии было обусловлено как ростом этнического самосознания у представителей немецкой народности, так и определенными социальными факторами, среди которых важная роль принадлежала подъему низшего дворянства – министриалов, которые не владели латынью и, вместе с тем, к 1250 г. проявляли все большую заинтересованность в изготовлении грамот на немецком языке. Появление этого слоя рыцарства способствовало обращению к родному языку в сфере деловой коммуникации, что повлекло за собой в дальнейшем перестройку в деятельности городских канцелярий, где позиции немецкого языка все более укреплялись в коммерческой переписке городов [51, 114].

Обращение к родному языку представителей одного из значительных культурно-исторических течений второй половины XIII в. – немецкой мистики, которые считаются создателями особого социолекта (*Sondersprache*) [51, 132, 148; 100, 1125], объясняется не столько выражением субъективного осознания этнической общности немецкой народности, сколько их протестом против схоластики, теснейшим образом сросшейся с латынью. Почва для использования немецкого языка мистиками в известной мере была подготовлена тем, что, хотя женщины не могли получить в средние века латинского образования, умение читать и писать вне среды духовенства входило в женское образование. Поэтому с середины XIII в. развивается назидательная литература на немецком языке, вершиной которой стала немецкая мистика [100, 1125].

В период развитого феодализма широкий прочный фундамент языковой пирамиды немецкого языка продолжали составлять территориальные диалекты. К этому времени благодаря завершению процесса их переоформления из племенных диалектов они окончательно закрепляются за определенными политическими территориями средневековой Германии. Кроме того, вследствие усилившейся феодальной раздробленности наблюдается их дальнейшее разделение на более мелкие местные говоры со своими специфическими особенностями (*Ortsdialekte*) [113, 82]. Диалектное членение языка немецкой народности на нижненемецкий и верхненемецкий ареалы с разграничением внутри последнего средненемецкого и южнонемецкого субареалов в целом сохранилось, однако состав территориальных диалектов в нижненемецком ареале и в средненемецком субареале значительно расширился вследствие восточной экспансии – завоевательных походов немецких светских и духовных феодалов на восток, которые начались с X в. и особенно усилились в XII – XIII вв. На завоеванных и аннексированных землях складывались новые немецкие переселенческие диалекты, для которых были характерны процессы смешения и интеграции. Эти интеграционные процессы объясняются тем, что в колонизованных областях встретились и слились друг с другом потоки переселенцев, представлявших разные немецкие языковые ландшафты. Север и северо-восток завоеванной территории заселялись преимущественно колонистами из северо-западных земель (частично и из Нидерландов), поэтому, несмотря на черты смешения, образовавшиеся здесь новые диалекты по своим примарным признакам продолжали оставаться нижненемецкими. Особенно интенсивно процессы смешения и интеграции протекали в восточносредненемецком регионе, в заселении которого, как показали исследования

Т. Фрингса и основанной им Лейпцигской школы диалектографии (подробнее см. [43, 21 и сл.]), участвовали колонисты из разных частей прежней территории распространения немецкого языка. Через Магдебург двигался поток колонистов из нижненемецкой северо-западной области, через Эрфурт – переселенцы из западносредне-немецкой области, через Вюрцбург и Бамберг – колонисты из Майнской Франконии, т.е. с юго-запада. Сформировавшиеся в данном регионе новые восточносредне-немецкие диалекты наряду со средне-немецкими обнаруживали южно-немецкие и нижне-немецкие черты [72, 83], что позволило им в дальнейшем сыграть важную роль в процессе становления немецкого национального литературного языка. Сложившийся позднее на этой территории восточносредне-немецкий вариант литературного языка вобрал в себя много таких диалектных особенностей, которые составляют характерные черты и ново-немецкого литературного языка, например: южные формы местоимений на -г и -ch – *mir, mich, dir, dich*; огласовка -е- в корне глаголов *stehen, gehen*; произношение сочетания -chs- как [ks] в словах типа *sechs, Ochse, wachsen*; сохранение редуцированного [-ə-] в глагольных префиксах и флексии – *bestellt, gestohlen, gebrochen*, а позднее – явления монофтонгизации и дифтонгизации [113, 88]. Как восточнонижне-немецкие, так и восточносредне-немецкие колониальные диалекты отличались не только своим смешанным характером, но и тем, что они интегрировали языковые элементы местного славянского населения.

К концу среднего периода (после 1300 г.) в нижне-немецком ареале, отделяемом от верхне-немецкого изоглоссой *ik/ich*, различались диалекты: 1. нижнефранкский (*Niederfränkisch*); 2. севернонижне-немецкий (*Nordniederdeutsch*) в окружении Бремена, Гамбурга, Любека; 3. вестфальский (*Westfälisch*) в окружении Мюнстера и Падборна; 4. остфальский (*Ostfälisch*) в окружении Ганновера, Гёттингена, Магдебурга; 5. остэльбский (*Ostelbisch*) в Мекленбурге и Померании; 6. бранденбургский (*Brandenburgisch*). Из них первые четыре были представлены в основном на старых территориях – нижне-франкской и нижнесаксонской, тогда как два последних являлись разновидностями переселенческого нижне-немецкого или восточнонижне-немецкого (*koloniales Niederdeutsch, Ostniederdeutsch*).

Средне-немецкий субареал в западной части (*Westmitteldeutsch*) включал диалекты: 1. среднефранкский (*Mittelfränkisch*), который в свою очередь разделился на поддиалекты рипуарский (*Ripuarisch*) – в окружении Кёльна и мозельскофранкский (*Moselfränkisch*) – в окружении Трира; 2. рейнскофранкский с гессенским (*Rheinfränkisch mit Hessisch*). Восточная часть средне-немецкого суб-

100

ареала (Ostmitteldeutsch), отграниченная от западной водоразделом по рекам Фульда и Верра, охватывала диалекты: 1. тюрингенский (Thüringisch); 2. новые смешанные переселенческие восточносредненемецкие диалекты на территории Верхней Саксонии и Силезии, которые в рассматриваемый период не имели еще четкого внутреннего членения [110, 351] и лишь позднее разделились на верхнесаксонский (Obersächsisch) и силезский (Schlesisch) поддиалекты.

В южнонемецком субареале, отделяемом от средненемецкого изоглоссой *appel/apfel*, разграничивались диалекты: 1. алеманский (Alemannisch); 2. баварский (Bairisch); 3. южнорейнскофранкский (Südrheinfränkisch); 4. восточнофранкский (Ostfränkisch). Алеманский в свою очередь членился на поддиалекты: нижнеалеманский (Niederalemannisch), верхнеалеманский (Hochalemannisch) и швабский (Schwäbisch). Внутри баварского выделялись поддиалекты: севернобаварский (Nordbairisch), среднебаварский (Mittelbairisch) и южнобаварский (Südbairisch).

Прагматическая значимость территориальных диалектов в качестве средства повседневного устного общения преобладающего большинства представителей немецкой народности (независимо от их социально-классовой принадлежности) по сравнению с другими формами существования языка была особенно велика. Местные говоры связывали друг с другом зависимых от феодала крестьян и были эффективным инструментом, удовлетворяющим потребности устной коммуникации как в быту, так и в сфере сельскохозяйственного труда [111, 379 и сл.]. Кроме того, они служили средством общения зависимых крестьян с их светскими или духовными феодалами. Активно владея говором своей местности, крестьяне, по видимому, пассивно (с градуальными различиями) знали соседние говоры. По всей вероятности, крестьянские массы были пассивно знакомы и с сильно территориально окрашенным литературным языком соответствующего региона, на котором во время богослужения произносились проповеди для простого люда, а также читались вслух всей общиной наиболее популярные молитвы типа «Отче наш» и приносилось публичное покаяние собравшихся [111, 380; 113, 83; 12, 74]. Согласно имеющимся данным, в распоряжении проповедников-вальденсов находился уже перевод библии на немецкий язык, который позднее был утрачен [111, 380], поэтому судить о том, как он использовался и насколько широко он был распространен, не представляется возможным. Столь же трудно составить себе конкретное представление о наличии в то время у крестьян возможности получить начальное образование, подобно тому,

как она существовала с начала XIII в. в весьма малочисленных, к тому же подвергавшихся сильным гонениям школах вальденсов [111, 380].

Территориальный диалект, а, в отдельных случаях, и местный говор использовались также феодалами в качестве повседневного бытового или семейного языка, в особенности при общении со своими подданными и крепостными. В остальном коммуникативные отношения в среде феодалов отличались большим многообразием, которое было обусловлено усилившимся социальным расслоением господствующего класса [111, 380; 113, 84]. При этом отдельные социальные слои активно владели разными формами существования и функциональными стилями родного языка, а также иностранными языками. Высшее духовенство, которое отличалось монополией на образование от светской знати (хотя ряды его постоянно пополнялись за счет последней) владело, прежде всего, латынью как средством международного общения, поскольку образование, даваемое церковью, носило международный клерикально-латинский характер [111, 380; 113, 83]. Наряду с латинским значительную роль играл родной немецкий язык, в первую очередь как язык-посредник в процессе преподавания и изучения латыни, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные латино-немецкие глоссарии к изучаемым текстам. Кроме того, представители духовенства пользовались им в разной мере – в зависимости от сана и круга выполняемых обязанностей – при общении с паствой. При этом выбор в качестве средств общения местного диалекта, территориально окрашенных устных форм речи или обработанных литературных форм языка с меньшей степенью территориальной связанности [113, 83], по-видимому, предопределялся составом коммуникантов.

Крупная наследственная знать в отличие от высшего духовенства, как правило, не имела высокого образования и часто не умела ни читать, ни писать. Даже император и короли, за немногими исключениями подобно Фридриху II (1194 – 1250 гг.), который был высокообразованным человеком, нередко подписывали документы прочерком, свидетельствующим о неграмотности. Письма зачитывались им вслух. При проведении официальных актов и церемоний, а также при необходимости установить международные контакты с представителями своего класса в другой стране крупная знать пользовалась услугами специально подготовленных лиц, имевших клерикально-латинское образование. Распоряжения подданным отдавались на диалекте, на диалекте же велось и деловое общение с ними. Речевые формы, используемые аристократией во

время светской беседы в своем кругу, в зависимости от ситуации были весьма многообразны. Поскольку браки из династических соображений нередко заключались между лицами разной национальности, общение в семье могло осуществляться на иностранном (для одного из супругов) языке.

Более четко прослеживаются коммуникативные отношения, характерные для светского рыцарства – министриалов. Как правило, рыцари-министриалы изучали не латынь, а, прежде всего, французский – язык достигшей наивысшего развития части западноевропейского рыцарства, а также другие западноевропейские языки. Хотя полное активное владение несколькими иностранными языками, по-видимому, было достаточно редким явлением, широкое распространение в придворных кругах получило сознательное включение в речь на родном языке модных иноязычных слов и выражений, главным образом, французских – *strffeln der rede mit der welsche* и фламандских – *vlæmen mit der rede* [60, 133]. Многочисленные свидетельства этого можно найти в рыцарской литературе. Так, Готфрид Страсбургский, пытаясь воссоздать в своем «Тристане» (около 1210 г.) придворную атмосферу, часто употребляет французские обороты, что ярко отражено, например, в описании первого знакомства короля Марка Корнуэльского и Тристана:

Marke sah Tristanden an:
„vriunt“, sprach er, „heizestû Tristan?“
„jâ herre, Tristan; deu sal!“
„deu sal, beas vassal!“
„merci“, sprach er, „gentil rois,
edeler künec curnewalois“.
...
dô wart gemerzîet
wunder von der hovediet,
si triben niwan daz eine liet:
„Tristan, Tristan li Parmenois,
cum est beas et cum curtois“. (V.3351 ff.)

Приведенный отрывок изобилует старофранцузскими «цитатами», которые подчас тут же дублируются эквивалентными по значению немецкими выражениями, ср.: *deu sal!* „Gott erhalte Euch!“; *beas vassal* „schöner Vassal!“; *gentil rois* „edler König“; *li Parmenois* „der Parmenier“; *cum est beas et cum curtois* „wie schön er ist und wie höfisch“. Создав смелое новообразование (*dô wart*) *gemerzîet* „(da wurde) Dank gesagt“, Готфрид Страсбургский как бы посмеивается над принятой при дворе манерой речи, однако, как отмечает Г. Эггерс,

тем увереннее можно предположить, что сам он пользуется этими французскими вкраплениями с тем, чтобы по возможности точнее воспроизвести принятый в его время куртуазный тон [60, 130].

Автор поэмы «Фермер Хельмбрехт» – Вернер дер Гартенере (Wernher der Gartenære, вторая половина XIII в.), иронизируя над манерой рыцарства обильно уснащать немецкую речь иностранными словами и выражениями, дает ее пародийное изображение в речевом портрете своего главного героя – сына богатого крестьянина Хельмбрехта. Примкнув к рыцарям-разбойникам и набравшись у них «рыцарских» манер, он навещает родительский дом, исполненный сознания своей мнимой знатности. Обращаясь к молодежи, поспешившей ему навстречу, Хельмбрехт говорит:

vil liebe soete kindekîn,
got lâte iuch immer sælec sîn.

Хотя родом Хельмбрехт, согласно замечанию поэта, из Нижней Австрии, в его речь включены здесь фламандизмы *soete*, *kindekîn*, *lâte*, соответствия которых в верхненемецком имели бы огласовку *sûeze*, *kindelîn*, *lâze*. Сестру он приветствует латинским оборотом *gratia vester „Euer Gnaden“* (Ваша милость). Далее автор продолжает:

zem vater sprach er: „deu sal!“
zuo der muoter sprach er sâ
bêheimisch: „dobra ytra!“

Смущенные его чужеземной речью родные и работники отца начинают гадать, откуда этот пришелец может быть родом. Мать принимает его за божемца или славянина – венда, отец, основываясь на французском приветствии гостя, считает его французом (*er ist ein Walh*), сестра думает, что это сведуший в латыни священник, а работник предполагает, что, судя по языку, их посетитель вырос в Саксонии или Бранденбурге. Отец вызывается сам ухаживать за конем странного чужеземца, но получает в ответ резкую отповедь:

Ey, waz snacket ir gebûrekîn
und jenez gunêrte wîf?
mîn parit, mînen clâren lîf
sol dehein gebûric man
zwâre nimmer gegrîpen an (V.717 ff.).

„Ei, was redet ihr Bäuerlein und das unansehnliche Weib da. Mein Pferd und mich selbst (meinen herrlichen Leib) darf ein Bauerntölpel niemals anfassen“.

В этом отрывке неподвинутые согласные в *gebûrekin*, *parit* и *gegîreþ*, северная (ингвеонская) огласовка лексем *wîf* и *lîf* (ср. верхненем. *wîr*, *lîr*), не встречающийся в верхненемецком глагол *snacken*, а также французское заимствование *clâg* используются для иронической характеристики куртуазной манеры речи. По мнению Г. Эггера, возможно не столь резко, но все же в той мере, что это давало повод Готфриду Страсбургскому и Вернеру дер Гартенере для ее иронического изображения, была пронизана иноязычными «блестками» и речь придворного общества [60, 131]. Однако и сами поэты благосклонно относились к модным иноязычным словам. Черпая материал для своих произведений из французской литературы, изображая распространяющиеся с запада обычаи, изысканные манеры, куртуазный этикет, образ жизни рыцарства, они заимствовали и соответствующие иностранные выражения. Это четко прослеживается в новом стиле вежливости, отраженном в поэтическом языке, для которого была характерной замена обращения на «ты» (*das Duzen*) обращением на «вы» (*das Ihrzen*), появление особых формул приветствия, обращений, вежливых оборотов [111, 383].

Для высшего и низшего светского рыцарства, в силу его большой активности в политической и культурной жизни страны, был характерен широкий диапазон коммуникативных отношений, выходящих за рамки родного диалекта. Поэтому ряд исследователей высказывает предположение о существовании в рассматриваемый период в рыцарской среде определенных форм устного разговорного койне, которые, сложившись на базе территориальных диалектов, обнаруживали тенденцию к наддиалектности [51, 136; 111, 383; 12, 74 и сл.; 113, 84].

Это койне служило, по-видимому, целям практической коммуникации между различными феодальными центрами при решении задач экономического, военного и политического характера. Данная форма существования немецкого языка использовалась, вероятно, образованными, но не владеющими латынью женщинами высокого происхождения и социального положения, которые играли доминирующую роль в придворном обществе. Рыцарское разговорное койне являлось посредником в закреплении и распространении французских заимствований в немецком языке. Этому в немалой степени способствовали и непосредственные контакты французского и немецкого рыцарства во время совместных крестовых походов. Кроме того, в широкой пограничной полосе от Фландрии до Бургундии представители дворянства были билингвами [111, 383].

Рыцарское разговорное койне, существование которого из-за его устного характера для рассматриваемого периода может лишь постулироваться, предположительно являлось основой для различных региональных вариантов письменно-литературного языка, получивших фиксацию в памятниках рыцарской литературы того времени [111, 383; 12, 75; 113, 84]. Один из таких вариантов, возникший в баварском ареале с культурным центром Регенсбург, отражен в докуртуазных эпических произведениях «Песнь об Александре», «Песнь о Роланде» (первая половина XII в.), «Король Ротер», «Герцог Эрнст», «Салман и Морольф» и др. (вторая половина XII в.). Авторами этих произведений, посвященных светской тематике, согласно новейшим литературно-социологическим воззрениям, вероятно, являлись представители не духовенства, но светской бюргерской интеллигенции [113, 81].

Почти одновременно с названным (примерно начиная с 1170 г.) на нижнем Рейне складывается другой вариант письменно-литературного языка на западносредне немецко-маасландской базе. Здесь такие министриалы, как Генрих фон Фельдеке, создавали свои произведения, в которых они использовали античные сюжеты (ср. его главное произведение – «Энеиду», начатую в 70-е годы, законченную в Тюрингии между 1184 и 1190 гг.). Этот ареал был связан с крупным культурным центром конца XII в. – двором ландграфа тюрингенского Германа в замке Вартбург, где также большое внимание уделялось восприятию античного наследия. Помимо Генриха фон Фельдеке к кругу поэтов, пользовавшихся западносредне немецко-маасландским вариантом письменно-литературного языка, принадлежали Герберт фон Фрицлар, Альбрехт фон Хальберштадт, Генрих фон Морунген.

Наиболее значительным вариантом письменно-литературного языка в эпоху расцвета куртуазной поэзии был так называемый «классический средневерхненемецкий язык» (*mittelhochdeutsche Dichtersprache, klassisches Mittelhochdeutsch*), развившийся на грани XII и XIII вв., главным образом, на алеманско-восточнофранкской диалектной основе [113, 84] в бассейне рек Рейна, Майна и Дуная (*Rhein-Main-Donaugebiet*) [111, 352; 100, 1123]. В его формировании принимали участие самые крупные поэты того времени – министриалы Гартман фон Ауэ (из Швабии), Вольфрам фон Эшенбах (из Восточной Франконии), городской патриций из Эльзаса Готфрид Страсбургский, Вальтер фон дер Фогельвейде, неизвестный автор «Песни о Нибелунгах». Их творчество способствовало росту социального престижа классического средневерхненемецкого языка,

что побуждало пользоваться им также поэтов других языковых ландшафтов. Классический средневерхненемецкий язык имел надрегиональную значимость и характеризовался относительно высокой степенью унифицированности, приближающей его к кодифицированному (нормированному) письменно-литературному языку (*geregelte Schriftsprache*) [63, 1296; 12, 126]. Присущая ему тенденция к надрегиональности проявлялась, прежде всего, в сознательном отказе от наиболее резко выраженных ареальных черт – слов, звуков и форм, которые могли оказаться непонятными для представителей других диалектных ареалов [51, 137]. Не зная, откуда родом тот или иной поэт, нельзя установить его местное происхождение, основываясь только на анализе языка его произведений [51, 138; 100, 1123]. В частности, баварский диалект вплоть до наших дней сохранил такую характерную свою особенность, как формы II лица множественного числа личных местоимений *ös, ees „ihr“* и *enk „euch“* (генетически восходящие к формам двойственного числа). Однако в период расцвета средневековой немецкой поэзии они не встречаются в литературных памятниках, созданных в Баварии, и вновь появляются в текстах лишь после упадка рыцарской поэзии. В алеманском ареале редукции в окончании подверглись лишь краткие гласные, долгие же, напротив, сократившись, сохранили свое первоначальное качество, причем эта особенность удерживается здесь вплоть до нового времени, ср. следующие примеры из трудов Цвингли: *Mengy „Menge“, Lieby „Liebe“, entledigot „entledigt“* (цитировано по А. Баху) [51, 115]. Полногласные окончания представлены в алеманских грамотах, но они не отражены в рыцарской поэзии. Стремление устранить в текстах наиболее резкие различия между отдельными ареалами, отраженное в рыцарской литературе, характеризуется исследователями как проявление сознательного отбора, селективности, усиливавшей наддиалектный характер рассматриваемого варианта литературного языка [12, 126 – 127]. Особенно ярко эта селективность прослеживается в рифме. Так, в рифмах куртуазного эпоса претеритальным формам глагола *kommen* принадлежит весьма незначительная роль, хотя они представляли собой благодатный материал для рифмованного стиха. Поэты, по всей вероятности, отказывались от них потому, что в алеманском ареале формы претерита этого глагола имели огласовку *kam, kâmen*, тогда как в баварском ареале – *kom, kōmen*. Алеманская рифма *kam : pam* в баварском звучании *kom : pam* была бы нарушена. Гартман фон Ауэ в своих ранних произведениях без раздумья использовал рифмы на *kam*; позднее он явно сознательно избегал их [51, 138].

Поэты проявляют «открытость» по отношению к языковым импульсам, которые они получают из удаленных от них регионов, используя чужие формы и лексемы, обладающие по их мнению устойчивой надтерриториальностью. Фламандский рыцарь Генрих фон Фельдеке (род. между 1140 – 1150 гг. ум. около 1200 г.) песни, предназначенные для слушателей и читателей на своей нижне-франкской родине, слагал на лимбургском диалекте. Однако в «Святом Серватииусе» и «Энеиде», где он, выходя за пределы своей родины, обращался ко всему немецкому рыцарскому обществу, Генрих фон Фельдеке не только пользуется наддиалектным западно-средне-немецко-маасландским вариантом письменно-литературного языка, но и проявляет стремление избегать таких рифм, которые нарушались бы при транспонировании его стихов в верхне-немецкое звучание. Если первоначально он рифмовал *tît* „Zeit“ с *wît* „weiß“ (свн. *wîz*), *lîden* „leiden“ с *rîden* „reiten“ (свн. *rîten*) или с *tîden* „Zeiten“ (свн. *zîten*), то в дальнейшем он отказывается от подобных рифм и связывает *tît* лишь с такими словами, как *wît* „weit“ (свн. *wît*), *lîden* со *snîden* „schneiden“ (свн. *snîden*) и т.п. Таким образом Генрих фон Фельдеке устранял из конечной рифмы слова с неподвижными согласными, поскольку при проведении второго верхне-немецкого передвижения чистота рифмы была бы нарушена: рифма *tît* : *wît* („weiß“) при передаче на верхне-немецкий звучала бы как *zît* : *wîz* [51, 137; 12, 83].

Генрих фон Фельдеке первым открыл и провел в своих стихах принцип этимологически чистой рифмы. По его примеру многие куртуазные поэты уделяли первостепенное внимание тому, чтобы применять только такие рифмы, которые сохранили бы чистоту звучания независимо от того, в каком диалектном ареале исполнялись бы их произведения. Рифма должна была быть особенно отточенной, так как в этой части трудно было изменить что-либо в процессе устного исполнения в отличие от середины стиха, где возможна была импровизация [51, 137].

Действие тенденции к надрегиональности сказывалось и в наличии обмена между разными ареалами, благодаря которому в тексты проникали различные по ареальному происхождению варианты: алеманские формы *gân* „gehen“, *stân* „stehen“ использовались баварскими поэтами, и, наоборот, формы в баварской огласовке *gên*, *stên* встречались у алеманских поэтов [51, 138]. В результате этого, как отмечает Н.Н. Семенюк, создается некий общий фонд вариантов, ср. такие вариантные формы, представленные у большинства рыцарских поэтов, как *gân/gên*, *stân/stên*, *begann/begunde*, *nâ/nâch*, *sît/sider*, *mahte/mohte* и др. [12, 127].

По мере того, как язык рыцарской поэзии постепенно освобождался от диалектных «пут», он приобретал характер образцового для образованного в культурном отношении дворянства во всей Германии: им пользовался Вальтер фон дер Фогельвейде и во время своего пребывания при Венском дворе, и во время своих выступлений в других феодальных центрах культуры, как, например, при дворе ландграфа тюрингенского Германа [113, 85]. О престиже этого варианта письменно-литературного языка и признании, полученном им в рыцарских кругах, свидетельствует и то, что к нему обращались как к средству коммуникации за пределами исконной области его возникновения, в других регионах. Важным доказательством надрегиональности письменно-литературного языка верхненемецкого типа служит использование его в нижненемецком ареале. Нижненемецкие поэты того времени Вернер фон Эльмендорф, Альбрехт фон Хальберштадт, Бертольд фон Холле (рыцарь из Хильдесхайма), Брун фон Шёнебекк в Магдебурге, миннезингер Генрих фон Морунген, сочинитель шпрухов Герман дер Дамен и ряд других писали не на своем родном нижненемецком наречии, но пользовались с большим или меньшим успехом верхненемецким вариантом письменно-литературного языка [51, 139].

Эйльхарт фон Оберге, поэт из Брауншвейга, написал первый на немецкой почве вариант романа о Тристане не по-нижненемецки, а по-верхненемецки [86, 292]. Альбрехт фон Хальберштадт, саксонец по происхождению, переложивший в начале XIII в. «Метаморфозы» Овидия на немецкий письменно-литературный язык верхненемецкого типа, просит в «Прологе» извинения у читателей за возможно вкравшиеся в его стихи нижненемецкие рифмы [51, 138; 12, 127]. Нижненемецкое происхождение Генриха фон Морунгена незаметно в его стихах, и лишь в одном случае рифма выдает его происхождение – *bat : pat* (свн. паз „паѿ“). К этой ведущей языковой традиции подстраивался и Генрих фон Фельдеке, что также прослеживается в рифме [12, 126]. Только с упадком куртуазной поэзии в нижней Германии постепенно прекращается использование верхненемецкого варианта литературного языка.

Примечательно наблюдение А. Баха [51, 139 и сл.] о том, что и за пределами куртуазной поэзии в рассматриваемый отрезок времени проявляется верхненемецкое влияние на нижнюю Германию. В отдельных случаях даже исторические грамоты в нижненемецкой области составлялись на верхненемецком (средненемецком). Так, в 1336 г. города Гёттинген, Мюнден и Нортхайм заключили союз, который был скреплен грамотой на верхненемецком языке. Кроме того, верхненемецкое влияние ощутимо и во многих па-

мятников, написанных на нижненемецком языке, где о нем свидетельствуют верхненемецкие формы глаголов *sagen, haben*, суффикс *-schaft* (ср. н.нем. *seggen, hebben, -schap*).

А. Бах высказывает предположение, что превосходство верхненемецкого над нижненемецким распространялось не только на письменное, но и на устное употребление языка. Эту мысль он подкрепляет ссылкой на слова выдающегося проповедника XIII в. Бертольда Регенсбургского. „Also stêt ez umbe die niderlender und umbe oberlender, daz manic niderlender ist, der sich der oberlender spräche an nimet“, отмечая, что они явно относятся не только к представителям рыцарских кругов. Таким образом, уже в ту отдаленную эпоху, заключает А. Бах, намечалась позднейшая победа верхненемецкого над нижненемецким, т.е. сосуществование верхненемецкого письменно-литературного языка или разговорного койне и нижненемецкого диалекта на одной территории.

К рассмотренным проявлениям наддиалектных тенденций примыкали и те процессы, которые были связаны с общими для всей рыцарской литературы языковыми и стилистическими признаками [12, 127].

Важным проявлением наддиалектности рассматриваемого варианта литературного языка было наличие обширного наддиалектного пласта лексики, который складывался, прежде всего, благодаря возникновению многочисленных лексических и семантических инноваций. Экономические, политические и социальные изменения, развитие рыцарской культуры находили свое отражение в словарном составе языка классической средневерхненемецкой поэзии, который по сравнению с лексикой памятников периода раннего Средневековья стал гораздо более дифференцированным и выразительным.

Среди семантических неологизмов большое место принадлежало обозначениям ведущих этических понятий рыцарства, которые являлись, в первую очередь, результатом переосмысления уже имевшихся в немецком языке слов в духе рыцарской идеологии и куртуазных представлений, например: *mâze* „sittliche Mäßigung, Selbstbeherrschung, Bescheidenheit“, *milte* „Freundlichkeit, Güte, Freigebigkeit“, *stæte* „Beständigkeit“, *tugent* „männliche Tüchtigkeit, edle, feine Sitte und Fertigkeit“, *vuoge (vuoc)* „Schicklichkeit, Wohlanständigkeit“, *zuht* „Bildung des inneren und äußeren Menschen, feine Sitte und Lebensart, Anstand“, *sælde* „Glück“, *riuwe* „Reue, Schmerz, Kummer, Mitleid“, *minne* „freundliches Gedenken, Freundschaft, Zuneigung, Liebe“, *hövesch* „hofgemäß, feingebildet und gesittet“, *edel* „adlig, edel; herrlich, kostbar“, *stolz* „stattlich, prächtig, herrlich, hochgemut“, *tiure*

(tiur) „von hohem Werte, wertvoll, kostbar; herrlich, vortrefflich, ausgezeichnet, vornehm“. Наряду с развитием абстрактной этической терминологии для рыцарской литературы было характерно значительное расширение той части лексики, которая служила для обозначения психологических состояний, переживаний и чувств человека [12, 113 и сл.]. При этом нередко использовались слова религиозной сферы, которые получали новые «светские» значения. К их числу относятся такие лексемы, как *sêle* „Seele; das Innerste eines Dinges“, *trôst* „freudige Zuversicht, Vertrauen, Mut; Ermutigung, Zusagen von Hilfe; Hilfe“, *wunne* (wünne) „Augen- und Seelenweide, Freude, Lust, Wonne, Herrlichkeit, das Schönste und Beste“, *genâde* (gnâde) „Gottes Hilfe und Erbarmen; helfende Geneigtheit, Unterstützung, Gunst, Huld, Gnade“, и др. В этом «расщеплении» старых понятий Г. Эгтерс видит один из самых значительных аспектов рыцарского (куртуазного) периода для истории немецкого языка [60, 126 и сл.]. Секуляризация религиозной лексики имела своим следствием усложнение семантической структуры соответствующих слов, в которой сосуществовали прежнее и новое значения. Так, в процессе семантического развития лексемы *wârheit* ее первичное теологическое значение «божественная (вечная) истина» не было просто вытеснено новым светским значением, развившимся в рыцарской куртуазной литературе – «поэтическая, художественная правда» (противопоставляемая лжи, вымыслу). По образному выражению Г. Эгтерса, куртуазные поэты создали как бы иное измерение понятия, наряду с которым в кругах духовенства сохранялось его старое содержание. Однако семантическая структура лексемы *wârheit* оказывается еще более сложной, поскольку в рыцарской поэзии представлены и рефлексывы повседневной обиходно-бытовой речи, где названная лексема выступала в значении «(подлинный, действительный) факт, реальность» (*Tatsache, Realität*).

Двуплановая и семантическая структура лексемы *zwîfel* (нвн. *Zweifel*), в которой религиозное значение «сомнение в божественном, в бже» („*Zweifel an Gott*“) сочетается с более общим «светским» значением «недоверие, сомнение, неуверенность» („*Zweifel, vorsichtiges Abwägen, Zurückhaltung*“) [60, 81 – 82].

Существенно расширяется в средний период за счет перехода в морально-этическую сферу и объем значений ряда слов, не принадлежавших к теологической лексике. Ярким примером подобного рода является развитие значения прилагательного *edel*, которое первоначально указывало на дворянское происхождение (ср. нвн. *Edelmann, edles Geschlecht*), использовалось при обозначении предметов или явлений, характеризующих образ жизни дворянства, а

также благородных видов или пород в природе (edel stein, нвн. Edelstein, edle Metalle). Лишь в средние века осуществляется перенос на духовные свойства человека, на возвышенный образ мыслей. Так, у Готфрида Страсбургского появляется словосочетание edele herzen «благородные сердца». Предполагают, что исходным стимулом для развития значения прилагательного edel в данном направлении послужило его употребление в сочинениях мистиков, одним из любимых выражений которых было edeliu sêle «благородная (возвышенная) душа» [51, 118].

Большую роль в становлении наддиалектного пласта лексики играли заимствования из французского языка, общее число которых за период до 1400 г. составляет около 2000 единиц [12, 118]. Значительная часть французских заимствований XII – XIII вв. отражала различные стороны жизни рыцарства, рыцарской культуры, специфику быта верхушечных слоев общества, например, ст.фр. aventure > свн. âventiure „Abenteuer, Ritterfahrt; ein Gedicht davon“; ст.фр. tornei, tournoi > свн. turnei „Tournier“; ст.фр. bohourt > свн. bûhurt „Ansturm (beim Tournier)“; ст.фр. joste > свн. tjoste „Zweikampf zu Pferde“; ст.фр. lance > свн. lanze „Lanze“; ст.фр. gavelot > свн. gabilôt „kleiner Wurfspieß“; ст.фр. pancier > свн. panzier „Panzer“; ст.фр. baniere > свн. banier „Banner“; ст.фр. palais > свн. palas „Saalbau“. Многие из этих слов составляли специфику рыцарского социолекта, поэтому с падением рыцарства они отмерли (ср.: kastelân „der kastilische Streित्रоß“, verspereide, vesperîe „vorbereitender Kampf am Vorabend“ и т.п.) или дошли до наших дней как историзмы, используемые при художественном либо историческом описании соответствующей эпохи (ср.: Buhurt, *m* „mittelalterliches Reiterkampfspiel“, Tjost, *f* „Turnierzweikampf mit scharfen Waffen im Mittelalter“ и т.п.). Однако ряд слов с более широким диапазоном употребления и более общим значением сохранился до наших дней в литературном языке и в диалектах, например: Abenteuer, Reim, Flöte, Reigen, Stiefel, Preis, Teller, Lampe, Tanz, falsch, klar, fein, rund, hurtig (свн. hurtec or hurt < ст.фр. hurt „Zusammenprall der gallopiierenden Pferde beim Tournier“), tanzen, prüfen, fehlen, kosten и др.

Наряду с прямыми заимствованиями в пору расцвета классической средневерхненемецкой поэзии были широко представлены разнообразные кальки с французского. Одни из них полностью копировали формальную структуру соответствующего французского образца, ср.: свн. dörperîe – ст.фр. vilanîe «грубость, неотесанность, мужланство»; свн. hövescheit – ст.фр. cortoisîe «куртуазность, изысканность манер»; свн. hövesch – ст.фр. corteis «изысканный, утонченный, куртуазный». Другие являлись семантическими кальками,

возникшими благодаря преобразованию семантики исконно немецких слов под влиянием значения французского лексического эквивалента. Так, прилагательное *süß*, первоначально обозначавшее лишь вкусовые ощущения (ср. днн. *suozī*), под влиянием франц. *doux* (ср. в «Песни о Роланде»: *la douce France* «милая сердцу Франция») расширяет свою семантику, приобретая лексико-семантические варианты «милый, приятный», «добрый, дружелюбный, милостивый», например: свн. *süeziu vrouwe*, *süeziu maget* (о деве Марии), *süezer vater* (о боре). Новые характерные для рыцарской среды значения приобретают уже имевшиеся в немецком языке слова *sicherheit* «слово побежденного» („das Untertänigkeitsgelübde des entlassenen Besiegten oder Gefangenen“, под влиянием ст.фр. *fiance*), *gesellschaft* „Verbrüderung zwischen zwei Rittern“ (под влиянием ст.фр. *compagnie*) и многие другие. Интересно сделанное Г. Эггерсом наблюдение [60, 135] о том, что в ряде случаев в рыцарской литературе употребление калек предшествует прямому заимствованию. Семантические кальки *sicherheit*, *gesellschaft* прослеживаются в памятниках письменности задолго до появления в них соответствующих заимствованных слов *fianze*, *kompânîe/kumprânîe*. Аналогичным образом прошло немало времени, прежде чем рядом с подвергнувшимися семантическому калькированию исконно немецкими словами *minne*, *vriundinne*, *vriunt*, *geselle* стали употребляться эквивалентные им по значению прямые французские заимствования *amîr* «любовь», *amîe* «возлюбленная; супруга; невеста», *amîs* «возлюбленный; друг». Г. Эггерс отмечает, что в памятниках докуртуазной и раннекуртуазной поры авторы более экономно используют прямые заимствования, чем куртуазные поэты. Он предполагает, что это имеет определенное социолингвистическое объяснение. Рыцарское общество докуртуазного и раннекуртуазного периода, по-видимому, не имело еще столь тесных контактов с западным соседом – Францией, как в куртуазный период. Слабее и менее распространено было и владение французским языком. Данное обстоятельство осознавали поэты того времени, которые старались обозначать новые явления и обычаи, идущие с запада, немецкими словами и выражениями, прибегая к структурному и семантическому калькированию. Существенно изменилась ситуация в куртуазный период, когда усилились контакты с французским рыцарством, знание французского языка широко распространилось в рыцарской среде, а сам стиль придворной жизни требовал от поэтов включения в их произведения большого количества иноязычных элементов. Возникшие ранее семантические кальки сохранялись и после заимствования соответствующих французских слов, причем

и те, и другие использовались в текстах параллельно, образуя синонимические пары или ряды [12, 118], например: *amîs/vriunt*, *kumprânê/gesellschaft*, *amûr/minne*, *garzun/knappe/knecht*, *gêr/sper/lanze*. Наличие подобных пар и рядов составляет одну из характерных особенностей языка куртуазной рыцарской литературы.

Калькированию подвергались и некоторые устойчивые словосочетания, ср.: свн. (*diu*) *spil teilen* – ст.фр. *partir le jeu* «вызывать на поединок; назначать виды борьбы (в рыцарском поединке)». Интересны случаи псевдоэтимологизации французских заимствований, ср.: ст.фр. *desconfiture* «поражение, неудача» – свн. *schumpfentüre* «поражение» (по ассоциации с свн. *schimpf* «насмешка, осмеяние; позор»).

Важную посредствующую роль в притоке и распространении прямых французских заимствований и калек играли Фландрия и Брабант, являвшиеся наряду с Францией образцом куртуазии, куртуазного образа жизни для немецкого рыцарства. О фламандском посредничестве, как правило, свидетельствует огласовка подобных заимствований. Так, в заимствованном слове *kolze* «башмак, туфля» (< ст.фр. *chalse*, *chauc*) ст.фр. *a* заменено н.франкск. *o*.

Лексема *ritter* представляет собой фламандско-нидерландское заимствование, подвергнувшееся «оверхненемециванию», ср.: нидерл. *riddere* > свн. *ritter*. Лексема *riddere*, в свою очередь, является калькой ст.фр. *chevalier*. Калька ст.фр. *vilain* – свн. *dörper*, *dörperaere* «вилан, мужлан; деревенщина, невежа» также пришла из Нидерландов, что явствует из ее нижнефранкской огласовки. Представленный в средневерхненемецком фонематический вариант данной лексемы *törper* позднее развился в нвн. *Tölpel*. Из этого региона начинается, по-видимому, распространение кальки *hövesch* (ст.фр. *courtois*), нвн. *höfisch* (ср. верхненемецкий вариант данного слова *hübesch*, нвн. *hübsch*). Высокий престиж Фландрии и Брабанта в глазах немецкого рыцарства отражает ряд фламандско-нидерландских заимствований, не связанных непосредственно с французской лексикой. Все они также имели наддиалектный характер, например: *ors* (с метатезой *r*; в.нем. *ros*), *wāpen* (позднее изменяет значение – нвн. *Wappen*; в.нем. *wāfen*), *blīde* «радостный, веселый», *bāneken* «прогуливаться», *snacken* «разговаривать, говорить», *trecken* «тянуть, тащить; отправляться, направляться куда-либо»; *sich muoten* «встречаться», *draben*, *traben* «бежать рысью». Часто использовавшимся и излюбленным средством словообразования в рыцарской поэзии той эпохи был заимствованный нидерландский диминутивный суффикс *-kîn*, которому в верхненемецком соответствовал суффикс *-chen*, например: *pardrisekîn* «куропаточка» (у В. фон Эшен-

баха), schapelekîn «веночек» (у Г. Страсбургского), bluemikîn «цветочек» (у У. фон Лихтенштейна).

Действие наддиалектных тенденций проявлялось и в строгом стилистическом отборе языковых средств, преобладании в рамках рассматриваемого варианта письменно-литературного языка языковых явлений нейтрального и высокого стилистического слоев [12, 127]. Прежде всего, куртуазные поэты сознательно избегали всего «мужицкого», грубого, простонародного и старались выделить собственное рыцарское сословие [113, 85; 60, 137].

Кроме того, язык куртуазной поэзии свидетельствует о сознательном отборе лексики, унаследованной от предыдущей эпохи, и об отказе от многих устаревших слов и оборотов. В отличие от докуртуазной поэзии, щедро черпавшей из древней поэтической традиции, большая часть куртуазных поэтов избегала архаичных слов, которые, по меткому замечанию Г. Эггера, существовали только в «стародедовской» (altväterisch) литературе и уже не были представлены в живой речи [60, 137]. Известным исключением в этом плане был лишь Вольфрам фон Эшенбах, который не отказывался от употребления архаичной лексики. В рыцарской поэзии почти не использовались устаревшие обозначения wîgant «воин, витязь», gesce «воин, витязь; богатырь, герой», весьма сдержанно употреблялись их синонимы – архаизмы degen, helt, что объяснялось появлением созвучных рассматриваемой эпохе слов и выражений, позволявших более точно обозначить новый, соответствующий идеалам рыцарства, тип воина-героя. Куртуазные поэты избегают употребления архаичных обозначений боя, битвы, сражения – wîc, urluoge, hergart. Весьма редки случаи использования лексемы wal «поле боя, место сражения». Среди эпитетов, характеризующих героев, старые прилагательные с общим значением «храбрый, отважный, смелый» – balt, snel, frech, vrel, vermezen, ellenhaft используются с большой осторожностью, а маге «знаменитый, прославленный» утрачивает свою популярность.

Проявления наддиалектности в языке куртуазной поэзии в немалой степени были обусловлены относительным единством рыцарской литературы, единообразием разрабатываемых сюжетов и следованием общим принципам их художественного воплощения [12, 127].

В рассматриваемом варианте письменно-литературного языка – классическом средневерхненемецком впервые в истории немецкого языка воплотился прототип надрегионального литературного языка, который занимал верхний страт функциональной парадигмы. Выше него – за пределами функциональной парадигмы

средневерхненемецкого языка в целом, но перекрывая ее верхние страты – располагалась латынь, которая продолжала в этот период использоваться в качестве средства общения в высших сферах коммуникации, ср. следующую схему:

Схема 3. Языковая пирамида немецкого языка в период Высокого Средневековья (около 1150 – 1250 гг.)

Однако существование охарактеризованного прототипа оказалось весьма недолговечным и прекратилось вместе с падением рыцарства. Высокий общественный престиж вариантов письменно-литературного языка, представленных в рыцарской литературе, затенял первоначально его другие разновидности, которые с течением времени оказались более перспективными для дальнейшей судьбы данной формы существования [113, 85]. В городах все большее влияние на развитие языка начинает оказывать бюргерство, в среде которого складываются собственные устные и письменные коммуникативные отношения. В городские канцелярии постепенно проникает немецкий язык, причем начало его использования в городских канцеляриях для разных ареалов хронологически не совпадает. Как язык грамот он с конца XIII в. постепенно распространяется с запада на восток и север [51, 114]. Обращению деловой письменности к немецкому языку способствовало и усиление роли низшего дворянства, подобно бюргерству не владевшего латынью. Как убедительно показала М.М. Гухман [77, 84 ff.], городским канцеляриям (особенно канцеляриям юго-запада) принадлежала ведущая роль в переходе на немецкий язык, который позднее распространился на документы княжеских канцелярий и на делопроизводство в имперской канцелярии. На юго-западе языковые процессы,

протекавшие в деловой письменности, стимулировались концентрацией в этом регионе большого числа литературных памятников и выдающихся поэтов (Г. фон Ауэ, Г. Страсбургский). По всей вероятности, существенное значение имело и то, что переписка литературных памятников и составление и копирование документов было нередко сосредоточено в одних и тех же руках – клерков, писцов, обслуживавших канцелярии [12, 100].

Деловая канцелярская письменность как функциональный вариант письменно-литературного языка, характеризуясь известной наддиалектностью, обнаруживала большую степень территориальной дифференциации по сравнению с другими видами письменности. Представленные в грамотах разновидности письменно-литературного языка отражали в своей фонологической и морфологической структуре, а также в лексике ареально обусловленные различия, которые варьировали от канцелярии к канцелярии. Лишь в стилистическом плане грамоты, следующие определенным образцам (нередко латинским), отличались единообразием, что проявлялось в формульности стиля и в отборе словарных единиц, поскольку употреблявшиеся здесь тематические слои лексики были общими для большинства документов (подробнее см. [12, 100 – 103]).

Другие важные предпосылки развития новых литературно-письменных форм немецкого языка были связаны с деятельностью низшего духовенства, в особенности нищенствующих орденов францисканцев (*frateres minores, minner bruder*) и доминиканцев (*bredigaere*), которые возникали с начала XIII в. в расцветающих городах. Устав этих орденов был более демократичен, а их душеспасительная деятельность способствовала установлению тесных повседневных контактов с широкими массами населения, что служило основой для развертывания социально многосторонней языковой коммуникации [111, 381; 113, 86].

В процессе языковой коммуникации религиозного характера в зависимости от состава коммуникантов и сферы общения наряду с латынью использовался немецкий язык. Проповедническая деятельность монашеских орденов францисканцев и доминиканцев сопровождалась появлением записей текстов проповедей на немецком языке, которые начали функционировать как письменно-литературные произведения (*Buchpredigt*), использовавшиеся для чтения вслух в монастырях во время трапезы. Отраженный в этих проповедях функциональный вариант письменно-литературного языка, которым пользовалось низшее духовенство, ощущавшее свою близость к простому народу, имел более широкую социаль-

ную базу, чем письменно-литературный язык рыцарской литературы.

Разновидностям письменно-литературного языка, носителями которых были представители бюргерских слоев или низшего духовенства, вначале не были свойственны сравнительно высокая степень наддиалектности и относительно большая зона влияния, которыми характеризовался так называемый классический средневерхненемецкий язык. И в языке деловой письменности, и в языке проповедей в более или менее значительной степени еще представлены диалектные особенности. К тому же, зона их влияния в каждом отдельном случае была ограничена рамками определенной территории. Однако благодаря расширенной социальной базе этих разновидностей письменно-литературного языка в них были заложены предпосылки дальнейшего языкового развития, а сами они послужили как бы костяком для образования национального литературного языка [113, 87].

Исследуя немецкий литературный язык эпохи расцвета феодальной культуры, Н.Н. Семенюк приходит к выводу, что итогом культурно-исторического и языкового развития XII – XIII столетий явилось постепенное изменение статуса литературного языка. Это изменение сопровождалось усилением роли обработанных форм языка, интенсификацией селективных процессов, которые по-разному проявляли себя в разных видах и жанрах письменности [12, 130]. Центральные сферы использования литературного языка в этот период составляли светская художественная литература и теолого-философская проза. К периферийной сфере Н.Н. Семенюк относит деловую письменность, «где использование немецкого языка еще только начинается и где такие признаки литературного языка, как обработанность, селективность и наддиалектность выражены слабее, чем в центральных сферах письменности» [12, 130 – 131]. Обладая подобными важными признаками (полифункциональностью, стилистической дифференциацией), немецкий литературный язык XII – XIII вв. в разной степени сохраняет и способность к территориальному варьированию. В силу этого немецкий литературный язык рассматриваемого периода не обладал еще единообразием и на всех уровнях обнаруживал тенденцию к варьированию языковых средств, которая усиливала нестабильность его системы.

3.3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ НЕМЕЦКОГО ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В XIV – XV ВВ.

Развитие немецкого литературного языка не представляло собой непрерывного «восхождения» от одной и той же основы. Напротив, оно характеризовалось прерывистостью, сменой или одновременным выдвиганием нескольких языковых центров, конкурирующих друг с другом (ср. [56, 1781]). Плюрицентризм развития немецкого литературного языка особенно ярко проявился в первой половине ранненововерхненемецкого периода (XIV – XV вв.). В это время под влиянием изменений в экономической, политической, социальной и культурной жизни в Германии (подробнее см. [12, 131 и сл.]) произошли существенные сдвиги в языковой ситуации.

Прежде всего, функциональная парадигма немецкого языка XIV – XV вв. пополнилась новым наддиалектным образованием – городскими койне, оформлявшимися на основе интеграционных процессов в устном общении городов. Появление наддиалектных койне было обусловлено негетогенным составом городского населения [12, 146], тем, что в городах соприкасались в своей производственной деятельности и в процессе коммуникации выходцы из разных диалектных ареалов. Диалекты, сохранявшие свои примарные и секундарные признаки, продолжали оставаться средством повседневного устного общения сельского населения. Важной чертой языковой ситуации в рассматриваемый период является то, что, несмотря на сохранение латино-немецкого двуязычия и престижность латинского языка в высших сферах коммуникации, постепенно расширяются сферы применения немецкого языка. Особую весомость приобретал родной язык в деловой коммуникации, куда он начал проникать уже с первой половины XIII в.

Определенные слои населения все ярче осознавали, что диалект в силу своей локальной ограниченности недостаточен для решения новых задач, связанных с коммуникацией на родном языке.

Городской патрициат, ремесленники, купцы, представители дворянства, а к концу рассматриваемого периода первопечатники все больше испытывали потребность в таких языковых формах, которые получили бы признание в обширном политическом и экономическом регионе и сохраняли бы свою значимость далеко за пределами определенного конкретного города. Этой потребности отвечало возникновение в разных политических, культурных или экономических центрах региональных вариантов письменно-литературного языка, имевших наддиалектную значимость. Выступая одновременно в качестве языка канцелярий, языка делового обще-

ния, языка первопечатников, они представляли собой разные функциональные варианты письменно-литературного языка [113, 105]. Кроме того, они обнаруживали и различия, обусловленные социальной принадлежностью тех, кто ими пользовался и занимался их обработкой.

На северо-западе уже в XIII в. сложился особый вариант письменно-литературного языка, который позднее стал основой национального нидерландского литературного языка.

На севере и в значительной части средней Германии, в сфере господства Ганзы широкое признание получил средненижненемецкий вариант письменно-литературного языка, оформившийся в XIV в. на базе городского койне Любека [51, 165; 12, 148], который являлся политическим и культурным центром ганзейского союза. Тесные экономические и политические связи ганзейских городов друг с другом и с их торговыми филиалами в Англии, в скандинавских странах, в Прибалтике и в России настоятельно требовали преодоления диалектных различий. Эта потребность вызвала к жизни средненижненемецкий вариант письменно-литературного языка, который в период расцвета Ганзы играл важную роль в языковой коммуникации Северной Европы. Он был источником заимствований в скандинавские языки. Влияние данного варианта письменно-литературного языка оказалось стойким не только благодаря тому, что он служил средством коммуникации в торговле ганзейских городов, но и потому, что нижненемецкие сборники городского права имели широкое распространение за пределами Ганзы. Особым авторитетом пользовались городские канцелярии Любека, Магдебурга, Гослара, Брауншвейга, Падеборна, Дортмунда и Зоста. Кроме того, средненижненемецкий был языком переписки маркграфа бранденбургского, графов шверинских, гольштейнских, использовался в деловой переписке с Данией. На этом варианте создавалась многообразная литература разных жанров. После изобретения книгопечатания печатники Любека сохраняют верность местному варианту литературного языка. Нижненемецкие книги печатались и за пределами нижненемецкого ареала: в Кёльне – нижненемецкая Библия, в Майнце – Саксонская хроника.

М.М. Гухман отмечает свойственные средненижненемецкому обособленность и сопротивляемость проникновению «чужих» закономерностей других письменно-литературных традиций, что, по ее мнению, отражает общую позицию ганзейского союза по отношению к другим районам страны [12, 148]. С утратой ганзейскими городами в середине XVI в. экономического и политического значения и падением Ганзы рассматриваемый вариант письменно-лите-

120

ратурного языка переживает упадок и постепенно выходит из употребления, дольше всего продержавшись в Прибалтике.

В плане соотносительности с диалектной базой для средненижне-немецкого варианта письменно-литературного языка первоначально были характерны остфальские черты, к которым позднее присоединились вестфальские и частично фламандско-брабантские [84, 156; 113, 106]. Этот вариант письменно-литературного языка сохранял свою значимость не только для старой территории распространения нижне-немецкого, но и для колонизованных областей северо-востока (где в результате восточной экспансии стали складываться восточнонижне-немецкие диалекты), выполняя роль посредствующего звена между ними.

В период своего расцвета во второй половине XIV в. и в первой половине XV в. средненижне-немецкий вариант письменно-литературного языка оказывал влияние и на региональные варианты верхне-немецкого ареала. Его излучающая сила проявлялась в том, что не только лексика, связанная с торговым делом, но и правовая терминология заимствовались в другие варианты. Распространению правовой терминологии способствовало то, что любекское право имело авторитет образцового и было принято многими другими городами [51, 166; 113, 106].

Действие тенденции к образованию региональных вариантов немецкого письменно-литературного языка проявлялось и в других областях. Особенно важную роль при образовании подобных вариантов играли канцелярии, при помощи которых осуществлялось административное управление феодальными территориями. Среди них наибольшим авторитетом пользовались имперская канцелярия, находившаяся в XIV в. в Праге, а в XV в. в Вене, а также канцелярии самых влиятельных курфюрстов. В соответствии со временем существования разных политических, экономических и культурных центров, в XIV и XV вв., помимо названных выше, складывались и другие региональные варианты письменно-литературного языка, которые были признаны авторитетными на соответствующей феодальной территории, являлись результатом языкового выравнивания внутри нее и имели наддиалектный характер. Они находили применение в официально-деловой сфере, при создании произведений художественной литературы, при чтении религиозных проповедей, используя во всех этих сферах наряду с латынью.

Во второй половине XIV в. в Пражской имперской канцелярии Карла IV культивировался баварско-восточнофранкско-богемский региональный вариант письменно-литературного языка, который

характеризовался наддиалектностью и несмотря на отдельные специфические особенности обнаруживал определенные надрегиональные черты, проявлявшиеся в сочетании южнонемецких и средненемецких признаков [113, 107; 12, 157]. Однако данный вариант возник не в Праге. В период его использования Богемия, в которую немецкие переселенцы принесли с собой верхненемецкие диалекты, являлась центром раннего гуманизма и переживала значительный подъем в развитии науки и культуры. По-видимому, Прага оказалась бассейном, вобравшим в себя сформировавшуюся уже до того баварско-восточнофранкскую письменную традицию, как она складывалась в крупных культурных центрах городской культуры – Эгере, Нюрнберге и Регенсбурге [61, 48; 113, 107]. Вместе с тем, уровень языкового выравнивания и нормализации был сравнительно невысок и историческая роль данного регионального варианта не должна переоцениваться, подобно тому, как это делали К. Бурдах и его ученики, считавшие Прагу первоначальным очагом формирования основ новонемецкого литературного языка. Однако эта разновидность письменно-литературного языка, которая в равной степени пользовалась признанием в Праге, Регенсбурге и Нюрнберге, имела большое значение, поскольку она выполняла исторически обусловленную функцию посредствующего звена между баварским юго-востоком и саксонско-тюрингенским регионом, что было весьма существенно для дальнейшего языкового развития на территории всей Германии.

На востоке Средней Германии в государстве Веттинов – курфюршестве Саксония-Виттенберг развивалась деятельность княжеской канцелярии, связанной разносторонними отношениями с другими канцеляриями, в особенности с имперской канцелярией в Вене. Этой канцелярии принадлежала решающая роль в образовании в XV в. восточносредненемецкого регионального варианта письменно-литературного языка, который получил признание в Верхней Саксонии, Тюрингии, Силезии, отдельных районах Богемии, а также во владениях Тевтонского ордена [113, 108]. Основой восточносредненемецкого варианта письменно-литературного языка были территориальные диалекты названных областей, которые – за исключением тюрингенского – сложились на колонизованных землях в результате взаимодействия наречий переселенцев из всех частей старой территории распространения немецкого языка. Благодаря смешению и слиянию верхненемецких, средненемецких и, в менее значительной степени, нижненемецких элементов здесь сложился нивелированный восточносредненемецкий тип языка с определенными территориальными градациями. Пре-

122

имуществом названного типа языка Т. Фрингс считал то, что его письменная разновидность была близка к устной и поэтому отличалась образностью и непринужденностью. Согласно концепции Т. Фрингса, это объясняется тем, что восточносредне немецкий вариант письменно-литературного языка существовал сначала в виде устного койне и лишь позднее получил письменную фиксацию в деловой письменности канцелярии саксонского курфюрста в отличие от других вариантов письменно-литературного языка, которые в большей или меньшей степени были продуктом письменной деятельности канцелярии [113, 108].

На юго-востоке в бассейне Дуная от Вены до Регенсбурга и Аугсбурга в XIV – XV вв. на основе восточножюнемецких диалектов также сложился региональный вариант письменно-литературного языка, специфика которого во многом определялась письменной традицией Венской городской канцелярии [61, 141; 102, 108]. Его название – «общий немецкий язык» (das „gemeine Deutsch“) – указывало, с одной стороны, на стилистическую простоту, безыскусность в противоположность риторически возвышенным формам речи, а, с другой стороны – на нивелированный, наддиалектный характер [87, 95]. После перенесения имперской канцелярии из Праги в Вену в 1440 году данный вариант был принят и в ней как образцовый. Хотя в первое десятилетие после перемещения имперской канцелярии в Вену и здесь еще сохранялись особенности пражской письменной традиции, с течением времени по мере замены и пополнения обслуживающего персонала австрийцами все больше закреплялись венские черты.

Авторитет имперской канцелярии особенно возрос при Максимилиане I (1486 – 1519), когда несмотря на некоторое усиление баварско-австрийских элементов в языке деловой письменности четко прослеживается стремление избегать наиболее резких диалектных признаков. В канцелярии велась сознательная обработка письменного языка. Канцлер Максимилиана I Никлас Циглер проявлял заинтересованность в проведении орфографической реформы [61, 143; 87, 95].

Восточножюнемецкий вариант письменно-литературного языка использовался не только в имперской канцелярии, оказывая оттуда влияние на все области Германии далеко за пределами феодальной территории Габсбургов, но и в устном деловом общении, а также при создании произведений художественной литературы [113, 108]. Большое значение имело и то, что им пользовались известные писатели (в частности, Ганс Сакс и Себастиан Франк), а также крупные типографии Нюрнберга и Аугсбурга.

В XIV – XV вв. литературный язык наддиалектного типа реально существовал лишь в виде региональных вариантов, что наглядно показывает следующая схема, в которой графически представлена структура функциональной парадигмы немецкого языка в целом для рассматриваемого периода:

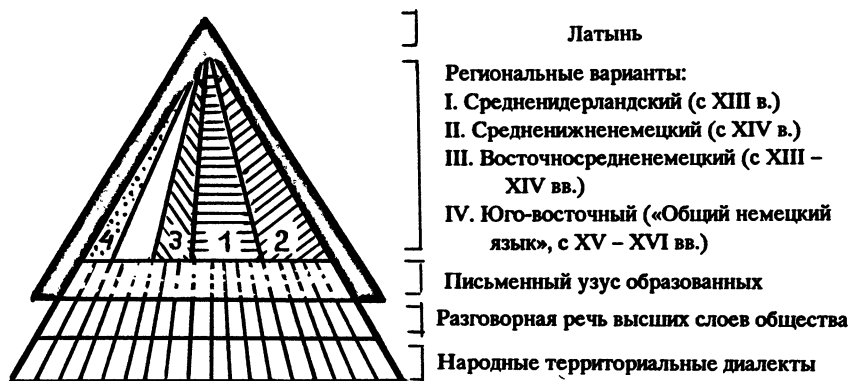

Схема 4. Языковая пирамида немецкого языка в период позднего Средневековья (приблизительно 1250 – 1500 гг.)

Региональные варианты не имели еще строгой кодификации и характеризовались «открытой» нормой, допускающей в определенных фиксированных пределах относительно большую вариативность. Ганс Мозер считает ее предпосылкой для постепенного сближения региональных вариантов, для языкового выравнивания [92, 1400]. Действенными факторами, регулирующими подобное выравнивание, по его мнению [92, 1404], являлись:

- ареал употребительности (*das Geltungsareal*) языковой единицы – из конкурирующих форм наилучшие шансы получить общезыковое признание имеет та, которая характеризуется наиболее широким распространением;
- степень употребительности (*der Geltungsgrad*) – более/менее высокая частотность употребления по сравнению с конкурирующими вариантами;
- уровень престижности (*die Geltungshöhe*) – преимущество имеют варианты, которые употребляются отправителями информации, обладающими высоким социальным престижем;
- место в языковой структуре – варианты, находящиеся в русле продуктивных тенденций развития языковой системы, имеют больше шансов, чем те, которые могли бы нарушить сложившиеся структурные отношения.

Вполне понятно, что по меньшей мере с учетом первого (ареал употребительности) и третьего (уровень престижности) факторов, решающая роль в процессе выравнивания должна была принадлежать крупным княжеским канцеляриям.

Поскольку все крупные феодальные государства объединяли области разных языковых ландшафтов, то в них ощущалась настоятельная потребность в преодолении локальных языковых противоречий. Городские канцелярии с межрегиональным радиусом общения, деятельность которых развивалась на фоне многосторонних политических и экономических отношений, также были заинтересованы в этом.

Потребность в языковом выравнивании, особенно на востоке территории распространения немецкого языка, диктовалась общей политической и культурной обстановкой. Городские канцелярии северной оконечности Баварии и Верхней Франконии (Регенсбург, Нюрнберг, Вюрцбург, Бамберг) прежде других открылись для рейнскофранкского и (западно)средненемецкого влияния [92, 1404]. Они рано вступили во взаимодействие с Аугсбургом, с богемскими и восточносредненемецкими центрами письменности (Эгер, Прага, Лейпциг, Эрфурт и др.). Поскольку территориальный и политический центр тяжести всех крупных немецких феодальных государств с присущей им потребностью в языковом выравнивании (которая вырастала из необходимости управления этими владениями) располагался на востоке территории распространения немецкого языка, то формы, представленные в письменности данных языковых ландшафтов, в отличие от политически раздробленного запада часто обладали преимуществом более широкого ареала употребительности. Это опосредованно способствовало престижности подобных форм, которая закреплялась еще и благодаря тому, что они распространялись через имперскую канцелярию. Поэтому Ганс Мозер считает вполне правомерной мысль В. Беша о том, что в XV в. победа того или иного варианта в деловой письменности зависела также от лингвогеографической конstellации, от такого действенного фактора, как «комбинаторика языковых ландшафтов».

По признакам унифицированности, ареала употребительности, уровня престижности (применительно к канцеляриям самых крупных территорий) различия по степени социальной престижности внутри отдельных языковых ландшафтов перекрывались региональными различиями между ними.

Во второй половине XV в. на территории распространения немецкого языка сосуществовали два региональных варианта пись-

менно-литературного языка, обладавшие высоким социальным престижем – восточносредненемецкий и восточноюжнонемецкий [113, 108]. Оба они получили признание далеко за пределами их первоначального возникновения, включали «чужие» элементы и, несмотря на присущие каждому из них специфические особенности, сближались друг с другом в существенных чертах. В процессе взаимодействия различных вариантов письменного-литературного языка и языкового выравнивания (данный процесс вплоть до настоящего времени все еще продолжает оставаться недостаточно полно исследованным) участвовали также северо-запад с центром Кёльн и крайний юго-запад – немецкоязычная Швейцария, однако, здесь в течение продолжительного времени доминировали локальные черты.

Характеризуя процессы интеграции территориальных вариантов литературного языка, которые являлись одним из важных признаков языковой ситуации в Германии в XIV – XV вв., М.М. Гухман подчеркивает индуцирующее влияние юго-востока, а позднее средне-восточных закономерностей, что было обусловлено ведущей ролью этих районов во всей жизни страны [12, 160]. Согласно ее наблюдениям, иносистемные излучения в письменно-литературном языке в рассматриваемый период имели преимущественно определенную пространственную направленность: очаги этих излучений были расположены на востоке страны, в южном и средненемецком ареале. В отличие от последующих десятилетий, встречного движения из других ареалов по направлению к названным очагам языковых излучений в этот период практически не было.

Выравнивание в крупных канцеляриях ведущих языковых ландшафтов в восточных регионах к 1500 году продвинулось настолько, что принятые в них системы графем и морфем могут восприниматься почти как подсистемы воображаемой, но еще не получившей реализации идеальной системы [92, 1405; 87, 97]. Поскольку требование полной унификации в орфографии и морфологии еще было чуждо тогдашнему пониманию нормы, то, по мнению Г. Мозера, эти подсистемы могли восприниматься современниками как некий язык (ср. известное высказывание М. Лютера об „eine gewisse Sprache“; см. также [61, 149 и сл.]). Несмотря на все региональные различия и вариативность, допускаемую внутри региона или в канцеляриях, они отличаются рядом признаков, являющихся конститутивными для системы новонемецкого литературного языка, а именно: сочетание новых монофтонгов с дифтонгами; совпадение средневерхненемецких рядов дифтонгов (ei, ou, öu) с новыми диграфами (< свн. î, û, iu); обозначение качества гласных при помощи

удвоения согласных (прежде всего внутри слова) или, соответственно, использование знаков долготы (-e, -h); проведение дифференциации между вокализмом флексивных окончаний, где обобщался редуцированный гласный [-ə-], и словообразовательными морфемами, в которых предпочтительным оказывался иной гласный; первые попытки обозначения умлаута с учетом его морфологической и словообразовательной функций; тенденция к обобщению редуцированного гласного [-ə-] в старых префиксах (ge-, be-, ent-, er-, ver-, zer-); новые правила написания s и [ʃ]. Система флексии также обнаруживает относительное единство в своем соответствии новонемецкому типу. По многим из отмеченных линий развития впереди идут крупные канцелярии. Так, проведению дифтонгизации в восточносредненемецком регионе во многом способствовала канцелярия саксонского курфюрста; предпочтение варианта написания с -o- в словах типа *sunst/sonst*, малая частотность *ue* (< свн. *uo*) были характерны на юге для письменности высокой сферы (имперская канцелярия; севернобаварские и восточнофранкские города). Их примеру следовали другие уровни письменности (в том числе и более низкого ранга) в обоих регионах. Таким образом, ведущие канцелярии служили в этом отношении примером и образцом для подражания, что объяснялось их социальной ролью и прагматикой исходящих из них текстов.

Иначе проявлялось действие тенденции к надрегиональности в лексике. Непонятные слова из «чужих» диалектов могли привести к недоразумениям и затруднить использование текстов. Этого возможно было избежать, употребив рядом друг с другом два синонима, отличающихся наиболее широким региональным распространением. Если будет непонятен один из них, то по меньшей мере может оказаться известным другой: *dicke* и *oft*, *wíssage* и *prophétie*, *bekorunge* и *versuochunge*, *oblade* и *hostie* и т.п. Подобные лексические дубликаты весьма характерны для немецкого письменнo-литературного языка XV и начала XVI вв. [87, 97]. В целом в процессе языкового выравнивания на востоке территории распространения немецкого языка примерно до 1500 года сравнительно молодая и не имеющая богатой письменной традиции средненемецкая область больше воспринимала от южного языкового ландшафта, чем он от нее, что согласуется со сравнительно прочной и единообразной письменной традицией этого региона на начальном этапе развития и его выдвиганием на передний план при переходе на немецкий язык в сфере правовой деятельности. Самое позднее после распространения новых дифтонгов (конец XV в.), восточносредненемецкий вариант письменнo-литературного языка занял то домини-

нирующее положение, которое подчеркивал Т. Фрингс, поскольку названный вариант уже по своей структурной специфике должен был восприниматься как более надрегиональный, чем его южный конкурент [92, 1406]. Выдвижению восточносредненемецкого варианта благоприятствовало и то, что в этом регионе (в отличие от юга, где разговорный язык имел собственную традицию, которая меньше подвергалась влиянию письменного языка) возникло устное койне, с самого начала обнаруживавшее важные черты структурной общности с письменным языком и, по-видимому, уже частично находившееся под его влиянием. Это содружество письменного и разговорного языка позднее помогло восточносредненемецкому варианту (так называемому «мейссенскому языку») продвинуться к вершине языковой пирамиды.

Растущее политическое и экономическое значение востока средней Германии и, прежде всего, движение Реформации создали в конечном итоге условия для того, чтобы после 1500 года только восточносредненемецкий вариант стал ведущим в процессе развития немецкого национального литературного языка. С этого времени канцелярии уступают свою важную роль в качестве движущей силы и образца в языковом выравнивании книгопечатанию и языку первопечатников, образцовым авторам (в особенности, М. Лютеру), а также грамматистам и педагогам.

Значение канцелярий для истории немецкого литературного языка заключалось в том, что они оставили в наследство новым движущим силам относительно прочный каркас внешних языковых форм. В ходе последующего развития они неизменно способствовали тому, чтобы ввести во всех регионах образцовый письменный узус и добиться его победы.

Постепенное включение первопечатников в процесс языкового выравнивания начинается уже во второй половине XV в. Изобретение книгопечатания со сменными металлическими литерами Й. Гутенбергом впервые упоминается в Кёльнской хронике 1499 года, где оно зафиксировано под 1440 годом (точная дата не установлена) (подробнее см. [3]). Это техническое достижение открыло совершенно новую перспективу для развития литературного языка, поскольку оно сопровождалось серьезной перестройкой процесса коммуникации [113, 109 и сл.; 80, 1416].

Та информация, которая до этого фиксировалась в виде рукописи, доходила лишь до немногих и, как правило, преподносилась более широкому кругу ее получателей в устной форме. С появлением печатной продукции каждый умеющий читать мог через книгу принимать непосредственное участие в духовной жизни своего вре-

128

мени. Первопечатники, среди которых было немало высокообразованных людей, выступали как посредствующая инстанция между автором и читательской публикой. При этом первопечатники не только делали текст физически доступным, но и способствовали взаимопониманию в сфере культуры, нередко подвергая текст унифицирующей или стилистической обработке, которую они выполняли сами или поручали компетентным лицам [80, 1416].

Изобретение книгопечатания отвечало всеобщей назревшей культурной потребности, о чем свидетельствуют следующие данные: спустя полстолетия после первых попыток Й. Гутенберга в 260 европейских городах насчитывалось 1120 типографий, которые за этот промежуток времени выпустили более 40000 изданий [61, 145]. Вначале в печатных изданиях преобладала латынь. Даже около 1520 года 90% всех напечатанных в Германии книг составляли написанные на латинском языке, в 1570 году они все еще составляли 70%. Однако постепенно росло значение немецкого языка. После появления, начиная с 1445 года, первопечатных изданий Й. Гутенберга в Майнце, печатное дело распространяется оттуда в другие крупные южно- и западнонемецкие торговые города: новыми книгоиздательскими центрами становятся Бамберг (1452), Кёльн (1462), Аугсбург и Базель (1465), Нюрнберг (1470), Любек (1475).

Около 1500 г. на юго-востоке печатное дело было сосредоточено в Мюнхене, Вене и Ингольштадте, в Швабии – в Тюбингене, Ульме и Аугсбурге, в верхнерейнско-алеманской области – в Страсбурге и Базеле, в Швейцарии – в Берне и Цюрихе. В нижненемецком ареале книгоиздательскими центрами были Любек и Магдебург, позже – Брауншвейг и Гамбург, в западносредненемецком – Кёльн (где печатали также на нижненемецком), Майнц, Вормс и Франкфурт, в восточнофранкском – Нюрнберг и Бамберг, в восточносредненемецком – Лейпциг, а после 1502 года – также Эрфурт и Виттенберг.

Первая библия на латинском языке, печатание которой было начато Й. Гутенбергом, увидела свет около 1452 – 1456 гг. На немецком языке первая библия была опубликована в Страсбурге в 1466 году Й. Ментелином.

Основой для первопечатных изданий вначале служили уже имевшиеся рукописные книги; лишь в 1494 году появилась первая рукопись на немецком языке, специально предназначенная для набора – это «Корабль дураков» Себастиана Бранта [87, 95]. Печатники долгое время находились под влиянием письменной традиции, отраженной в рукописях, и узуса, которому следовали создававшие их писцы и переписчики. Выбор языковой формы мог за-

висеть от местной письменной традиции, от происхождения издателя, наборщика или печатника. Тиражи на первых порах были ограничены (в среднем 250 экземпляров) и предназначались для регионального рынка. Как правило, в первых печатных изданиях использовались региональные или территориальные варианты письменно-литературного языка, принятые в той области или городе, где находилась соответствующая типография. Таким образом, первые печатные издания в XV в. лишь продолжали старые традиции письменно-литературного языка, и сознательной нормализации на заре книгопечатания не было и не могло быть [9, 75]. Каждый печатник был экономически заинтересован в том, чтобы его продукция нашла как можно большее число читателей и на возможно более обширной территории, однако он мог приблизиться к осуществлению этой цели лишь относительно. Вплоть до XVI в. печатники были лишены возможности использовать единый общепризнанный письменно-литературный язык, поскольку такового в то время еще не существовало. Как уже было показано выше, параллельно сосуществовали несколько вариантов письменно-литературного языка, каждый из которых, характеризуясь наддиалектностью, имел тем не менее определенный ареал употребительности. Печатники должны были в языковом отношении ориентировать свою продукцию на региональный рынок сбыта, для которого она и предназначалась. Вместе с тем экономические интересы печатников стимулировали процессы унификации, выравнивания и сближения территориальных разновидностей письменно-литературного языка, так как в конечном итоге лишь те издания сулили им прибыли, которые были понятны в больших регионах территории распространения немецкого языка благодаря использованию наддиалектных региональных форм. Примечателен в этом аспекте следующий пример из практики издательской деятельности цюрихского печатника Мартина Фрошауэра [87, 95]: в его дешевом карманном издании библии отражены представленные в ту пору во всем юго-восточном регионе новые дифтонги *ei*, *au*, *eu* (в Цюрихе до сих пор произносят соответствующие узкие долгие гласные *ī*, *ū*, *ü*), тогда как в дорогих крупноформатных изданиях ин-фолио представлена, скорее, более древняя звуковая ступень, которая соответствовала также состоянию фонетической системы местного диалекта. Карманное издание предназначалось для широкого рынка, а крупноформатная библия – для родной алеманской области.

Значение раннего книгопечатания для истории немецкого литературного языка не ограничивалось тем, что оно стимулировало процесс языковой унификации. В отличие от языка канцелярий,

ориентированного преимущественно на официально-деловую сферу письменной коммуникации, язык первопечатников носил полифункциональный характер, который в дальнейшем все более усиливался. Печатники издавали самые разнообразные по содержанию и жанровой принадлежности книги: от ученых трудов и руководств по овладению навыками чтения до развлекательной литературы [61, 147; 13, 20 и сл.]. Именно благодаря этому они способствовали решению задачи, которую не способны были выполнить канцелярии. Канцелярии могли предложить определенные орфографические правила (которые восприняли от них печатники), однако они не были в состоянии оказывать широкое влияние на формирование единого общепризнанного литературного языка из-за функционально-стилевой ограниченности принятых в них вариантов письменно-литературного языка. Книгопечатание, охватывая разнообразные материалы и адресуя свою продукцию разным социальным группам читателей, оказывало гораздо большее воздействие на процесс становления литературного языка, стимулируя его отход от официально-делового стиля канцелярий и расширение сфер его применения [61, 147]. Таким образом, для последней фазы развития немецкого литературного языка в период позднего Средневековья накануне раннебуржуазной революции в Германии были характерны процессы отбора, выравнивания и сближения между разными территориальными и региональными вариантами письменно-литературного языка, в которых в большей или меньшей степени принимали участие все территориальные ландшафты – при доминировании восточносредне немецкого и восточноюжнотурецкого – и все слои населения [113, 109]. Уже в рамках рассматриваемого периода закладывались предпосылки для позднейшего становления новой формы существования, имеющей значимость для всей территории распространения немецкого языка, – национального литературного языка. В связи с перемещением центра политического и экономического развития в феодальные территории юго-востока и среднего востока наблюдается и передвижение центра языкового развития в целом. Если в период развитого Средневековья в ходе исторической эволюции немецкого литературного языка доминировали франкский и алеманский регионы, то в XIV – XV вв. ведущая роль перешла к баварскому юго-востоку и средненемецкому востоку [113, 110].

СТАНОВЛЕНИЕ НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

4.1. ОСОБЕННОСТИ НАЧАЛЬНОЙ ФАЗЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ГЕРМАНИИ

Формирование немецкого национального литературного языка представляло собой длительный процесс, в котором явно выделяются два этапа: начальный (конец XV в. – середина XVI в.) и завершающий (середина XVII в. – конец XVIII в.).

На первом из них определяется и закрепляется региональная основа формирующегося национального литературного языка, начинаются его сознательная обработка и постепенное распространение на всю немецкоязычную территорию, сопровождающееся вытеснением других региональных вариантов.

К концу второго этапа формирование общенемецкого национального литературного языка (в особенности, его письменной разновидности) в целом завершается, и позднее продолжается его дальнейшее развитие и совершенствование.

В начале XVI в. немецкий язык представлял собой довольно разветвленную систему форм существования, различия между которыми определялись территориальной и социальной значимостью, степенью обработанности, функционально-стилевой дифференциацией, коммуникативными нормами использования. Основание языковой пирамиды по-прежнему составляли территориальные диалекты, большое количество которых свидетельствовало о весьма дробном членении территории распространения немецкого языка. Родной диалект был первой формой существования, с которой сталкивалось в своей жизни большинство людей той эпохи. Однако новые коммуникативные потребности, возникшие в канун и, в особенности, во время бурных событий Реформации и Крестьянской войны в Германии, побуждали все более широкие слои населения выходить за рамки этой первичной формы проявления языка, вовлекая их в общий процесс надрегиональной коммуникации [112, 535; 80, 1416]. Начавшееся в конце XV в. благодаря изобретению и распространению книгопечатания проникновение немецкой письменности в разные сферы общения в первой трети XVI в. стало еще более интенсивным. В силу этого (прежде всего в городах, но также и в сельской местности) значительно расширился круг

лиц, владеющих основами чтения и письма. Этот слой населения в процессе обучения приобретал к тому же навыки по большей части пассивного владения определенными региональными вариантами письменно-литературного языка и отдельными функциональными стилями.

Сложившиеся к 1500 г. региональные варианты письменно-литературного языка, таким образом, подвергались проверке на практике в процессе удовлетворения коммуникативных потребностей широких масс населения, а социальная база немецкого языка становилась более гетерогенной [13, 6]. Взаимопонимание на уровне письменно-литературного языка не вызывало особых затруднений, однако в процессе все прогрессирующего распространения немецкой письменности крепло осознание того, что большое количество вариантов неблагоприятно сказывается не только на практике общения, но и на школьном обучении.

Несомненным прогрессом для рассматриваемого периода было повсеместное распространение в городах начальных школ (*Elementarschulen*), главное назначение которых заключалось в том, чтобы обучить чтению и письму на родном языке тех детей, которые собираются заняться ремеслами или другими видами практической деятельности [65, 393; 112, 537]. Начиная с XV – XVI вв. стали издаваться многочисленные пособия по овладению навыками письма и чтения на немецком языке.

Для желающих получить университетское образование непременным условием было обучение в латинских школах, поскольку позиции латыни как международного языка науки продолжали оставаться весьма прочными и под влиянием гуманизма даже частично окрепли. При существовавшем тогда уровне развития немецкого литературного языка внезапная замена «могущественной» латыни как средства международного научного общения родным языком была невозможна, поскольку не сложился еще общепринятый функциональный стиль немецкой научной речи, достаточно динамичный для закрепления и отражения достижений стремительно развивающихся наук. Отсутствовал в то время и единый национальный литературный язык, в рамках которого мог бы развиваться подобный функциональный стиль. Однако с начала XVI в. латынь постепенно начинает сдавать свои позиции немецкому языку. Благодаря увеличению объема устной и письменной коммуникации широких слоев населения в надрегиональном и национальном масштабе, немецкий язык завоевывает новые сферы функционирования, а формы его существования теснее сближаются друг с другом [112, 538].

Развитие книгопечатания явилось важным материально-техническим условием для широкого распространения массовой агитации – пропагандистской и полемической литературы в период Реформации и Крестьянской войны. Тиражи листовок, заменявших в XVI в. газеты и журналы, составляли в каждом выпуске около 1000 или 1500 экземпляров. А это, как отмечает Г. Шиб, означало, что социальные круги, которые прежде мало или вовсе не соприкасались с коммуникацией на письменно-литературном языке, внезапно могли оказаться вовлеченными в нее широким фронтом [112, 538]. Чем злободневней было содержание листовок, тем быстрее распространяли их торговцы-разносчики вплоть до самых отдаленных мест. Повсюду находился кто-либо, кто мог их прочесть сам или зачитать вслух для других. Поскольку содержание листовок касалось вопросов, общих для всех социальных групп на национальном уровне, оно схватывалось интуитивно даже теми, кто не владел активно письменно-литературным языком.

В период Реформации и Крестьянской войны коммуникативные отношения характеризовались той примечательной особенностью, которую Г. Шиб назвала социальной интерференцией [112, 543]. Одним из главных факторов, благоприятствовавших подобной социальной интерференции, было то, что восставшие крестьяне, часто не умевшие ни читать, ни писать, при составлении официальных письменных документов, содержавших их жалобы или просьбы, не могли обойтись без помощи сочувствовавших им представителей образованных слоев. Эти документы по большей части составлены опытными писарями, владевшими определенным территориальным вариантом письменно-литературного языка, а также имевшими необходимые юридические познания, и выдержаны в стиле, который соответствовал назначению и положению адресата. Крестьяне, хотя они и говорили на диалекте, по-видимому, понимали язык документов, составленных от их имени, даже при наличии в нем проявлений наддиалектности, т.е. пассивно владели соответствующим региональным вариантом письменно-литературного языка [112, 539 – 540]. Кроме того, крестьяне обычно не читали эти документы сами (и, по всей вероятности, не могли их прочесть), но они им зачитывались вслух или разъяснялись проповедниками на доступном для них языке. Опытные образованные посредники были нужны крестьянам и в тех случаях, когда необходимо было обратиться в вышестоящие инстанции для ведения устных переговоров.

«Приобщение» крестьян к письменно-литературному языку происходило не только в столкновениях с классовыми противника-

ми, но и в контактах со своими союзниками, и, в первую очередь, с прогрессивными представителями городской интеллигенции. Выразители идей и устремлений обеих союзных сторон принадлежали к кругам образованных людей, наделенных к тому же даром речи, силой убеждения и недюжинным ораторским талантом. Их языковая практика нередко служила образцом для окружения. Жизнь этих высокообразованных людей – проповедников с теологической подготовкой, ученых-гуманистов – была насыщена событиями, они совершали путешествия, весьма протяженные для того времени, а их головокружительная профессиональная карьера способствовала значительному отдалению от социального положения и сферы деятельности родителей. В силу этого их собственное языковое развитие протекало в условиях постоянно меняющихся и расширяющихся коммуникативных отношений [112, 542]. Сказанное относится, в первую очередь, к М. Лютеру, Т. Мюнцеру, А. Дюеру.

Сдвиги в коммуникативных отношениях, связанные с социальной интерференцией, способствовали переоценке доминирующей роли латыни в общей функциональной системе языков и форм их существования, используемых обществом.

Одной из важных особенностей начальной фазы становления национального литературного языка было значительное расширение сфер применения немецкого языка. Растет число исторических хроник и повествований об исторических событиях на немецком языке. Уже с конца XV в. развивается немецкая художественная проза – в народных книгах, в прозаических переложениях средневековой рыцарской поэзии. Переводчики из кругов немецких гуманистов: Йоганнес Рейхлин, Никлас фон Виле, Генрих Штейнхойель, Альбрехт фон Эйб и др. осуществляли переводы на немецкий язык произведений античной и современной им европейской (в первую очередь, итальянской) литературы (подробнее см. [13, 21 и сл.]). Все реформаторские труды XVI в., а также памфлеты, послания, сатиры написаны почти исключительно на немецком языке. Широкое распространение получила религиозная и религиозно-дидактическая литература разных жанров – евангелия, жития святых и христианские легенды, проповеди, полные переводы библии. В эпоху Реформации и Крестьянской войны большой популярностью пользовалась религиозно-полемическая и политическая литература на немецком языке, отражавшая актуальные вопросы современности.

Согласно образному выражению М.М. Гухман, «появление массовой агитационной литературы вдохнуло новую жизнь в письмен-

но-литературный язык» [13, 51]. Благодаря этому «языковые пласты, которые ранее преимущественно существовали вне письменно-литературного языка, получили доступ в письменность, обогащая письменный литературный язык, сближая его с устными формами общения и тем самым влияя на его развитие» [Там же]. В этом М.М. Гухман видит тенденцию к демократизации литературного языка, объединяющую массовую агитационную литературу, перевод библии Лютера и его катехизис.

В протестантских церквях немецкий язык используется при богослужении. Псалмы и проповеди на немецком языке под влиянием Реформации и среди католиков получают более широкое распространение, чем это наблюдалось ранее [51, 148 – 149].

Все более крепнет осознание неразрывной прагматической связи между употреблением определенного языка или особой формы существования языка и воздействием на слушателя или читателя [112, 543]. Тот, кто хотел повлиять на собеседника или убедить его, должен был говорить на его языке. По мере роста значимости немецкого языка в разных областях жизни латынь постепенно начинает утрачивать свой ореол единственно приемлемого средства общения в сфере науки и высшего образования.

Важное значение для развития национального литературного языка имела деятельность ученых-гуманистов, которые стремились прежде всего при помощи переводов ознакомить с достижениями науки и культуры широкие слои соотечественников, не владевших латынью и греческим, открывая для родного языка новые сферы функционирования. Желая расширить круг читателей (в особенности, в первой трети XVI в.), они переходили к использованию немецкого языка в своих трудах несмотря на зрелый возраст. Так, М. Лютеру было уже более 33 лет, когда он начал публиковать работы, написанные на немецком языке. Немецкий язык проникал в область разных наук и частично оттеснял латынь, безраздельно господствовавшую здесь ранее. Необходимость употребления родного языка в сфере медицины и фармацевтики отстаивал известный врач и натурфилософ Парацельс (подлинное имя – Теофраст фон Хоэнхайм, 1495 – 1541 гг.), который в 1526 – 1528 гг. в Базеле впервые прочел университетский курс лекций по медицине на немецком языке. А. Дюрер (1471 – 1528 гг.) в своем «Обучении измерению» (*Unterweisung der Messung*, 1525) предпринял первую попытку изложить сложные теоретические сведения по геометрии и стереометрии на родном языке. Немецкий язык использовался и в историографии, ярким примером чего являются труды С. Франка (1499 – 1542 гг.) «Хроника» (1531 г.) и «Германия» (1538 г.), которые,

по мнению Й. Шильдта, практически кладут начало описанию отечественной истории в национальном масштабе [113, 128 – 129]. В области филологии требование употреблять родной язык выдвинул В. Иккельзамер (предположительно 1490 – 1550 гг.) – автор первой немецкой грамматики (*Ein Teutsche Grammatica*, около 1534 г.). Начало проникновению немецкого языка в сферу философских наук было положено учебным пособием по основам логики О. Фуксшпергера (1533 г.). Родной язык начинает теснить латынь и в теологии, что особенно ярко проявилось в языковой деятельности М. Лютера. Если еще в 1480 г. майнцский курфюрст запретил продажу теологических книг на немецком языке во время Франкфуртской ярмарки, мотивируя свой запрет тем, что на немецком языке якобы нельзя с необходимой точностью и полнотой передать сложное содержание текстов религиозного характера, то всего полстолетия спустя М. Лютер своим переводом библии покорил всю Германию [72, 104; 113, 128 – 129].

Переводы с латыни вначале преобладали над сочинениями, написанными непосредственно на родном языке. К тому же и сами немецкие тексты нередко обнаруживали сильное влияние латыни, причем иногда это отражало сознательную позицию автора или переводчика. Так, гуманист-переводчик Никлас фон Виле ратовал за перенесение на немецкую почву даже синтаксических особенностей классической латыни: порядка слов, постпозитивных причастных конструкций, оборота «винительный с инфинитивом» и др. [13, 21; 72, 102]. Как тексты переводов, так и оригинальные немецкие тексты изобиловали латинскими терминами и выражениями. Всеобщее латино-немецкое двуязычие представителей образованных слоев общества в немалой степени способствовало и закреплению в немецком литературном языке целого ряда заимствований преимущественно из латинского, реже греческого и других языков, например: *Akademie*, *Auditorium*, *Examen*, *Rektor*, *Advokat*, *Hypothek*, *Dissonanz*, *Harmonie*, *Kolumne*, *Audienz*, *Monarch*, *Arithmetik*, *Algebra*, *multiplizieren* и т.п.

Особенно сильное латинское влияние испытали на себе пласты лексики, связанные с такими сферами, как наука, образование, юриспруденция, государственное управление. Интенсивное развитие многих наук сопровождалось пополнением их терминологии словами, образованными от основ латинского или греческого происхождения. Заимствования подобного рода не только способствовали обогащению словарного состава немецкого литературного языка, расширению наддиалектного пласта в терминологической лексике, но и облегчали международное научное общение, по-

сколько новые термины в большинстве своем являлись интернационализмами (ср., например: Philosophie, Logik, Materie, addieren, dividieren, Astronomie, Komet, Medikament, Mixtur, Essenz, Amnestie, appellieren, protestieren, Dekret, Proportion, konfiszieren и мн. др.). Ученые-гуманисты «переводили» свои фамилии на латинский и греческий языки, что диктовалось, по-видимому, стремлением избежать несоответствия между латинским текстом и названием труда и немецким именем его автора на титульном листе. Это, в свою очередь, привело к более широкому распространению латинизации или грецизации имен собственных в Германии, например: Müller > Molitor, Fischer > Piscator, Weber > Textor, Bauer > Agricola, Schmied > Fabricius, Korbflechter > Viëtor, Schwarzert > Melanchton и т.п. Стилизация в классическом духе достигалась иногда и путем прибавления к немецким имени или фамилии латинских окончаний -us, -ius, -ci, например: Conradus, Vogelius, Friederici. Входит в обычай наречение детей латинскими или греческими именами: August(us), Claudius, Claudia, Hektor, Lukrezia, Maximilian и т.п. Тесные контакты немецкого языка с латынью отразились не только в большом числе прямых заимствований, но и в наличии целого ряда калек, ср.: minderjährig – лат. minorennis, Völkerrecht – лат. jus gentium, Hauptsache – лат. causa principalis, obliegen – лат. incumbere, Fixstern – лат. fixa stella, Mitschüler – лат. condiscipulus и мн.др.

Занятия античным наследием – искусством, литературой, языками – пробудили у гуманистов интерес к истории собственного народа, стимулировали чувство гордости национальным своеобразием его прошлого и настоящего, способствовали развитию национального самосознания находящейся в становлении буржуазной нации [72, 102]. Все более высокую оценку наряду с тремя «священными» древними языками (греческим, латинским, древнееврейским) получает родной язык, а его значительность все чаще рассматривается в тесной связи с нацией в целом. Широко употребительными становятся словосочетания *teutsche nation*, *mutter sprach* (нвн. *Muttersprache*). Последнее, представляющее собой, по-видимому, кальку с лат. *lingua māterna*, было зарегистрировано первоначально в XV в. в нижненемецком регионе как *mōder sprāke*, а в первой половине XVI в. распространяется в верхненемецкой форме на юг вплоть до Швейцарии.

Деятельность гуманистов положила начало филологической работе над родным языком, который впервые становится объектом научного рассмотрения [13, 24]. П. Дазиподиус (1537 г.), Е. Альберус (1540 г.), Й. Фризиус (1541 г.) создали обширные латино-немецкие словари, в которых нашли свое воплощение научные принципы

гуманизма. В 1561 г. появился немецко-латинский словарь Й. Малера, где был собран и получил толкование богатый лексический материал. Составлялись сборники пословиц и поговорок (Г. Бебель, С. Франк), оказавшие определенное влияние на М. Лютера. Интерес гуманистов привлекали также вопросы орфографии и грамматики немецкого языка. Создателем одной из первых грамматик, которая согласно замыслу автора должна была отражать своеобразие немецкого языка, а не копировать слепо латинские грамматики, являлся В. Иккельзамер, введший в грамматическое описание термин *Muttersprache* [72, 111; 113, 130]. Главные усилия филологов XVI в. были сосредоточены на выработке рекомендаций в сфере орфографии. Среди наиболее значительных трудов по орфографии наряду с грамматикой В. Иккельзамера могут быть названы «Орфография» Ф. Франка (1531 г.) и написанная на латыни работа И. Вольфа (*De orthographia Germanica...*, 1578 г.). Обе последние работы преследовали определенные нормативные цели в орфографии и грамматике. Ф. Франк подчеркивал в своей книге, что существует единый верхненемецкий язык, который свое наиболее полное воплощение находит в трудах М. Лютера, в языке аугсбургских печатных изданий Й. Шонсбергера и императорской канцелярии. Он противопоставлял его как «настоящий, чистый немецкий язык» (*das rechte reine Deutsch*) «местным языкам» (*Landsprachen*) и требовал не допускать проникновения местных особенностей в общий язык [51, 172]. Для И. Вольфа также было характерно представление о письменно-литературном языке, отличающемся от диалектов, причем он рассматривал этот язык как объединение лучших диалектных особенностей. Однако, хотя он был лютеранином и уроженцем Виттенберга, идеалом для И. Вольфа был не язык М. Лютера, но язык императорского двора. Подобная трактовка, по мнению А. Баха [51, 182], свидетельствует о том, что даже в протестантской Швабии языку М. Лютера во второй половине XVI в. еще не удалось затмить престижности «общего немецкого языка» канцелярии Максимилиана I.

Вершиной в составлении грамматик во второй половине XVI в. было появление особого типа грамматик немецкого языка, написанных филологами-гуманистами на латыни и предназначавшихся для представителей образованных слоев общества, прежде всего для иностранцев. Если до этого времени характер преподавания немецкого языка в значительной мере зависел от индивидуальности преподавателя и от его субъективного представления об образцовом языковом идеале, то теперь под влиянием гуманизма создаются грамматики, стремящиеся представить немецкий как языко-

вой тип, обладающий надтерриториальной значимостью. Тем самым, как отмечает Й. Шильдт [113, 130], грамматисты впервые начали заниматься вопросом о форме языка. Эта проблема выдвигается на передний план в грамматике Й. Клаюса (*Grammatica Germanicae Lingvae ex bibliis Luthei Germanicis et alius eius libris collecta*, 1578). Й. Клаус вначале считал образцовым для всей немецкой языковой территории язык произведений М. Лютера. Однако в дальнейших изданиях своей книги, название которой было несколько расширено за счет добавления к нему слов *ex optimis quibusque autoribus collecta*, Й. Клаус ориентировался также на языковое употребление у ряда других авторов. В том же десятилетии вышли грамматики Л. Альбертуса (1573 г.) и А. Ёлингера (1573 г.), которые ставили перед собой сходную задачу. Все названные грамматики строились по образцу латинской грамматики (*Grammatica latina*) Ф. Меланхтона, одного из соратников М. Лютера. Несмотря на наличие определенного стремления к нормализации немецкого языка, уровень кодификационных требований в XVI в. был невысок, о чем, как показывает М.М. Гухман [13, 88], свидетельствуют опора на варианты в парадигматике, отсутствие облигаторности в выборе среди вариантных средств – признаки, характерные для всех упомянутых выше грамматик.

Новая полифункциональная роль, которую призван был играть родной язык в рамках национальной коммуникации, оттесняя на задний план и делая излишней латынь, настоятельно требовала его дальнейшей унификации и роста социального престижа. Унификация предполагала постепенное преодоление прежних территориальных различий. На уровне письменно-литературного языка уже задолго до рассматриваемого периода наметились процессы выравнивания и смешения, которые для XV столетия подробно исследовал В. Беш [54].

Два доминирующих и противостоящих друг другу варианта письменно-литературного языка, юго-восточный и восточносредненемецкий, все теснее переплетались между собой. Прогрессирующее слияние этих вариантов, усиленное особенностями экономического, социального и политического развития в эпоху Реформации и Крестьянской войны, имело решающее значение для формирующегося национального литературного языка [112, 547].

Личностью, которой в уникальной политической, социально-экономической, культурной и языковой ситуации (подробнее об этом см. [13, 37 и сл.]) было суждено сознательно ускорить уже протекающий процесс унификации, был глава движения Реформации в Германии М. Лютер (1483 – 1546 гг.) [112, 547]. М. Лютер обладал

140

необходимыми для своего языкового творчества практическими и теоретическими познаниями в области филологии. В детские и юношеские годы он находился в тесном языковом контакте с носителями нижненемецких и восточносредненемецких диалектов, а в процессе школьного обучения познакомился с соответствующими региональными вариантами письменно-литературного языка. Позднее его проповедническая и педагогическая деятельность протекала на востоке средней Германии. Благодаря путешествиям, чтению литературы, диспутам, переписке оттачивались представления М. Лютера о верхненемецких наречиях и юго-восточном варианте письменно-литературного языка, расширялся его словарный запас (подробнее см. [61, 169 ff.; 49, 21 ff.]). Все это создавало практическую базу для сопоставления существовавших в ту пору разновидностей родного языка, для углубленных занятий им с целью оптимизации общения в национальном масштабе, к которой М. Лютер стремился всю жизнь. Его филологический интерес к родному языку стимулировался основательным изучением древних языков, чтением авторитетных в то время трудов античных авторов по грамматике, риторике, философии. В соответствии с канонами университетского образования своей эпохи М. Лютер прекрасно знал латынь. Реже изучавшимся тогда древнегреческим языком М. Лютер овладел настолько, что смог в течение немногих недель без посторонней помощи перевести Новый завет. Более высоким сам М. Лютер считал собственный уровень владения древнееврейским языком, который впервые в то время начал привлекать к себе внимание филологов. Знание названного языка позволило реформатору взять на себя главную часть работы по переводу Ветхого завета [124, 17]. Занятия многими языками побуждали М. Лютера к сопоставительным наблюдениям, помогая выявить специфику родного языка полнее, чем при помощи лишь непосредственного обследования «изнутри» немецкой речи своей эпохи и своего окружения. Ему была также присуща склонность к историческим наблюдениям, в особенности этимологического характера. М. Лютер любил находить соответствия между немецким и древнегреческим языками, которые, однако, не получали еще должной лингвистической интерпретации, что было обусловлено уровнем развития науки того времени [124, 18].

В индивидуальной речевой деятельности М. Лютера, как у большинства образованных людей рассматриваемой эпохи, билингвизм сочетался с диглоссией. Он пользовался латынью в письменной и устной формах в процессе преподавания в университете, в лекциях, диспутах, письмах, обращенных к ученым и в теологи-

ческих трудах. В интимном семейном кругу М. Лютер говорил на обиходно-разговорном языке с сильной диалектальной окрашенностью [52, 1442]. В устной речи М. Лютера восточносредненемецкий (точнее: западнотюрингенский) диалект, принятый в родительском доме, переплетался с региональными напластованиями, характерными для пограничной зоны между восточносредненемецкими и нижненемецкими наречиями. Конституирующие факторы этой территориально окрашенной речи с рядом индивидуальных колебаний прослеживаются в рукописях М. Лютера примерно до 1522 г. [124, 27].

При создании своих трудов, написанных по-немецки, реформатор использовал региональный восточносредненемецкий вариант письменно-литературного языка, который в рассматриваемый период (как было отмечено выше) интенсивно взаимодействовал с юго-восточным вариантом, все теснее переплетаясь с ним в ходе общего интеграционного процесса. Высказываемые М. Лютером суждения о его собственном языке свидетельствуют о том, что он видел трудности, обусловленные региональной и социальной дифференциацией немецкого языка его эпохи, и поэтому сознательно стремился к совершенствованию коммуникации. В 1532 г. в «Застольных речах» реформатор следующим образом характеризовал свой язык: „Ich habe kein gewisse, sonderliche, eigene Sprache im Deutschen, sondern brauche der gemeinen deutschen Sprache, daß mich beide, Ober- und Niederländer, verstehen mögen“ (Tischreden, Kap.70). В свете работ последних десятилетий, посвященных процессам языкового выравнивания в Германии в XV – начале XVI вв., новое звучание получает известное изречение М. Лютера: „Ich rede nach der sächsischen Kanzlei, welcher nachfolgen alle Fürsten und Könige in Deutschland; alle Reichsstädte, Fürstenhöfe schreiben nach der sächsischen und unseres Fürsten Kanzlei, darum ists auch die gemeinste deutsche Sprache. Kaiser Maximilian und Kurfürst Friedrich Herzog zu Sachsen, haben im römischen Reich die deutschen Sprachen also in eine gewisse Sprache gezogen“ (Tischreden, Kap.70).

М. Лютер здесь явно переоценил значение саксонской канцелярии, поскольку далеко не все имперские города и княжеские канцелярии следовали ее практике [13, 55; 72, 105]. Однако цитата в целом и ее последняя часть допускают более глубокое истолкование, чем это делалось ранее, позволяя высказать предположение, что реформатор интуитивно ощущал или в определенной мере осознавал и наблюдал протекающий процесс языкового выравнивания, результатом которого должно было явиться формирование единого общенемецкого письменно-литературного языка (ср. [54, 363]).

Роль М. Лютера в истории развития немецкого литературного языка неоднозначно оценивалась представителями разных научных направлений в немецкой отечественной германистике (подробнее см. [13, 37 – 38]). Характерная для филологической традиции (начиная с Я. Гримма) трактовка М. Лютера как единоличного «создателя», «родоначальника» немецкого литературного языка благодаря интенсивной исследовательской работе ученых последующих поколений в настоящее время окончательно преодолена. Одна личность, даже самая выдающаяся, не может создать единый язык, имеющий общенациональную значимость. Язык – общественное явление, в создании которого участвует общество в целом. Выявлению и более точной оценке роли М. Лютера в истории немецкого литературного языка во многом способствовали исследования представителей немецкой диалектографической школы, проведенные под руководством Т. Фрингса. Работы германистов этого научного направления, в особенности труды самого Т. Фрингса [71, 67; 69, 70] ясно показали, что деятельность М. Лютера являлась не началом языковой унификации, но включалась в качестве одного из важнейших компонентов в протекающий уже в течение столетий интеграционный процесс. Это положение получает развитие и подкрепление и в новейших исследованиях диалектографического характера на материале других регионов с начала 60-х гг., несмотря на имеющиеся расхождения в трактовке ряда деталей процесса становления общенемецкого литературного языка (см., в частности, [54, 349; 56, 1788].

М. Лютер использовал в своей деятельности тот из двух доминировавших в конце XV в. вариантов письменно-литературного языка, который в начале XVI в. в силу причин социально-экономического и политического характера заметно выдвинулся на передний план, а именно – восточносредненемецкий. Выбор данного варианта (отчасти обусловленный причинами личного характера) был весьма удачным в собственно лингвистическом отношении, поскольку благодаря смешанному характеру своей устной основы, генетическую обусловленность которого так ярко показал в своих трудах Т. Фрингс (см., в частности [69]), этот вариант уже сравнительно рано был «открыт» для влияния письменной традиции других регионов, в особенности юго-востока [54, 333]. М. Лютер застал восточносредненемецкий вариант письменно-литературного языка в тот момент, когда в результате многовекового взаимодействия он интегрировал целый ряд юго-восточных элементов [72, 105; 52, 1444]. Значение М. Лютера для истории немецкого национального литературного языка современные немецкие исследователи видят

прежде всего в том, что он ускорил процесс языкового выравнивания, еще теснее сблизив свой восточносредненемецкий вариант письменно-литературного языка с юго-восточным, благодаря чему первый расширил радиус своего действия [54, 349]. О сближении восточносредненемецкого и юго-восточного вариантов особенно наглядно свидетельствуют наблюдения над трактовкой регионально маркированных лексических и фонематических дублетов в трудах реформатора. Памятники письменности XV – XVI вв. обнаруживали еще существенные региональные различия в основном словарном фонде. Вплоть до настоящего времени немецкий литературный и в большей степени обиходно-разговорный язык по сравнению с другими европейскими языками характеризуется довольно значительным числом территориальных лексических дублетов типа *Samstag / Sonnabend, Esse / Schornstein, Semmel / Brötchen* и мн. др.

В XV в. протекал интенсивный процесс выравнивания в названной сфере, направленный на преодоление дублетности. М. Лютер активно включился в этот процесс. В целом он отказывался от ярко выраженных диалектизмов, что особенно характерно для перевода Библии, поскольку это отвечало поставленной им цели создать форму языка, понятную на обширной территории [52, 1443]. Сталкиваясь с регионально маркированными лексическими и фонематическими дублетами, М. Лютер, как убедительно показал В. Беш [54, 340], по большей части отбирал и фиксировал южнонемецкий вариант, либо тот из восточносредненемецких вариантов, который имел поддержку на юго-востоке. Так, из дублетной пары *dick / oft* в ранних трудах реформатора представлен лишь вариант *dick*. Однако позднее он заменен юго-восточным *oft*, который и закрепляется в новонемецком литературном языке. В паре *minne / liebe* М. Лютер останавливает свой выбор на лексеме *liebe*, имеющей поддержку в юго-восточном регионе. Из фонематических дублетов *gan / gen* в ранних произведениях М. Лютера еще довольно частотен вариант *gan*, тогда как в более поздних трудах употребляются только *gen / gehen*. Дублет *gen* в XV в. имел баварско-восточнофранкскую маркированность и (обусловленно) также восточносредненемецкую. Он вошел в немецкий литературный язык. Аналогичным образом в пользу южного варианта преодолевалась дублетность в парах *wilch/welch, brengen/bringen, (er) wiste/wuste, dorst/durst, stahn/stehe*n и мн. др. [52, 1445].

Свой перевод Библии М. Лютер осуществил таким образом, что он приобрел надрегиональную значимость и, возвышаясь над местными особенностями письменного узуса, оказывал воздейст-

вис на представителей разных языковых ландшафтов. В наибольшей степени реформатор способствовал языковому выравниванию на уровне лексики и словоупотребления, а также на фонематическом уровне.

В сфере орфографии выравнивание еще не заявляло о себе настоятельно, к тому же оно частично было представлено в сложившейся письменной традиции. В области морфологии значительная унификация в силу ряда причин в рассматриваемый период не была возможной. Нормализация и кодификация закономерностей морфологической системы протекала во многом помимо влияния М. Лютера, поскольку она осуществлялась позднее и являлась результатом взаимодействия разных языковых ландшафтов [54, 349]. Печатники, переиздававшие Библию М. Лютера в регионах с другой письменно-литературной традицией, по большей части приспособляли орфографию и грамматику к привычному для них узусу, однако ее лексику они предпочитали сохранять без изменений [112, 547]. В отдаленных регионах с ярко выраженной местной спецификой печатники пытались помочь читателям, сопровождая свое переиздание лексическим комментарием. Так, базельский печатник А. Петри снабдил свое переиздание Библии М. Лютера 1523 – 1524 гг. словарем, содержащим местные эквиваленты непонятных читателям слов из лютеровского текста.

В печатных изданиях первых лет своей деятельности (1516 – 1522 гг.) М. Лютер пользовался региональным восточносредне-немецким вариантом письменно-литературного языка, который, подвергаясь многовековому южному влиянию и активно участвуя в интеграционных процессах, представлял собой благодатную основу для будущего общенемецкого литературного языка. С 1522 года, осуществив свой перевод Библии, М. Лютер постоянно вел сознательную работу по очистке и совершенствованию принятого им и его виттенбергской и лейпцигской типографиями варианта письменно-литературного языка (ср. [65, 394]). Основные нормализаторские усилия М. Лютера были направлены на сокращение числа регионально маркированных вариантов (прежде всего, лексических и фонематических), на искоренение диалектных фонетических, лексических и грамматических особенностей, а также на устранение «некорректных» редуцированных морфологических дублетов. Поэтому по своей языковой форме издание Библии 1545 г. значительно больше приближается к новонемецкому литературному языку, чем первые печатные издания трудов М. Лютера, хотя в целом ряде случаев оно обнаруживает отличия по сравнению с ним [52, 1447]. Хотя в XVI в. не существовало кодифицированной нормы литера-

турного языка, участие М. Лютера в нормализационных процессах своей эпохи во многом способствовало кристаллизации того устойчивого ядра, которое впоследствии стало ведущим компонентом литературной нормы (ср. [13, 67 – 68]).

Деятельность М. Лютера имела важное значение для развития немецкого литературного языка не только потому, что он ускорил языковое выравнивание. Сблизив еще теснее восточносредненемецкий и юго-восточный варианты, реформатор, не ожидая окончательного завершения унификации, закрепил обработанную им форму письменно-литературного языка и благодаря своей исторической миссии, своему общественному престижу и неизмеримому авторитету своих наиболее значительных трудов способствовал ее победе и распространению на все немецкоязычные регионы [54, 349, 360].

Решающее значение для дальнейшей судьбы общенемецкого письменно-литературного языка имело то, что северная Германия быстро примкнула к закреплённой М. Лютером верхненемецкой норме мейссенского образца [56, 1802]. Уже в начале XVII в. в сфере письменности нижненемецкий в основном был вытеснен верхненемецким. Благодаря этому существенно расширился ареал распространения той формы новонемецкого письменно-литературного языка, которая была достигнута на начальном этапе его становления. В противном случае в условиях длительного сопротивления «протестантскому языку» М. Лютера со стороны оставшихся католическими южных регионов, которые имели к тому же богатую письменную традицию, судьба общенемецкого литературного языка могла бы сложиться по-другому. Иными оказались бы, прежде всего, ареалы его распространения, если бы нижненемецкая область продолжала сохранять и развивать далее собственную письменность на средненижненемецкой основе. Принятие верхненемецкого письменно-литературного языка на севере Германии означало смену языка, которая осуществилась, в первую очередь, в официальной сфере коммуникации и лишь значительно позднее распространилась на личное общение [56, 1802]. Присоединение к верхненемецким регионам путем смены языка создало для широких масс населения северной Германии ситуацию диглоссии. Характер смены языка в значительной мере носило и принятие новонемецкого письменно-литературного языка в той части западно-средненемецкой территории, где бытовали рипуарское и нижнефранкское наречия.

Победа новонемецкого литературного языка мейссенского образца в верхненемецком ареале и прочей части западносреднене-

мецкого региона, в целом, была более легкой, так как в силу большей структурной близости здесь не произошла полная одновременная смена языка. С другой стороны, процесс утверждения нового литературного языка в названных регионах оказался трудным в деталях и протекал весьма медленно, поскольку он тормозился наличием прочной местной письменной традиции и религиозными барьерами. Из-за действия тормозящих факторов этот процесс на юго-востоке и юго-западе территории распространения немецкого языка (включая Австрию и Швейцарию) завершился лишь к концу XVIII в. [72, 110] (подробнее о процессе принятия новонемецкого литературного языка восточносреднемецкого типа в Австрии и Швейцарии см., в частности, [126; 91, 55 ff.]).

4.2. НОРМАЛИЗАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕОРЕТИКОВ-ГРАММАТИСТОВ И ЛЕКСИКОГРАФОВ XVII – XVIII ВВ.

Начиная с XVII в., большое значение приобрела сознательная работа над формирующимся национальным литературным языком, проводимая теоретиками-грамматистами и лексикографами.

В начале XVII в., в условиях политической и экономической раздробленности, когда национальный литературный язык еще не сформировался окончательно, значительную опасность для него представлял наплыв большого количества иностранных слов, усилившийся еще более в обстановке разрухи после Тридцатилетней войны.

Прогрессивную роль в борьбе против засорения (*Überfremdung*) языка заимствованиями сыграли многочисленные языковые общества: «Плодоносное общество или орден Пальмы» (Веймар, 1617 г.); «Откровенное общество Ели» (Страсбург, 1633 г.); «Товарищество патриотов» (Гамбург, 1643 г.); «Орден пастухов и цветов на берегу Пегница» (Нюрнберг, 1644 г.); «Орден Эльбского Лебедя» (1658 г.); «Немецкое поэтическое общество» (Лейпциг, 1717 г.) (подробнее см. [96, 240 и сл.]). Члены названных обществ издавали теоретические труды. Многие из них выступали не только как борцы за чистоту языка, но и как авторы художественных произведений, работающие непосредственно с языковым материалом (М. Опиц, Ф. фон Логау, А. Грифиус, Х.М. Мошерош, Ф. фон Цезен).

Попытка определить контуры немецкого национального литературного языка и установить его основные нормы – одна из заслуг грамматистов и лексикографов XVII – XVIII вв.: Ю.Г. Шоттеля (1612 – 1676 гг.), Й.Х. Готшеда (1700 – 1766 гг.), Й.Х. Аделунга (1732 – 1806 гг.).

Нормализаторская деятельность лексикографов и теоретиков-грамматистов в значительной мере способствовала дальнейшему развитию и закреплению нормы той основы немецкого национального литературного языка, которая определилась к XVI в.

4.3. ЗНАЧЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МАСШТАБА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Большое значение для развития литературного языка имели появление и расцвет во второй половине XVIII в. художественной литературы национального масштаба. Поскольку роль художественной литературы в идеологической борьбе в Германии в XVIII в. была исключительно велика, высок был ее социальный авторитет, то она получала широкое распространение на всей территории Германии, в других немецкоязычных странах и воспринималась как идеальный образец в художественном, а также в языковом отношении. В произведениях великих писателей XVIII столетия впервые во всей полноте и стилистическом многообразии нашел свое отражение и воплощение национальный литературный язык, что ознаменовало собой относительное завершение длительного процесса его формирования. С этого момента литературный язык, обладающий совокупностью релевантных признаков, среди которых на передний план выдвигаются его надтерриториальность и стилевая полифункциональность, стал пригоден для использования в самых разнообразных сферах коммуникации [72, 129].

Писатели XVIII в. внесли значительный вклад в закрепление, распространение и обогащение национального литературного языка, в совершенствование его выразительных возможностей. Каждый из них прославился определенными творческими нововведениями и индивидуальными стилевыми приемами, нашедшими признание у других писателей и воспринятыми ими (подробнее см. [89, 1058 и сл.; 13, 202 и сл.; 62, 91 и сл.].

Благодаря своему языкотворчеству существенно обогатил выразительные возможности немецкого литературного языка смелыми инновациями Ф.Г. Клопшток (1724 – 1803). Яркими особенностями его языка и стиля являются: придание динамичности глаголам мысли и состояния путем присоединения к ним наречных модификаторов (*empordenken, aufweinen, dahinzittern*); создание образных прилагательных по модели сложных псевдопричастий (*dankweinen, kaltverachtend, blütenumduftet, frohbegeistert*); широкое использование субстантивации причастий (*die Dichtenden, Erscheinenden, Zweifelnden*); усиление выразительности благодаря транзитивации непереходных глаголов и включение их в словосочетания с «внутренним дополнением» (*Freude weinen, Anbetung flammen, Gedanken herunterschimmern, Jammer herauftönen*); объединение в сложных словах обозначений, относящихся к разным сферам восприятия

(синестезия) (Glanznacht, Flammengipfel, Silbergelispel). Творчество Клопштока открыло новую эпоху в истории немецкого поэтического языка и оказало мощное воздействие на поэзию XVIII в. (поэты и драматурги «Бури и натиска», «Гайнбунда») и первой половины XIX в. (Ф. Гёльдерлин). Распространение произведений Клопштока сблизило в языковом отношении юг Германии с центральным регионом, способствуя тем самым интеграционным процессам между севером и югом [72, 126].

Не уступает Клопштоку по своей значительности и силе влияния на развитие новонемецкого литературного языка выдающийся представитель эпохи Просвещения Г.Э. Лессинг (1729 – 1781). Наиболее характерным признаком его языка и стиля были предельная ясность и лаконизм выражения. Этому свойству стиля Лессинга соответствовали применяемые им с большим мастерством средства художественной выразительности: точные эпитеты, яркие сравнения и метафоры. Четкости мысли способствовало также частое использование антитез, парабол и аллегорий. Сжатость и ясность изложения отличали не только художественные произведения Лессинга, но и его теоретические труды, для стиля которых характерно опущение излишних вспомогательных глаголов, сокращение числа эпитетов и их строгий отбор. Лессингу, великоллепному мастеру, владеющему всеми функциональными стилями, принадлежала исключительная роль в развитии языка эссеистской полемической и критической прозы [13, 212]. Среди неопценимых заслуг Лессинга перед немецким языком следует отметить его новаторскую попытку отразить в языке драмы определенные функциональные различия между письменными и устными формами коммуникации и охватить более широкие (по сравнению с предшественниками) стилевые пласты, включая наряду со средними по стилистической окраске слоями также сниженные стилевые средства [72, 126].

Существенную роль в развитии немецкого литературного языка сыграли и представители направления «Буря и натиск».

Неизмеримо велико было значение для истории литературного языка творчества корифеев классической немецкой литературы – Й.В. Гёте (1749 – 1832) и Ф. Шиллера (1759 – 1805). В классический период своего творчества Гёте активно участвовал в нормализационных процессах, протекавших в литературном языке того времени. Дialeктные и малоупотребительные формы, восходившие к старым источникам, заменялись новыми, которые утвердились в качестве литературной нормы и, как правило, представлены в современном немецком языке. Гёте заменил *izt* на *jetzt*, *vergüldet* на *vergoldet*, *Herze* на *Herz*, *Fraue* на *Frau*. Он восстановил апокопиро-

ванный безударный гласный в абсолютном исходе или в окончании, ср.: das Bös > das Böse, Hoffnungsfüll > Hoffnungsfülle, ihr innre Kraft > ihre innre Kraft, in ihr'n Schoß > in ihren Schoß. Редуцированные и стяженные структуры заменялись полными: in Keller > in den Keller, nauf > hinauf, in Tag hinein > in den Tag hinein. Устраняется окончание -e в I и III лицах ед. числа претерита изъявительного наклонения: (ich) erhalte > erhielt, fande > fand, stande > stand. При переработке своих произведений Гёте всегда старался исключить из них необычные словоформы или конструкции, вульгаризмы и т.п. Стремясь уменьшить число малоупотребительных или ошибочных вариантов, он, тем самым, способствовал утверждению общенациональной литературной нормы.

Следует отметить, что языку писателей XVIII в. посвящено значительное количество работ. Однако в них рассматриваются по большей части особенности стиля и словоупотребления отдельных авторов. Гораздо слабее изучено их участие в нормализационных процессах на разных языковых уровнях.

Ниже будет предпринята попытка рассмотреть синтаксические особенности языка Ф. Шиллера в соотнесенности с литературной нормой XVIII в. Существенно при этом выявить конкретные лингвистические признаки литературной нормы в исследуемой сфере, определить, насколько они отражались в языке Ф. Шиллера, а также установить степень участия писателя в нормализационных процессах своего времени.

Непосредственным объектом для наблюдения служат глагольные словосочетания в произведениях Ф. Шиллера, относящиеся к разным периодам его жизни и творчества: „Die Räuber“ (1781), „Die Verschwörung des Fiesko zu Genua“ (1783), „Kabale und Liebe“ (1783), „Der Verbrecher aus verlorener Ehre“ (1786), „Der Geisterseher“ (1787), „Die Jungfrau von Orleans“ (1801), „Die Braut von Messina“ (1803), „Die Huldigung der Künste“ (1804), „Wilhelm Tell“ (1804).

Немецкий литературный язык XVIII в. отличался значительной вариантностью языкового выражения [30, 178, 187], которая отчетливо прослеживается и в синтаксической системе, в частности, в сфере глагольных словосочетаний, выражающих объектные отношения.

Языковое варьирование проявлялось в названной сфере как синтаксическая дублетность, наиболее характерная для словосочетаний с глаголами, которые первоначально управляли родительным падежом. К XVIII в. благодаря ряду исторических структурных сдвигов в глагольной микросинтагматике (подробнее см. [41, 58 и сл.]) у них развилась альтернативная конфигурационная ва-

лентность – способность выступать в роли главного конституента не только в старых моделях словосочетаний с дополнением в родительном падеже, но и в новых – с именем в винительном или дательном падежах без предлогов и с предлогами.

Развитие альтернативной конфигурационной валентности вызвало появление многочисленных синтаксических дублетов, которые условно могут быть обозначены следующим образом: v_{gen}/v_{akk} ; $v_{gen}/v_{präp+akk}$; v_{akk} , gen/v_{akk} , $präp+akk$; v_{dat} , gen/v_{dat} , $präp+akk$; $v_{gen}/v_{präp+dat}$; v_{gen}/v_{dat} ; v_{akk} , gen/v_{akk} , $präp+dat$. Например: *erwarten* (*Gen/Akk*), *lachen* (*Gen/über + Akk*), *erinnern* (*Akk, Gen/Akk, an + Akk*), *sich scheuen* (*Gen/vor + Dat*).

V – глагольное ядро, *gen* – объект в родительном падеже; *akk* – объект в винительном падеже; *dat* – объект в дательном падеже; *präp* – предлог, с помощью которого глагол управляет объектом; запятая, разделяющая обозначения двух разных объектов, указывает на их совместимость.

Альтернативная синтаксическая валентность v_{akk}/v_{dat} и v_{dat}/v_{akk} развилась и у конструкций, обозначающих различные физические (соматические) и психические состояния.

Глаголы соответствующих семантических групп, управлявшие до этого винительным падежом (например, *ahnen*, *befremden*, *dauern*, *dünken*, *erbarmen*, *genügen*, *hungern*, *jammern*, *jucken*, *kitzeln*, *kümmern*, *lügen*, *lüstern*, *gereuen*, *schauern*, *schmerzen*, *verdrößen*), в XVII – XVIII вв. нередко имеют и дативный вариант управления, ср.: *mich ahnt/mir ahnt*. С другой стороны, ряд глаголов, управлявших первоначально дательным падежом (*edeln*, *grauen*, *nützen*, *schmeicheln*, *schwindeln*, *träumen* и др.), приобрели в указанный исторический период аккузативный вариант управления, например: *mir schmeichelt/mich schmeichelt*.

Источником синтаксической вариантности могли служить лексико-семантические связи между глагольными лексемами, входящими в разные структурные модели, что обусловило, в частности, развитие (наряду с первоначальным генитивным управлением) аккузативных или дативных беспредложных, а также предложных вариантов управления у ряда глаголов, например: *erschrecken* (*Gen/über + Akk/an + Dat*), *verlangen* (*Gen/nach + Dat/auf + Akk*), *harren* (*Gen/auf + Akk/Akk*), *erwähnen* (*Gen/Akk/von + Dat*), *sich/jemand/ge-wöhnen* (*Gen/an + Akk/zu + Dat*), *denken* (*Gen/an + Akk/auf + Akk*).

Определенную роль в развитии синтаксической вариантности играли факторы индивидуальной соотнесенности тех или иных глаголов с их синонимами, а также изменение или переосмысление первоначальной семантики глагольных лексем, ср.: *abdanken* +

Dat (einem Soldaten abdanken) – abdanken + *Akk* (последнее по аналогии с *entlassen*); *liebkosen* + *Dat* – *liebkosen* + *Akk*.

Одним из источников расширения вариантности глагольного управления в литературном языке XVIII в. были региональные синтаксические особенности, удельный вес которых благодаря наддиалектному характеру литературной нормы являлся невысоким, ср.: *vergessen* (*Gen/Akk* /ю.нем. *auf + Akk*).

Ярко выраженная дублетность глагольных словосочетаний в немецком литературном языке XVIII в. вызывала сильное стремление к ее преодолению, которое определило направление последующей языковой эволюции в данной области. Дублетность устранялась прежде всего благодаря действию тенденции к полному вытеснению одного из дублетов, выпадению его из языка, что отчетливо проявляется в утрате большинством глаголов, первоначально управлявших родительным падежом, старого генитивного варианта управления и замене его инновацией – беспредложным или предложным аккузативным либо предложным дативным вариантом. Основным структурным изменением, наблюдавшимся в макрополе объектности (подробнее о данном понятии см. [41, 19 и сл.]) в связи с действием указанной тенденции, был процесс дегенитивации глагольных словосочетаний, следствием которого явилось увеличение аккузативных и в особенности предложных групп.

Наблюдения над языковым материалом свидетельствуют о том, что Ф. Шиллер четко ощущал эту главную тенденцию развития синтаксиса словосочетания, неизбежно сказывавшуюся и на эволюции синтаксических норм, и стремился воплотить ее в своей языковой практике.

В микрополе прямого объекта глаголы *hüten*, *höhnern*, *vermissen*, *begehren*, *erwarten*, *gewahren*, *sparen*, *gebrauchen*, *mißbrauchen*, *zürnen*, *walten*, *erstaunen*, *fluchen*, *sich besinnen*, *klagen*, *lauern*, имевшие в XVIII в. альтернативную конфигурационную валентность v_{gen}/v_{akk} или $v_{gen}/v_{präp+akk}$ в обследованных произведениях Ф. Шиллера выступают только в новых аккузативных беспредложных и предложных словосочетаниях. Например: „...da besahen sie das Land/Sich näher und gewahrten schöne Fülle/Des Holzes“ („Wilhelm Tell“, S.337); „Fürchtet euch nicht vor Tod und Gefahr, denn über uns waltet ein unbeugsames Fatum!“ („Die Räuber“, S.43). Ср. у Х. Клейста и Г.Э. Лессинга: „Drauf, als er eines Ringes an seiner Hand gewahrte, erinnerte er sich plötzlich auch Josephens“ (H. von Kleist's sämtliche Werke, Bd. 2, S.255); „Versteht:/Des kleinern Schatzes, – denn des größern waltet“/Sein Vater noch“ (Lessings Werke, Bd. 2, S.224).

Вместе с тем в названном микрополе представлены и глаголы, сохраняющие альтернативную конфигурационную валентность v_{gen}/v_{akk} , $v_{gen}/v_{präp+akk}$ – *pflegen, brauchen, vergessen, genießen, entbehren, schonen, fehlen, lachen, warten, harren, achten, spotten*, например: „Schont meines Lebens, ich trete zu euch über!“ („Die Verschwörung des Fiesko zu Genua“, S.279); „Armselige Betrüger! Meine Augen wollten sie schonen, aber mein Herz überlistet sie“ (ibid., S.218); „Wie empfang’ ich ihn? – Ich werde stumm sein – er wird meiner Schwäche spotten“ („Kabale und Liebe“, S.338); „Habt Ihr im Sinn, über die Religion zu spotten, oder fangt Ihr an, vor ihr zu zittern?“ („Die Räuber“, S.141).

Из сопоставления генитивной и аккузативной конструкций в одном и том же произведении, а также генитивных конструкций с одним и тем же глаголом в произведениях разных жанров следует, что в языке Ф. Шиллера между ними не наблюдается ни смысловых, ни жанрово-стилистических различий, ср.: „Mutter: ‚Nimm ihn auf, o heil’ge Erde/Nimm den zarten Fremdling ein!/Führer der gefleckten Herde,/Hoher Flurgott, pflege sein!’ Mädchen: ‚Pfleget ihn, zärtliche Dryaden!“ („Die Huldigung der Künste“, S.431); „Daheim labt er sich mit süßem, köstlichem Wein und pflegt seiner morschen Glieder in Kissen von Eider, während sein großer, herrlicher Sohn darbt“ („Die Räuber“, S.44).

Семантическая дифференциация прослеживается в конструкциях с глаголом *denken*. Старая генитивная конструкция характеризует его лексико-семантический вариант «вспоминать, помнить», в то время как в более поздних предложных аккузативных конструкциях с *auf* и *an* реализуется лексико-семантический вариант «думать (о ком-либо, чем-либо)». Например: „Er hat Euch kennen lernen: dieser Stunde/Wird er und seine Kindeskinde denken“ („Wilhelm Tell“, S.368); „Mich laß an deinem Glück arbeiten und denke auf nichts, als in meine Entwürfe zu spielen“ („Kabale und Liebe“, S.327); „Brav, meine Luise! – Freut mich, daß du so fleißig an deinen Schöpfer denkst“ (ibid., S.316).

В микрополе ориентации действия в названных произведениях Ф. Шиллера синтаксическая дублетность весьма незначительна. Глаголы с альтернативной конфигурационной валентностью $v_{gen}/v_{präp+dat}$ (*sich hüten, sich fürchten, lüsten, verlangen, sich reinigen, sich entbinden, sich entwöhnen*), особенно глаголы, имеющие в литературном языке XVIII в. комплексную альтернативную конфигурационную валентность $v_{akk, gen}/v_{akk, präp+dat}$ (*erlösen, warnen, entblößen, entbinden, befreien, belehren, überführen*), выступают, как правило, в новых предложных конструкциях с дательным падежом, например: „Hütet Euch vor dem Doria!“ („Die Verschwörung des Fiesko zu Ge-

nua“, S.190); „...weil man mich vor einem gewissen Sonnenwirt gewarnt hat, der in diesen Gegenden streifen soll“ („Der Verbrecher aus verlorener Ehre“, S.29).

Наблюдения над языком Ф. Шиллера заставляют предположить, что нормализационные процессы в синтаксисе немецкого литературного языка XVIII в. протекали неравномерно. Они не охватывали одновременно всех участков системы глагольных словосочетаний. Прежде всего их воздействию подверглись, по-видимому, глаголы с комплексной альтернативной конфигурационной валентностью $v_{akk, gen}/v_{akk, prap+dat}$. Позднее в эти процессы включались глаголы с альтернативной конфигурационной валентностью v_{gen}/v_{akk} , $v_{gen}/v_{prap+akk}$. Данное предположение подтверждается тем, что в современном литературном языке последние из названных глаголов чаще сохраняют вариативное управление, чем первые.

Опираясь на языковой материал исследованных произведений, можно заключить, что Ф. Шиллер отдавал предпочтение новым конструкциям, включающимся в ядро соответствующего синтаксического микрополя. Вместе с тем определенную устойчивость в языке писателя обнаруживают отдельные участки периферийной зоны названных выше полей. Эта устойчивость проявляется в том, что многие глаголы, сменившие позже прежнее генитивное управление на аккузативное или предложное, а также приобретшие альтернативную конфигурационную валентность (*sich schämen, sich entsinnen, sich erinnern, sich freuen, sich ermächtigen, sich wehren, sich verwehren, sich erkühnen, sich erfreuen, genesen, wahren, ermüden, erwähnen, benötigen, sich versehen, wahrnehmen, entlasten, entlassen* и др.), в обследованных произведениях Ф. Шиллера сочетаются только с синтаксической формой родительного падежа, например: „Ich erwähne dieses Umstandes, weil in der Folge davon die Rede sein wird“ („Der Geisterscher“, S.43).

По всей вероятности, синтаксические конструкции с названными глаголами сравнительно поздно подверглись действию сил притяжения со стороны ядра соответствующего синтаксического микрополя. Данное предположение подтверждается тем, что многие из перечисленных выше глаголов в современном немецком языке характеризуются вариантностью управления.

Необходимо подчеркнуть, что вариантность глагольного управления в современном литературном языке, сохранившаяся со времен Ф. Шиллера или развившаяся несколько позднее, существенно отличается от характерной для литературного языка XVIII в. синтаксической дублетности. Если дублетность предполагает полную равнозначность и изофункциональность соответствующих кон-

струкций, то синтаксические варианты в современном немецком литературном языке сосуществуют благодаря своей лингвистической дифференцированности – стилевой или семантической.

В произведениях Ф. Шиллера почти не представлена синтаксическая дублетность конструкций, обозначающих физические (соматические) и психические процессы. Альтернативная конфигурационная валентность v_{akk}/v_{dat} характеризует в них только глаголы *schauern* и *schmerzen*, например: „*Mich schaudert, wie sich das entwickeln soll*“ („Die Verschwörung des Fiesko zu Genua“, S.257); „*Mir schaudert, es zu denken*“ („Die Braut von Messina“, S.249). Следует отметить, что конструкции с данными глаголами сохранили синтаксическую дублетность до наших дней, ср.: „*Mich schmerzen meine Wunden!*“ – *schrie ich*“ (E. Claudius. „*Haß*“, S.305); „*Mir schmerzte der Magen vor Hunger*“ (ibid., S.314).

Конструкции названного типа с другими глаголами имеют у Ф. Шиллера в преобладающем большинстве случаев ту же структурную схему, что и в современном немецком языке. Так, глаголы *ahnen*, *schwanen*, *träumen*, *schmeicheln*, *grauen*, *ekeln* сочетаются с синтаксической формой дательного падежа, например: „*Euer Zutrauen schmeichelt mir sehr*“ („Die Verschwörung des Fiesko zu Genua“, S.215). Глаголы *hungern*, *jammern*, *lügen* выступают в аккузативной конструкции, например: „*Mich jammert deine Jugend, deine Schönheit*“ („Die Jungfrau von Orleans“, S.110). Расходится с современным употребление глагола *gelüsten* в дативной конструкции, ср.: „*Führen sie aus, was dem Herzen gelüftet*“ („Die Braut von Messina“, S.186).

Другое отличие от современного литературного языка заключается в том, что глаголы *ekeln* и *greuen*, не имевшие у Ф. Шиллера альтернативной конфигурационной валентности, в настоящее время выступают в синтаксических дублетах: *mir ekelt/mich ekelt*, *mir graut/mich graut*.

Архаичные сочетательные потенции обнаруживают у Ф. Шиллера глаголы со значением сравнения, сопоставления (*vergleichen*, *gleichsetzen*, *konfrontieren*), связи, объединения (*verbinden*, *verloben*, *vermählen*, *kuppeln*). В немецком литературном языке XVIII – XIX вв. у этих глаголов явственно прослеживается развитие альтернативной конфигурационной валентности $v_{dat}/v_{präp+dat}$. Ср. у Й.В. Гёте: „*Und das goldne Vließ! ... Es ist sehr kostbar. – Ich kann's deiner Liebe vergleichen*“ („Egmont“, S.107); „*Gewiß, weil wir doch einmal so gemacht sind, daß wir alles mit uns, und uns mit allem vergleichen, so liegt Glück oder Elend in den Gegenständen, womit wir uns zusammenhalten*“ („Leiden des jungen Werthers“, S.39).

В современном литературном языке беспредложный вариант управления при этих глаголах либо полностью вытесняется, либо рассматривается стилистами как устаревший [114, 300]. Между тем у Ф. Шиллера они выступают в беспредложных дативных словосочетаниях, например: „Auf Ehre, mein Schatz, das war ein Schelm oder ein Dummkopf, der Sie dem Fiesko kuppelte“ („Die Verschwörung des Fiesco zu Genua“, S.203); „Wir mögen leben, Mutter, oder sterben, /Wenn sie nur dem Geliebten sich vereinigt“ („Die Braut von Messina“, S.275).

Исследованный материал свидетельствует о том, что писатель принимал активное участие в нормализационных процессах, протекавших в немецком литературном языке XVIII в. Основные усилия его как нормализатора были направлены на преодоление синтаксической дублетности путем отбора одного из имеющихся равнозначных и изофункциональных вариантов. При этом предпочтение отдавалось, как правило, варианту, совпадающему по структурной схеме с доминантой (или доминантами) определенного синтаксического микрополя и, следовательно, соответствующему продуктивным тенденциям развития языка. Данный вариант чаще всего утверждался в современном немецком литературном языке. Другие способы преодоления синтаксической дублетности, а именно проведение семантической, стилистической и семантико-стилистической дифференциации между вариантами, еще слабо представленные в языке Ф. Шиллера, получили широкое применение лишь в последующие столетия, особенно в XX в.

Ф. Шиллер не только активно участвовал в нормализационных процессах, протекавших в немецком литературном языке своего времени, но и являлся творцом большого количества новых языковых единиц. Многие историки немецкого языка отмечают большую заслугу писателя в создании крылатых выражений, вошедших в общее языковое употребление. На основе тщательного изучения и сопоставления материала 90 лексикографических источников Т.А. Коротких удалось установить, что Ф. Шиллером создано 1210 крылатых выражений [22; 23, 57 и сл.]. Ее наблюдения над дальнейшим функционированием шиллеровских крылатых выражений показали, что многие из них постепенно вышли из активного употребления, однако более трети (430 единиц) дополнили с теми или иными преобразованиями в структурно-семантической организации фразеологический фонд современного немецкого языка, о чем свидетельствует их фиксация новейшими лексикографическими изданиями. Весьма существенно, что крылатые выражения, сохранившие свою употребительность до наших дней, продолжают служить источником пополнения фразеологического богатства не-

156

мецкого языка, давая исходный материал для образования новых фразеологических единиц благодаря процессам фразеологической деривации. Большая часть крылатых выражений Ф. Шиллера составила базу для семантической деривации фразеологических единиц, при которой структура производящего устойчивого словесного комплекса сохранилась, семантика же подверглась переосмыслению, например: *Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan, der Mohr kann gehen* („Die Verschwörung des Fiesco zu Genua“); *Hier wendet sich der Gast mit Grausen* („Der Ring des Polykrates“); *Wehe, wenn sie losgelassen!* („Das Lied von der Glocke“); *Vor Tische las man's anders* („Piccolomini“).

Определенное количество крылатых выражений Ф. Шиллера, обладающих обобщающим или дидактическим смыслом, расширив объем значения, дополнили собой фонд пословиц немецкого языка, например: *Raum für alle hat die Erde* („Der Alpenjäger“); *Große Seelen dulden still* („Don Carlos“); *Der brave Mann denkt an sich selbst zuletzt* („Wilhelm Tell“); *Früh übt sich, was ein Meister werden will* (ibid.).

Крылатые выражения Ф. Шиллера послужили базой также для образования новых фразеологических единиц путем структурно-семантической деривации, для которой характерно параллельное преобразование семантики и структуры производящих единиц, например: *des Lebens Mai* < *Des Lebens Mai blüht einmal und nicht wieder* („Resignation“); *das Auge des Gesetzes* < *Das Auge des Gesetzes wacht* („Das Lied von der Glocke“); *der langen Rede kurzer Sinn* < *Was ist der langen Rede kurzer Sinn?* („Wallenstein“).

Фразеологические единицы, возникшие на базе крылатых выражений Ф. Шиллера, могут, в свою очередь, оказаться производящими при образовании новых устойчивых словесных комплексов, например: *die Bretter, die die Welt bedeuten* („An die Freunde“) – *auf den Brettern, die die Welt bedeuten, stehen*.

В процессе исторического развития крылатые выражения из произведений Ф. Шиллера подвергались и переразложению – особому виду структурно-семантической деривации, при которой усиление обобщенно-метафорического значения сопровождалось изменением состава и структурных особенностей компонентов производящей фразеологической единицы, ср.: *Daran erkenn' ich meine Pappenheimer* („Wallenstein“) > *Ich kenne meine Pappenheimer* > *seine Pappenheimer kennen*.

Путем структурно-семантической деривации на базе крылатых выражений из произведений Ф. Шиллера были образованы 160 фразеологических дериватов, путем семантической деривации – 310. Общее число фразеологических дериватов, возникших на базе

430 исходных единиц – крылатых выражений Ф. Шиллера, составляет 470 единиц.

Влияние на развитие немецкого литературного языка оказывали также философские и исторические труды Ф. Шиллера. Лексика его трудов по истории обогатила немецкую терминологию этой дисциплины, ср., например: *Beistandsversprechen*, *wechselseitige Hilfeleistung*, *Machtgleichheit*, *Machtverhältnis*, *Nationalcharakter*, *Selbsthilfe*, *Staatenbund*, *Staatsinteresse* и мн.др.

Поэтические произведения Ф. Шиллера, написанные звучным, отточенным языком, сыграли большую роль в распространении общенемецкой национальной литературной нормы.

4.4. КОДИФИКАЦИЯ ОРФОЭПИЧЕСКОЙ И ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМ

Характерной чертой развития немецкого национального литературного языка является одновременность становления и кодификации общепризнанной нормы разных языковых уровней. Унификация письменной формы литературного языка, затронувшая, в первую очередь, уровень структурных фонетических закономерностей, лексический и грамматический уровни, завершилась значительно раньше, чем унификация его устной формы, предполагающая кодификацию орфоэпической (произносительной) нормы.

Хотя унификация письменной формы литературного языка предполагает также и упорядочение произносительной нормы, но лишь в известных пределах. Написание всегда оставляет для человека, даже строго придерживающегося «духа буквы», возможность сохранять местные (ареальные) особенности произношения. Это усугубляется еще и тем, что немецкая орфография, в которой фонетический принцип занимает большее место, чем во французской или английской, все же в целом ряде случаев находится в противоречии с фонетикой.

Наличие ареальных вариантов произношения в условиях все увеличивающихся культурных и экономических связей между отдельными областями Германии вызвало закономерное стремление к их преодолению.

Мысль о необходимости полного соответствия между написанным и произносимым выдвигалась уже начиная с XV в., однако первые попытки дать ответ на вопрос о том, какое произношение считать образцовым, относятся лишь к XVII в. Ю.Г. Шоттель и его последователи придерживались того мнения, что образцовое произношение должно иметь наддиалектный характер. В.Ратке

(1571 – 1635 гг.) в своих учебниках, предназначенных для школьного обучения, подчеркивал образцовый характер мейссенского немецкого, т.е. произношения жителей Верхней Саксонии. Последующие 150 лет ознаменовались попытками добиться унификации устной немецкой речи на базе восточносреднемецкого варианта письменно-литературного языка, что объяснялось его высоким социальным престижем на начальном этапе формирования национального литературного языка. Ф. фон Цезен писал в 1640 г. в «Адриатической Роземунде», что подобно тому, как в Афинах говорили на самом изысканном греческом языке, в Риме – на самой изысканной латыни, так, «в Верхней Саксонии и Мейссене говорят на самом изысканном верхненемецком языке» [75, 10]. Однако уже в начале XVIII в. встречаются указания на более четкую артикуляцию смычных согласных у жителей северной Германии.

Несмотря на все усилия, литературное произношение около 1800 г. и в первой половине XIX в. носило сильную ареальную окраску, что прослеживается в рифме у величайших поэтов. Так, у Й.В. Гёте встречаются следующие рифмы в характерной для Франкфурта огласовке: Augenblicke – zurücke; Bügel – Riegel; neige – Schmerzenreiche; Zweifel – Teufel; Tag – darnach и т.п. Некоторые рифмы Ф. Шиллера характеризуют его как уроженца Швабии, ср.: Höhn – gehn; untertänig – König; vereint – Freund; Söhne – Szene; Miene – Bühne и др.

В конце XVIII в., когда Верхняя Саксония утратила свое экономическое и политическое могущество, а на передний план выдвинулась нижненемецкая Пруссия, отмерло и представление об идеальном характере верхнесаксонского произношения. Поскольку принятие верхненемецкого литературного языка для жителей северной Германии означало практически переход к другой языковой системе, они старались произносить верхненемецкие формы как можно «чище», следуя написанию. Хотя и в этом регионе не существовало единой произносительной нормы, здесь четко отличалась звонкая артикуляция согласных b, d, g, s [z] от глухой артикуляции согласных p, t, k, s, которые в верхненемецком ареале по большей части не разграничивались. Кроме того, нижненемецкому не свойственна была южненемецкая делабиализация ö, ü, eu > e, i, ei. Уже Й.Г. Зойме (1763 – 1810 гг.) требовал выработки правил унифицированного произношения путем сочетания мейссенских произносительных навыков с нижненемецкими. Аналогичные взгляды развивал и Й.В. Гёте в качестве директора Веймарского придворного театра в созданных им «Правилах для актеров» („Regeln für Schauspieler“, 1803 г.). В 1824 г. в беседах с Эккерманом он отме-

чал образцовый характер литературного произношения у жителей северной Германии (см. [72, 135 – 136]).

На протяжении XIX столетия определенная унифицированная произносительная (орфоэпическая) норма сложилась на немецкой сцене, где она являлась крайне необходимой. Обычные поездки трупп и отдельных актеров, их выступления перед самой разншерстной публикой требовали сколь можно ровного, понятного для всех произношения. Наряду со стремлением к понятности, имелись также и собственно эстетические требования, действовавшие в том же направлении. Гармоническая «сыгранность» коллектива была невозможна при наличии сильных ареальных различий в произношении. Кроме того, каждый ареальный вариант произношения заключал в себе некоторые специфические особенности, и столкновение их на одной сцене могло привести к комическому эффекту (ср.: Фауст, говорящий на саксонском диалекте, рядом с Маргаритой, говорящей на швабском диалекте). Т. Зибс в книге «Немецкое сценическое произношение» („Deutsche Bühnenaussprache“) справедливо отмечал: „Wenn auf die Frage: ‚an welchem Tāk?‘ im ernstesten Drama geantwortet wird: ‚am Täch vor jenem Siech‘ und gar von anderen noch ‚am Tach‘ oder ‚am Tack‘ hinzugefügt wird, so ist dieses Durcheinander für den feiner Empfindenden unerträglich“ [116, 4]. Эстетическое значение чистого, свободного от местных особенностей произношения подчеркивал и Й.В. Гёте в «Правилах для актеров»: „Wenn mitten in einer tragischen Rede sich ein Provinzialismus eindrängt, so wird die schönste Dichtung verunstaltet und das Gehör des Zuschauers beleidigt.“

Хотя сложившаяся на немецкой сцене произносительная норма могла рассматриваться как образцовая, она не лишена была отдельных колебаний, расхождений и дискуссионных моментов. Первый практический вклад в научное изучение немецкой устной речи внес В. Фиетор своей книгой «Немецкое литературное произношение» („Aussprache des Schriftdeutschen“, 1885).

Чтобы добиться необходимого единства и закрепить сложившуюся норму, уточнив ее, в апреле 1898 г. в Берлине под руководством Т. Зибса состоялось совещание представителей сцены и филологов-германистов. Результаты этого совещания были опубликованы Т. Зибсом в том же 1898 г. под названием «Немецкое сценическое произношение» („Deutsche Bühnenaussprache“) [116]. Эта книга затем неоднократно переиздавалась.

В 1899 г. германистическая секция 45-го Собрания немецких филологов и преподавателей одобрила результаты совещания 1898 г. и указала на необходимость применения единой орфоэпиче-

ской нормы не только на сцене, но и в школе и во всех других областях общественной жизни.

Повторная проверка и уточнение этих правил были предприняты особым комитетом в 1908 г. По поручению комитета Т. Зибс подготовил новое издание книги «Немецкое сценическое произношение», дополнив его фонетическим словарем. Это событие явилось завершением эксплицитной кодификации общепризнанной орфоэпической нормы немецкого национального литературного языка. Одним из основных правил немецкой орфоэпии было признано требование произносить верхненемецкие языковые формы, следуя нижненемецким произносительным навыкам. Следовало четко разграничивать *p, t, k* и *b, d, g*, а также *ö, ü*, *eu* и *e, i, ei*.

Наряду с этим в орфоэпических правилах были включены многие существенные элементы верхненемецкого произношения: произнесение *s* как [ʃ] в сочетаниях *sp, st* в начале слова (*Spiel, stehen*), удлинение гласного в относительно закрытых слогах (*Tag, Rad, Dom*), оглушение конечного *g* в *k* (*Sieg, Krug*). Таким образом, кодификация орфоэпической нормы отражала и результаты процесса языкового взаимовлияния и выравнивания между верхненемецким и нижненемецким ареалами [72, 136].

Кодификация единой общепризнанной орфоэпической нормы национального литературного языка явилась завершающим моментом в процессе постепенного изменения его статуса, наметившимся с конца XVIII в. На протяжении XVI – XVIII вв. унификацией была охвачена в основном письменная форма литературного языка, чем объясняется и его немецкое название *Schriftsprache*. Благодаря становлению единой произносительной нормы, письменная форма литературного языка в XIX в. дополнилась устной, а сам он, выступая отныне в двух формах (письменной и устной), значительно расширил и продолжает расширять сферы своего функционирования, выходящие далеко за рамки письменного использования. Значительно возросла поливалентность литературного языка как универсального средства коммуникации. В связи с этим современные немецкие исследователи считают целесообразным разграничивать письменно-литературный язык (*Schriftsprache*) и языковой стандарт (*Standardsprache*) [56, 1805]. Хотя переходы между ними плавны, и трудно назвать точную дату преобразования одного в другой, считается обоснованным применительно к XVI – XVIII вв. говорить о письменно-литературном языке, а начиная с XIX в. – о немецком языковом стандарте.

Медленно протекала унификация национального литературного языка в сфере орфографии, что объяснялось длительным отсут-

ствием государственного единства. Еще в 1815 г. на территории Германии существовали 34 наследственные монархии и 4 свободных города. Требование придерживаться единой орфографии выдвигалось уже с начала XVI в. Грамматисты, педагоги, печатники со времен В. Иккельзамера и публикаций эпохи Реформации пытались разработать систему правил правописания. Однако большое число орфографических вариантов сохранялось и в XVII в., не позволяя говорить о достигнутой унификации. Особые заслуги в нормализации немецкой орфографии принадлежали Ю.Г. Шоттелю, Й.Х. Готшеду и Й.Х. Аделунгу. В первой половине XVIII в. широкое распространение в Германии получило «Руководство по немецкому правописанию» Й. Фрайера (*„Anweisung zur deutschen Orthographie“*, 1722). В 1788 г. его сменил труд Й.Х. Аделунга «Полное руководство по немецкой орфографии» (*„Vollständige Anweisung zur Deutschen Orthographie“*), следовавший во многом принципам, которые были изложены в лингвистических сочинениях Й.Х. Готшеда. Взгляды трех грамматистов на принципы немецкой орфографии во многом совпадали. Их понимание орфографической правильности основывалось на фонетических и семантических критериях. Прежде всего они стремились графически разграничить слова-омонимы: *Lärche* – *Lerche*, *Waise* – *Weise*, *Roggen* – *Rocken*. Обозначение умлаута краткого а при помощи особого значка над этим гласным использовалась для того, чтобы показать родственные связи между словами: *älter* (от *alt*, свн. *elter*), *fällen* (от *fallen*, свн. *velen*), *tränken* (от *trank*, свн. *trenken*). В словах же, этимологические связи которых были затемнены, сохранялось старое написание: *edel* (от *Adel*), *Eltern* (от *alt*), *fertig* (от *fahren*), *behende* (от *Hand*). На протяжении столетий постепенно унифицировалось написание значительного количества слов. Однако варьирование и колебания в написании части слов не были преодолены, что в XIX в. привело к многочисленным попыткам провести орфографическую реформу.

С развитием в XIX в. сравнительно-исторического языкознания складываются новые критерии упорядочения немецкого правописания. В отличие от названных выше грамматистов, которые были по большей части сторонниками написания по фонетическому и семантико-логическому принципам, Я. Гримм выдвинул исторический принцип. Он требовал, чтобы в правилах правописания учитывались соответствующие исторические закономерности. Так, в частности, Я. Гримм предлагал отказаться от использования немого *h* для обозначения долготы гласного в тех случаях, где это не было обусловлено исторически. Согласно данному принципу не-

162

мое *h* следовало, например, отразить в написании слов *Mohn* (свн. *mâhen*), *Gemahl* (свн. *gemahel*), тогда как свн. *lôn* в новонемецком должно было соответствовать *Lon*. Исторический принцип написания отстаивали Андресен, Вильмар, Вакернагель, Вайнхольд. Написание по историческому принципу пытались частично насаждать в школе, например, требовали писать *ß* всюду, где обозначаемому согласному в общегерманском соответствовало *t*: *Waßer* (готск. *watô*), *Schweiß* (др.англ. *swât*). Специальная орфографическая комиссия в 1908 г. предложила следовать в написании прежнему языковому состоянию, т.е. писать, например: *Wirde* (вместо *Würde*), *zwelf* (вместо *zwölf*), *ergetzen* (вместо *ergötzen*), *Leffel* (вместо *Löffel*) и т.п. только потому, что так писали в средневерхненемецкий период. Эта мнимо историческая точка зрения вместо того, чтобы установить правильное написание, привела к прямо анти-историческим действиям – к насильственному переформированию сложившегося к новому периоду звукового облика слов, а в ряде случаев, где уже были найдены четкие правила, вносила беспорядок в орфографию. Против реформы, предлагаемой исторической школой, выступили сторонники фонетического принципа, которые требовали следовать в написании за произношением, отказавшись от имевшейся орфографической традиции.

Образцом предлагаемой ими орфографии является немецкое название соответствующей организации: *algemeiner ferein für fereinfahte rehtsreibung „Allgemeiner Vercin für vereinfachte Rechtschreibung“* [53, 152].

Попытка примирить два противоборствующих направления принадлежала Р. Раумеру. Он выступил прежде всего против исторической школы, подчеркивая, что характер немецкой орфографии определяется в основном фонетическим принципом написания. Отсутствие единой орфографической нормы неблагоприятно сказывалось на школьном обучении, тем более, что почти каждая типография и каждое издательство следовали при публикации учебников принятой в них орфографии. Начиная с 50-х г. XIX в., на местах предпринимаются попытки собственными силами устранить эту неупорядоченность правописания. В разных землях и городах, а также отдельными школами издавались орфографические справочники, подобно тому, как это было сделано в 1854 г. в Ганновере, в 1857 г. – в Лейпциге, в 1861 г. – в Штуттгарте, в 1871 г. – в Берлине. После политического объединения Германии в 1871 г. задача кодификации общенемецкой орфографической нормы вновь обрела остроту и актуальность. В 1876 г. в Берлине была созвана I Орфографическая конференция, на которой обсуждался проект Р. Ра-

умера, вызвавший немало возражений со стороны противников упрощения написания и усиления его фонетической ориентации. Итоги ее работы были обобщены К. Дуденом (1829 – 1911 гг.) в «Орфографическом словаре немецкого языка» (1880 г.), который заложил основы единой орфографической нормы, кодифицированной в 1901 г.

Поскольку на конференции 1876 г. не было достигнуто окончательного соглашения, ее рекомендации не могли полностью удовлетворить нужды школьного обучения. В отдельных землях вновь начали издаваться орфографические справочники и словари для школ, которые составлялись теперь с учетом предложений Р. Раумера. Подобные справочники появились в 1879 г. в Австрии и Баварии, в 1880 г. – в Пруссии. В Бадене, Мекленбурге, Саксонии и Вюртемберге вышли собственные справочники, однако они следовали баварско-прусскому образцу. Около 1900 г. уже пять шестых всех книг и три пятых всех журналов издавались в соответствии с орфографическими правилами, принятыми в школьном обучении [53, 152; 72, 134].

В 1901 г. состоялась II Орфографическая конференция в Берлине, в которой принимали участие представители всех земель Германии, а также Австрии и Швейцарии. На этой конференции была утверждена общенемецкая орфографическая норма, признанная в 1902 г. официальными властями. Она получила кодификацию в «Орфографическом словаре» К. Дудена (1902 г.). В дальнейших изданиях данного словаря фиксировались и продолжают фиксироваться все уточнения и изменения, вносимые в эту норму.

Начиная с 1920 г., неоднократно поднимался вопрос о необходимости проведения орфографической реформы. Главным объектом критики во всех предлагаемых проектах было написание слов с заглавной и прописной букв, которое многим казалось произвольным. В орфографическом словаре серии «Дуден» приводятся более 20 правил, содержащих рекомендации относительно случаев написания слов с заглавной буквы. Чтобы овладеть этими правилами, необходимо проделать определенный (и немалый) труд, который не всегда оказывается посильным для школьников. Им бывает сложно понять, почему этимологически тождественные единицы пишутся по-разному, ср.: *diesen Abend*, но *heute abend*; *das Salomonische Urteil* «решение Соломона», но *ein salomonisches Urteil* «соломоново (мудрое) решение» и т.п.

В 1954 г. на Штуттгартской конференции представители немецкоязычных стран выработали проект реформы, основные положения которого изложены в «Штуттгартских рекомендациях». Их

одобрила комиссия специалистов, выразив свое мнение в «Висбаденских рекомендациях» 1958 г. Однако в Австрии на орфографической конференции 1961 – 62 гг. не удалось добиться единогласия относительно умеренного написания с малой буквы (*gemäßigte Kleinschreibung*), швейцарская комиссия отклонила его большинством голосов. В силу этого осуществление орфографической реформы остается делом будущего [98; 123].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Немецкий литературный язык имеет многовековую историю, в которой выделяются отдельные этапы, обусловленные особенностями общественно-экономического и политического развития, культурной и языковой ситуациями, потребностями общения в соответствующий период времени. На каждом из них разными были статус и характер литературного языка, количественный состав присущих ему релевантных признаков и степень их выраженности, соотношение с другими формами существования в функциональной парадигме немецкого языка в целом.

Начальный этап письменно засвидетельствованной истории немецкого литературного языка (750 – 1050 гг.) соотносится с периодом раннего феодализма в Германии. В этот период благодаря распространению христианства и появлению письменности наряду с исходной первичной формой существования языка немецкой народности – территориальными диалектами – развивается новая форма существования – литературный язык, наиболее ярко выраженными признаками которого в то время были известная обработанность и элементы сознательного отбора языковых единиц. Данная форма существования языка использовалась преимущественно как средство письменной коммуникации и была ареально дифференцирована, функционируя в виде совокупности коррелирующих друг с другом и взаимодействующих территориальных вариантов письменно-литературного языка.

Последние характеризуются определенной наддиалектностью и обнаруживают функционально-стилевую дифференциацию в зависимости от сферы своего применения. Роль всеобъемлющей языковой системы высшего ранга, обладающей оптимальным набором признаков как средство надрегиональной и международной коммуникации, в средневековой Германии выполнял неавтохтонный литературный язык – латынь.

С вступлением Германии в середине XI в. в фазу развитого феодализма в функциональной системе немецкого языка произошли существенные исторические сдвиги. В этот период фундамент языковой пирамиды продолжали составлять территориальные диалекты, используемые в качестве средства повседневного устного общения преобладающим большинством представителей немецкой народности (независимо от их социально-классовой принадлежности). Вместе с тем в рыцарской среде, по-видимому, применялись определенные формы устного разговорного койне, которые, сложившись на базе территориальных диалектов, обнаруживали тенденцию к наддиалектности. Это койне предположительно являлось основой для развития различных регио-

нальных вариантов письменно-литературного языка, получивших фиксацию в памятниках рыцарской литературы того времени. Наиболее значительным вариантом письменно-литературного языка в эпоху расцвета куртуазной поэзии был классический средневерхненемецкий язык, развившийся на грани XII и XIII вв. на алеманско-восточнофранкской диалектной основе в бассейне рек Рейна, Майна и Дуная. В его формировании принимали участие самые крупные поэты того времени, творчество которых способствовало росту социального престижа классического средневерхненемецкого языка, что побуждало пользоваться им поэтов разных регионов, в том числе и нижненемецкого. Классический средневерхненемецкий язык имел надрегиональную значимость и характеризовался относительно высокой степенью унифицированности. В нем впервые в истории немецкого языка воплотился прототип надрегионального литературного языка, который занимал верхний страт функциональной парадигмы. Выше него – за пределами функциональной парадигмы средневерхненемецкого языка в целом, но перекрывая ее верхние страты, располагалась латынь, которая продолжала в этот период использоваться в качестве средства общения в высших сферах коммуникации. Существование данного прототипа надрегионального литературного языка оказалось недолговечным и прекратилось вместе с падением рыцарства. Высокий общественный престиж вариантов письменно-литературного языка, отраженных в рыцарской литературе, затенял первоначально его другие разновидности, носителями которых были представители бюргерских слоев или низшего духовенства (деловая письменность, язык проповедей). Этим разновидностям не были свойственны сравнительно высокая степень наддиалектности и относительно большая зона влияния, которыми характеризовался классический средневерхненемецкий язык. Однако благодаря расширенной социальной базе данных разновидностей письменно-литературного языка в них были заложены предпосылки дальнейшей языковой эволюции.

Развитие немецкого литературного языка не представляло собой непрерывного «восхождения» от одной и той же основы. Напротив, оно характеризовалось прерывистостью, сменой или одновременным выдвижением нескольких языковых центров, конкурирующих друг с другом. Плюрицентризм развития немецкого литературного языка особенно ярко проявился в первой половине ранненововерхненемецкого периода (XIV – XV вв.). В это время функциональная парадигма немецкого языка пополнилась новым наддиалектным образованием – городскими койне, оформлявшимися на основе интеграционных процессов в устном общении городов, где соприкасались в своей производственной деятельности и в процессе коммуникации выходцы из разных диалектных ареалов. Диалекты продолжали оставаться средством повседневного устного общения сельского населения. Важной чертой языковой ситуации в XIV – XV вв. является то, что несмотря на сохранение латино-немецкого двуязычия и престижность латинского языка в высших сферах коммуникации, постепенно расширяются сферы применения немецкого языка. В разных политических, культурных или экономических центрах возникали региональные варианты письменно-литературного языка, имевшие наддиалектную значимость. Выступая одновременно в качестве языка канцелярий, языка делового общения, языка первопечатников, они представляли собой разные функциональные варианты письменно-литературного языка. Региональные варианты не имели еще строгой кодификации и характеризовались «открытой» нормой, что создавало предпосылки для языкового выравнивания. Общая политическая и культурная обстановка способствовала развитию интеграционных процессов, в особенности на востоке территории распространения немецкого языка. Во второй половине XV в. здесь сосуществовали два региональных варианта письменно-литературного

языка, обладавшие высоким социальным престижем – восточносредне немецкий и восточноюжнонемецкий, которые сближались друг с другом в существенных чертах.

Растущее политическое и экономическое значение востока средней Германии и, прежде всего, движение Реформации создали в конечном итоге условия для того, чтобы после 1500 года восточносредне немецкий вариант стал ведущим в процессе развития немецкого национального литературного языка. С этого времени канцелярии уступают свою важную роль в качестве движущей силы и образца в языковом выравнивании книгопечатанию и языку первопечатников, образцовым авторам (в особенности, М. Лютеру), а также филологам и педагогам. Значение раннего книгопечатания для истории немецкого литературного языка заключалось, прежде всего, в том, что оно стимулировало процесс языковой унификации. Кроме того, в отличие от языка канцелярий, ориентированного преимущественно на официально-деловую сферу письменной коммуникации, язык первопечатников носил полифункциональный характер, который в дальнейшем все более усиливался.

Формирование немецкого национального литературного языка представляло собой длительный процесс, в котором явственно выделяются два этапа: начальный (конец XV в. – середина XVII в.) и завершающий (середина XVII в. – конец XVIII в.). На первом из них определяется региональная основа формирующегося национального литературного языка, начинаются его сознательная обработка и постепенное распространение на всю немецкоязычную территорию, сопровождающееся вытеснением других региональных вариантов. К концу второго этапа формирование общенемецкого национального литературного языка (в письменной разновидности), в целом, завершается, и позднее протекает его дальнейшее развитие и совершенствование. В начале XVI в. основание языковой пирамиды по-прежнему составляли диалекты, большое количество которых свидетельствует о весьма дробном членении территории распространения немецкого языка. Родной диалект был первой формой существования, с которой сталкивалось в своей жизни большинство людей той эпохи. Однако новые коммуникативные потребности, возникшие в канун и во время Реформации и Крестьянской войны в Германии, побуждали все более широкие слои населения выходить за рамки этой первичной формы проявления языка, вовлекая их в общий процесс надрегиональной коммуникации. Начавшееся в конце XV в. благодаря изобретению и распространению книгопечатания проникновение немецкой письменности в разные сферы общения в первой трети XVI в. стало еще более интенсивным. В силу этого значительно расширился круг лиц, владеющих основами чтения и письма. Этот слой населения к тому же в процессе обучения приобретал навыки в основном пассивного владения определенными региональными вариантами письменно-литературного языка и отдельными функциональными стилями. Сдвиги в коммуникативных отношениях, связанные с социальной интерференцией, способствовали переоценке доминирующей роли латыни в общей функциональной системе языков и форм существования, используемых обществом. По мере роста значимости немецкого языка в разных областях жизни латынь постепенно начала утрачивать свой ореол единственного приемлемого средства общения в сфере науки и высшего образования. Важное значение для развития национального литературного языка имела деятельность ученых-гуманистов, которые стремились при помощи переводов ознакомить с достижениями науки и культуры широкие слои соотечественников, открывая для родного языка новые сферы функционирования. Желая расширить круг читателей, они переходили к использованию немецкого языка в своих оригинальных трудах. Немецкий язык стал проникать в области разных наук, все более оттесняя латынь, безраздельно господствовавшую здесь ранее. Дея-

тельность гуманистов положила начало филологической работе над родным языком, который впервые становится объектом научного рассмотрения. Новая полифункциональная роль, которую призван был играть родной язык в рамках национальной коммуникации, делая излишней латынь, настоятельно требовала его дальнейшей унификации и роста социального престижа. На уровне письменно-литературного языка уже задолго до ранненововерхненемецкого периода наметились процессы выравнивания и смешения двух доминирующих и противостоящих друг другу вариантов письменно-литературного языка – юго-восточного и восточносредненемецкого. Прогрессирующее слияние этих вариантов, усиленное особенностями экономического, социального и политического развития в эпоху Реформации и Крестьянской войны, имело решающее значение для формировавшегося национального литературного языка. Личностью, которой в уникальной политической, социально-экономической, культурной и языковой ситуации было суждено сознательно ускорить процесс унификации, был глава движения Реформации в Германии М. Лютер. М. Лютер использовал в своей деятельности восточносредненемецкий вариант, что было весьма удачно в собственном лингвистическом отношении, поскольку, благодаря смешанному характеру своей устной основы, данный диалект уже сравнительно рано был «открыт» для влияния письменной традиции других регионов, в особенности юго-востока. М. Лютер застал восточносредненемецкий вариант письменно-литературного языка в тот момент, когда в результате многовекового взаимодействия он интегрировал целый ряд юго-восточных элементов. Значение М. Лютера для истории немецкого литературного языка заключается прежде всего в том, что он интенсифицировал процесс языкового выравнивания, еще теснее сблизив восточносредненемецкий вариант письменно-литературного языка с юго-восточным, благодаря чему первый значительно расширил радиус своего действия. Осуществленный М. Лютером перевод Библии приобрел надрегиональную значимость и, поднимаясь над местными особенностями письменного узуса, оказал воздействие на представителей разных языковых ландшафтов. Деятельность М. Лютера имела важное значение для развития немецкого литературного языка не только потому, что он ускорил языковое выравнивание. Сблизив еще теснее восточносредненемецкий и юго-восточный варианты, великий реформатор, не ожидая окончательного завершения унификации, закрепил обработанную им форму письменно-литературного языка и, благодаря своей исторической миссии, своему общественному престижу и неизмеримому авторитету своих трудов, способствовал ее победе и распространению на все немецкоязычные регионы.

Значительные заслуги в дальнейшей сознательной работе над формировавшимся национальным литературным языком и его нормализацией принадлежали теоретикам-грамматистам и лексикографам XVII – XVIII вв. Большое значение для развития литературного языка имели появление и расцвет во второй половине XVIII в. художественной литературы национального масштаба. Поскольку роль художественной литературы в идеологической борьбе в Германии в XVIII в. была исключительно велика, и высок был ее социальный авторитет, то она получала широкое распространение на всей территории Германии, в других немецкоязычных странах и воспринималась как идеальный образец в художественном и языковом отношении. В произведениях крупнейших писателей XVIII столетия впервые во всей полноте и стилистическом многообразии нашел свое отражение и воплощение национальный литературный язык, что ознаменовало собой относительно завершение длительного процесса его формирования. С этого момента литературный язык, обладающий совокупностью релевантных признаков, среди которых на передний план выдвигались его надтерриториальность и

стилевая полифункциональность, стал пригоден для использования в самых разнообразных сферах коммуникации.

Характерной чертой развития немецкого национального литературного языка является одновременность становления и кодификации общепризнанной нормы разных языковых уровней. Унификация письменной формы литературного языка, затронувшая, в первую очередь, уровень структурных фонетических закономерностей, лексический и грамматический уровни, завершилась значительно раньше, чем унификация его устной формы, которая предполагает кодификацию орфоэпической (произносительной) нормы. Кодификация единой орфоэпической нормы национального литературного языка явилась завершающим моментом в процессе постепенного изменения его статуса, наметившимся с конца XVIII в. На протяжении XVI – XVIII вв. унификацией была охвачена в основном письменная форма литературного языка, чем объясняется и его традиционное обозначение *Schriftsprache*.

Благодаря становлению единой произносительной нормы, письменная форма литературного языка в XIX в. дополнилась устной, а сам он, выступая отныне в двух разновидностях (письменной и устной), существенно расширил и продолжает расширять сферы своего функционирования, выходящие далеко за рамки письменного использования. Значительно возросла поливалентность литературного языка как универсального средства коммуникации. В связи с этим современные немецкие исследователи считают целесообразным разграничивать письменно-литературный язык (*Schriftsprache*) и языковой стандарт (*Standardsprache*), говоря о первом применительно к XVI – XVIII вв., а о втором – начиная с XIX в. В конце XIX – начале XX вв. получила кодификацию единая орфографическая норма.

В развитии немецкого литературного языка можно выделить несколько констант – тенденций, действующих на протяжении длительного периода времени или всей его истории. К их числу принадлежат:

- тенденция к наддиалектности, действие которой постоянно усиливалось по мере «восхождения» литературного языка от его первичной формы – территориальных вариантов письменно-литературного языка через региональные варианты разного типа к единому национальному литературному языку как всесторонне развитому средству письменной и устной коммуникации;

- тенденция к структурно-нормативной унификации, вершиной которой являлись установление и кодификация языковой нормы разных уровней национального литературного языка;

- тенденция к расширению сфер применения литературного языка на народной основе, к росту его социального престижа, сопровождающемуся вытеснением латыни из высших сфер коммуникации;

- тенденция к поливалентности, ко все более усложняющейся функционально-стилевой дифференциации литературного языка, делающей его гибким средством разносторонней коммуникации с большим потенциалом выразительности;

- тенденция к расширению социальной базы литературного языка, к увеличению количества членов коммуникативной общности, владеющих им активно или пассивно, действие которой способствует усилению структурного влияния данной формы существования на диалекты;

- тенденция к национальному варьированию в условиях использования общенемецкого литературного языка населением нескольких немецкоязычных стран.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

I. Специальная литература

1. *Актуальные проблемы языкознания ГДР. Язык – Идеология – Общество.* – М., 1979.
2. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. – М., 1953. – Т. I.
3. *Варбанец Н.В.* Йоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе. – М., 1981.
4. *Варианты полинациональных литературных языков.* – Киев, 1981.
5. *Вашунин В.С.* Композитная темочмия, синонимия и вариантность // Норма реализации. Варьирование языковых средств. – Горький, 1977. – Вып. 3.
6. *Власова З.* Язык и стиль австрийских писателей // *Österreichisches Erlebnis.* – Moskau, 1973.
7. *Герман-Винтер Р.* Влияние социалистического способа производства в сельском хозяйстве на языковую коммуникацию в северных районах Германской Демократической Республики // *Актуальные проблемы языкознания ГДР. Язык – Идеология – Общество.* – М., 1979.
8. *Гухман М.М.* От языка немецкой народности к языку немецкой нации. – М., 1955. – Ч. 1.
9. *Гухман М.М.* От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. – М., 1959. – Ч. 2.
10. *Гухман М.М.* Становление литературной нормы немецкого национального языка // *Вопросы формирования и развития национальных языков.* – М., 1960.
11. *Гухман М.М.* Литературный язык // *Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка.* – М., 1970.
12. *Гухман М.М., Семенюк Н.Н.* История немецкого литературного языка IX – XV вв. – М., 1983.
13. *Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С.* История немецкого литературного языка XVI – XVIII вв. – М., 1984.
14. *Домашнев А.И.* Очерк современного немецкого языка в Австрии. – М., 1967.
15. *Домашнев А.И.* О формах проявления современного немецкого языка // *Проблемы ареальных контактов и социолингвистики.* – Л., 1978.
16. *Домашнев А.И.* Современный немецкий язык в его национальных вариантах. – Л., 1983.
17. *Дубинин С.И.* Исторические истоки лексического своеобразия немецкого литературного языка в Швейцарии // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987.
18. *Жирмунский В.М.* Немецкая диалектология. – М. – Л., 1956.

При ссылках на научную литературу, словари и источники языкового материала в тексте книги выделенная цифра в квадратных скобках указывает порядковый номер соответствующего издания в списке использованной литературы, следующая светлая цифра – номер страницы.

19. *Жирмунский В.М.* История немецкого языка. – М., 1956.
20. *Иалева Г.Г.* Тенденции развития слова и словарного состава. На материале немецкого языка. – М., 1986.
21. *Клюева Т.В.* Об особенностях немецкого литературного языка в Швейцарии // *Schweizer Dichter erzählen.* – Moskau, 1982.
22. *Коротких Т.А.* Шиллер и развитие фразеологического фонда немецкого литературного языка // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978.
23. *Коротких Т.А.* Фразеологическая деривация на базе крылатых выражений Ф. Шиллера // Исследования по лексикологии и грамматике немецкого языка. – М., 1986.
24. *Лангнер Г.* Пласты языка и социальные слои. К вопросу о влиянии социальных факторов на языковое употребление // Актуальные проблемы языкознания ГДР. Язык – Идеология – Общество. – М., 1979.
25. *Малыгина Г.Е.* Язык современной австрийской драмы // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985.
26. *Миронов С.А.* Полудialect и обиходно-разговорный язык как разновидности наддиалектных форм речи // Типы наддиалектных форм языка. – М., 1981.
27. *Москальская О.И.* История немецкого языка. – Л., 1959.
28. *Помазан Н.Г.* Об особенностях социально-функциональной модели немецкого языка Швейцарии // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. – Л., 1978.
29. *Розен Е.В.* Общая и профессиональная лексика при обучении устной немецкой речи. – М., 1984.
30. *Семенюк Н.Н.* Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия. – М., 1967.
31. *Семенюк Н.Н.* Из истории функционально-стилистических дифференциаций немецкого литературного языка. – М., 1972.
32. *Семенюк Н.Н.* Наддиалектные формы в истории немецкого языка и некоторые аспекты их изучения // Типы наддиалектных форм языка. – М., 1981.
33. *Семенюк Н.Н.* К типологии форм существования немецкого языка // Проблемы общего и германского языкознания. – М., 1978.
34. *Серебренников Б.А.* Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М., 1970.
35. *Социальная и функциональная дифференциация литературного языка.* – М., 1977.
36. *Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М., 1976.
37. *Типология германских литературных языков.* – М., 1976.
38. *Типы наддиалектных форм языка.* – М., 1981.
39. *Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. – М., 1981.
40. *Филичева Н.И.* История немецкого языка. – М., 1959.
41. *Филичева Н.И.* Синтаксические поля. – М., 1977.
42. *Филичева Н.И.* Методологические вопросы истории немецкого литературного языка // Вестник Московского университета. – 1983. – Серия 9: Филология. – № 1.
43. *Филичева Н.И.* Диалектология современного немецкого языка. – М., 1983.
44. *Филичева Н.И.* Словообразующие функции префикса *ver-* в современном немецком языке // Проблемы общей и немецкой лексикологии. – М., 1985.
45. *Швейцер А.Д.* Литературный английский язык в США и Англии. – М., 1971.

46. Шиппан Т. О развитии языка в ГДР. – К вопросу о соотношении языка и общества // Актуальные проблемы языкознания ГДР. Язык – Идеология – Общество. – М., 1979.
47. Юдина Т.В. Особенности словообразования немецкого литературного языка в Австрии // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982.
48. Ammon U. Probleme der Soziolinguistik. – 2. Aufl. – Tübingen, 1977.
49. Arndt E., Brandt G. Luther und die deutsche Sprache. Wie redet der Deutsche in solchem Fall? – Leipzig, 1983.
50. Bach A. Deutsche Mundartforschung. Ihre Wege, Ergebnisse und Aufgaben. – 2. Aufl. – Heidelberg, 1950.
51. Bach A. Geschichte der deutschen Sprache. – 5. Aufl. – Heidelberg, 1953.
52. Bach H. Die Rolle Luthers für die deutsche Sprachgeschichte // Sprachgeschichte/ Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. – Berlin/New York, 1985. – Zweiter Halbbd.
53. Behaghel O. Die deutsche Sprache. – Halle (Saale), 1954.
54. Besch W. Sprachlandschaften und Sprachausgleich im 15. Jahrhundert. Studien zur Erforschung der spätmittelhochdeutschen Schreibdialekte und zur Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache. – München, 1967.
55. Besch W. Entstehung und Ausprägung der binnensprachlichen Diglossie im Deutschen // Dialektologie/Hrsg. von W. Besch, U. Knoop, W. Futschke, H.E. Wiegand. – Berlin/New York, 1982. – Erster Halbbd.
56. Besch W. Die Entstehung und Ausformung der neuhochdeutschen Schriftsprache/ Standardsprache // Sprachgeschichte/Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. – Berlin/New York, 1985. – Zweiter Halbbd.
57. Betz W. Lehnwörter und Lehnprägungen im Vor- und Frühdeutschen // Deutsche Wortgeschichte/Hrsg. von F. Maurer und H. Rupp – Berlin, 1974. – 3.Aufl. – Bd.I.
58. Brinkmann H. Hochsprache und Mundart. – Wirkendes Wort. – Düsseldorf, 1962. – Sammelbd. 1. Sprachwissenschaft.
59. Eggers H. Deutsche Sprachgeschichte. – Reinbek bei Hamburg, 1963. – Bd.I. Das Althochdeutsche.
60. Eggers H. Deutsche Sprachgeschichte. – Reinbek bei Hamburg, 1965. – Bd.II. Das Mittelhochdeutsche.
61. Eggers H. Deutsche Sprachgeschichte. – Reinbek bei Hamburg, 1969. – Bd.III. Das Frühneuhochdeutsche.
62. Eggers H. Deutsche Sprachgeschichte. – Reinbek bei Hamburg, 1977. – Bd.IV. Das Neuhochdeutsche.
63. Eggers H. Soziokulturelle Voraussetzungen und Sprachraum des Frühneuhochdeutschen // Sprachgeschichte/Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. – Berlin/New York, 1985. – Zweiter Halbbd.
64. Entwicklungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache/Hrsg. von K.-E. Sommerfeldt. – Leipzig, 1988.
65. Erben J. Frühneuhochdeutsch // Kurzer Grundriß der germanischen Philologie bis 1500. – Berlin, 1970. – Bd.1. Sprachgeschichte.
66. Fenske H. Schweizerische und österreichische Besonderheiten in deutschen Wörterbüchern. – Mannheim, 1973.
67. Ferguson C.A. Diglossia. – Word XV., 1959.
68. Fili ceva N.I. Einige produktive Tendenzen im Bereich des funktionalen Systems der deutschen Sprache. – Linguistische Studien. – Berlin, 1983. – Reihe A. – H.III.

69. *Frings Th.* Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache. – Halle (Saale), 1950.
70. *Frings Th.* Sprache und Geschichte. – Halle (Saale), 1956. – Bd. 1 – 3.
71. *Frings Th., Schmitt L.E.* Der Weg zur deutschen Hochsprache. – Jahrbuch der deutschen Sprache. – Berlin/Leipzig, 1944. – Bd. 2.
72. *Geschichte der deutschen Sprache/Verfaßt von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von W. Schmidt.* – Berlin, 1984. – 5. Aufl.
73. *Goossens J.* Strukturelle Sprachgeographie. Eine Einführung in Methodik und Ergebnisse. – Heidelberg, 1969.
74. *Goossens J.* Deutsche Dialektologie. – Berlin/New York, 1977.
75. *Große R.* Die obersächsischen Mundarten und die deutsche Schriftsprache. – Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse. – Berlin, 1961. – Bd.103. – H.5.
76. *Große R.* Die soziologischen Grundlagen von Nationalsprache und Literatursprache, Umgangssprache und Halbmundart. – DaF. – 1969. – H.6.
77. *Guchmann M.M.* Der Weg zur deutschen Nationalsprache. – Berlin, 1964. – Teil 1.
78. *Guchmann M.M.* Der Weg zur deutschen Nationalsprache. – Berlin, 1969. – Teil 2.
79. *Halliday M.A.K.* The Users and Uses of Language // Readings in the Sociology of Language. – The Hague, 1968.
80. *Hartweg F.* Die Rolle des Buchdrucks für die frühneuhochdeutsche Sprachgeschichte // Sprachgeschichte/Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. – Berlin/New York, 1985. – Zweiter Halbbd.
81. *Hartweg F., Wegera K.-P.* Frühneuhochdeutsch. – Tübingen, 1989.
- 81a. *Hoffman F.* Sprachen in Luxemburg. – Luxemburg, 1979.
82. *Hornung M., Roltinger F.* Unsere Mundarten. – Wien, 1950.
83. *Kaiser St.* Besonderheiten der deutschen Schriftsprache in der Schweiz. – Mannheim, 1969 – 1970. – Bd. I – II.
84. *Kleine Enzyklopädie.* Die deutsche Sprache. – Leipzig, 1969. – Bd.I.
85. *Kloß H.* Die Entwicklung neuer germanischer Kultursprachen seit 1800. – 2.Aufl. – Düsseldorf, 1978.
86. *Kluge F.* Deutsche Sprachgeschichte. – Leipzig, 1920.
87. *König W.* dtv-Atlas zur deutschen Sprache. – München, 1978.
88. *Kühn P.* Deutsche Sprache in der Schweiz // Lexikon der Germanistischen Linguistik/Hrsg. von H.P. Althaus, H. Henne, H.E. Wiegand. – Tübingen, 1980. – 2. Aufl. – Studienausgabe III.
89. *Langen A.* Deutsche Sprachgeschichte vom Barock bis zur Gegenwart // Deutsche Philologie im Aufriß. – Berlin, 1978. – Bd.1.
90. *Löffler H.* Probleme der Dialektologie. Eine Einführung. – Darmstadt, 1974.
91. *Lötscher A.* Schweizerdeutsch. Geschichte, Dialekte, Gebrauch. – Frauenfeld/Stuttgart, 1983.
92. *Moser Hans.* Die Kanzleisprachen // Sprachgeschichte/Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. – Berlin/New York, 1985. – Zweiter Halbbd.
93. *Moser H.* Deutsche Sprachgeschichte. – Tübingen, 1969.
94. *Moser H.* Die Entwicklung der deutschen Sprache seit 1945 // Sprachgeschichte/Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. – Berlin/New York, 1985. – Zweiter Halbbd.
95. *Moser H., Wellmann H., Wolf N.R.* Geschichte der deutschen Sprache/Hrsg. von N.R. Wolf. – Heidelberg, 1981. – Bd. I. Althochdeutsch – Mittelhochdeutsch.

96. *Moskalskaja O.I.* Deutsche Sprachgeschichte. – Moskau, 1977.
97. *Nerius D.* Zur Sprachnorm im gegenwärtigen Deutschen. – Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. – Halle (Saale), 1974. – Bd.95.
98. *Nerius D.* Untersuchungen zu einer Reform der deutschen Orthographie. – Berlin, 1975.
99. *Protze H.* Die deutschen Mundarten // Kleine Enzyklopädie. Die deutsche Sprache. – Leipzig, 1969. – Bd.I.
100. *Rautenberg U.* Soziokulturelle Voraussetzungen und Sprachraum des Mittelhochdeutschen // Sprachgeschichte/Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. – Berlin/New York, 1985. – Zweiter Halbbd.
101. *Reiffenstein I.* Deutsch in Österreich // Tendenzen, Formen und Strukturen der deutschen Standardsprache nach 1945. – Marburg, 1983. – Marburger Studien zur Germanistik, Bd.3.
102. *Riesel E.* Der Stil der deutschen Alltagsrede. – Moskau, 1964.
103. *Riesel E., Schendels E.* Deutsche Stilistik. – Moskau, 1975.
104. *Rizzo-Baur H.* Die Besonderheiten der deutschen Schriftsprache in Österreich und Südtirol. – Mannheim/Wien/Zürich, 1962.
105. *Rupp H.* Tendenzen, Formen und Strukturen der deutschen Standardsprache in der Schweiz. – Linguistische Studien. – Berlin, 1983. – Reihe A. – H.III.
106. *Scharnhorst J.* Zur Sprachsituation in der Deutschen Demokratischen Republik. – Sprachpflege. – 1978. – H.I.
107. *Scharnhorst J.* Zu einigen Grundbegriffen bei der Analyse von Sprachsituationen. – Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. – 1980. – Bd. 33. – H.6.
108. *Schenker W.* Schweizerdeutsch als Modell. Zum Terminus Dialekt. – Wirkendes Wort. – 1973. – H.2.
109. *Schieb G.* Die deutsche Sprache im hohen Mittelalter (mit Ausblick bis etwa 1500) // Kleine Enzyklopädie. Die deutsche Sprache. – Leipzig, 1969. – Bd.I.
110. *Schieb G.* Mittelhochdeutsch // Kurzer Grundriß der germanischen Philologie bis 1500/Hrsg. von Erich Schmitt. – Berlin, 1970. – Bd.I. Sprachgeschichte.
111. *Schieb G.* Versuch einer Charakteristik der grundlegenden Kommunikationsbeziehungen um 1200 (Gedanken zu einigen Voraussetzungen einer Geschichte der deutschen Nationalitätssprache). – ZPSK. – 1980. – Bd.33. – H.3.
112. *Schieb G.* Die deutsche Sprache zur Zeit der frühbürgerlichen Revolution. – ZPSK. – 1975. – Bd.28. – H.5/6.
113. *Schildt J.* Abriß der Geschichte der deutschen Sprache. – Berlin, 1984.
114. *Schneider W.* Stilistische deutsche Grammatik. – Freiburg, 1959.
115. *Schönfeld H.* Zur Rolle der sprachlichen Existenzformen in der sprachlichen Kommunikation // Normen in der sprachlichen Kommunikation. – Berlin, 1977.
116. *Siebs Th.* Deutsche Bühnenaussprache – Hochsprache. – Berlin, 1898.
117. *Sonderegger St.* Althochdeutsche Sprache und Literatur. – Berlin/New York, 1974.
118. *Sonderegger St.* Grundzüge deutscher Sprachgeschichte. Diachronie des Sprachsystems. – Berlin/New York, 1979. – Bd.I. Einführung – Genealogie – Konstanten.
119. *Sonderegger St.* Reflexe gesprochener Sprache im Althochdeutschen // Sprachgeschichte/Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. – Berlin/New York, 1985. – Zweiter Halbbd.
120. *Sonderegger St.* Die Entwicklung des Verhältnisses von Standardsprache und Mund-

- arten in der deutschen Schweiz // Sprachgeschichte/Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. – Berlin/New York, 1985. – Zweiter Halbbd.
121. *Sprachgeschichte*. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung/Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. – Berlin/New York, 1984. – Erster Halbbd.; Berlin/New York, 1985. – Zweiter Halbbd.
 122. *Sprachliche Kommunikation und Gesellschaft*. Von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von W. Hartung. – Berlin, 1976.
 123. *Theoretische Probleme der deutschen Orthographie*/Hrsg. von D. Nerius und J. Scharnhorst. – Berlin, 1980.
 124. *Wolf H. Martin Luther*. Eine Einführung in germanistische Lutherstudien. – Stuttgart, 1980.
 125. *Wortschatz der deutschen Sprache in der DDR*. Fragen seines Aufbaus und seiner Verwendungsweise/Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von W. Fleischer. – Leipzig, 1987.
 126. *Wiesinger P.* Zur Entwicklung der deutschen Schriftsprache in Österreich unter dem Einfluß Gottscheds in der 2. Hälfte des 18. Jahrhunderts. – Linguistische Studien. – Berlin, 1983. – Reihe A. – H.III.
 127. *Wiesinger P.* Die Entwicklung des Verhältnisses von Mundart und Standardsprache in Österreich // Sprachgeschichte/Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. – Berlin/New York, 1984. – Zweiter Halbbd.
 128. *Zabrocki L.* Wspólnoty komunikatywne w genezie i rozwoju języka niemieckiego. – Warszawa, 1963.

II. Словари

129. *Словарь словообразовательных элементов немецкого языка*/Под руководством М.Д. Степановой. – М., 1979.
130. *Der Sprach-Brockhaus*. – 7., durchgesehene Aufl. – Wiesbaden, 1958.
131. *Duden*. Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim/Wien/Zürich, 1983.
132. *Duden*. Bd.7. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. – Mannheim/Wien/Zürich, 1963.
133. *Duden*. Wie sagt man in Österreich? Wörterbuch der österreichischen Besonderheiten von Jakob Ebner. – 2., vollständig überarbeitete Aufl. – Mannheim, 1980.
134. *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – 21. Aufl. – Berlin/New York, 1975.
135. *Lexen M.* Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. – 28. Aufl. – Leipzig, 1956.
136. *Österreichisches Wörterbuch*. – 35., völlig neubearbeitete und erweiterte Aufl. – Wien, 1979.
137. *Paul H.* Deutsches Wörterbuch. – 5. Aufl. – Halle (Saale), 1956. – Bd. 1 – 2.
138. *Wahrig G.* Deutsches Wörterbuch. – Gütersloh/Berlin/München/Wien, 1975.

III. Источники языкового материала

139. *Bauer W.* Magic Afternoon. // Wunschkonzert. – Moskau, 1983.
140. *Deichsel W.* Bleiwe losse // Wunschkonzert. – Moskau, 1983.
141. *Goethe J.W.* Werke. Auswahl in sechzehn Bänden. – Leipzig, o.J. – Bd.4, 6.
142. *Kleist H. von.* Sämtliche Werke. – Leipzig, 1883. – Bd. 2.
143. *Kroetz F.X.* Oberösterreich // Wunschkonzert. – Moskau, 1983.
144. *Lessing G.E.* Werke. – Stuttgart, 1894. – Bd.2.
145. *Schiller F.* Werke/Hrsg. von L. Bellermann. – Leipzig und Wien, o.J. – Bd. 2, 5, 6.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
Глава I. Современный немецкий язык и его функциональная стратификация	14
1.1. Функциональная парадигма современного немецкого языка	14
1.2. Литературный язык и диалект	16
1.3. Обиходно-разговорный язык и полудиалект	22
1.4. Коммуникативные нормы использования разных форм существования	33
Глава II. Национальное варьирование немецкого литературного языка .	43
2.1. Языковая общность как лингвистическое понятие	43
2.2. Основные структурно-нормативные особенности австрийского варианта немецкого литературного языка	54
2.3. Специфика швейцарского варианта немецкого литературного языка ...	70
Глава III. Истоки и судьбы немецкого литературного языка в донациональную эпоху	83
3.1. Начальный этап истории немецкого литературного языка	83
3.2. «Классический средневерхненемецкий язык» как прототип надрегионального литературного языка	97
3.3. Региональные варианты немецкого письменно-литературного языка в XIV – XV вв.	119
Глава IV. Становление немецкого национального литературного языка	132
4.1. Особенности начальной фазы формирования национального литературного языка в Германии	132
4.2. Нормализаторская деятельность теоретиков-грамматистов и лексикографов XVII – XVIII вв.	147
4.3. Значение художественной литературы национального масштаба для развития литературного языка	148
4.4. Кодификация орфоэпической и орфографической норм	158
Заключение	165
Список использованной литературы	170